
Ассоциация исследователей российского общества АИРО-XXI
Проект Стивена КОЭНА и Катрины ванден ХЮВЕЛ

СЕРИЯ «АИРО – ПЕРВАЯ МОНОГРАФИЯ»
под редакцией Г.А. Бордюгова

Международный совет издательских программ и научных проектов АИРО

Геннадий БОРДЮГОВ	Руководитель
Андрей МАКАРОВ	Генеральный директор
Сергей ЩЕРБИНА	Арт-директор
Карл АЙМЕРМАХЕР	Рурский университет в Бохуме
Петр АКУЛЬШИН	Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина
Дмитрий АНДРЕЕВ	МГУ имени М.В. Ломоносова
Дитрих БАЙРАУ	Тюбингенский университет
Дьердь БЕБЕШИ	Печский университет
Владимир БЕРЕЛОВИЧ	Высшая школа по социальным наукам, Париж
Бернд БОНВЕЧ	Рурский университет в Бохуме
Харуки ВАДА	Фонд японских историков
Ирина ВАРСКАЯ-ЧЕЧЕЛЬ	Интернет-журнал «Гефтер»
Людмила ГАТАГОВА	Институт российской истории РАН
Пол ГОБЛ	Фонд Потомак
Габриэла ГОРЦКА	Центр «Восток–Запад» Кассельского университета
Андреа ГРАЦИОЗИ	Университет Неаполя
Никита ДЕДКОВ	Центр развития информационного общества (РИО-Центр)
Роберт ДЭВИС	Бирмингемский университет
Алан КАСАЕВ	РИА «Новости»
Стивен КОЭН	Принстонский, Нью-Йоркский университеты
Андрей КУЗНЕЦОВ	Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
Джон МОРИСОН	Лидский университет
Игорь НАРСКИЙ	Южно-Уральский государственный университет
Норман НЕЙМАРК	Стэнфордский университет
Дональд РЕЙЛИ	Университет Северной Каролины на Чапел Хилл
Борис СОКОЛОВ	Русский ПЕН-центр
Такеси ТОМИТА	Сейкей университет, Токио
Татьяна ФИЛИППОВА	Институт востоковедения РАН и Институт российской истории
Марк ЮНГЕ	Рурский университет в Бохуме

В.Л. Кириллов

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ
ТЕРРОРИЗМ,
КОТОРОГО НЕ БЫЛО:

Тайное общество
«Сморгонская академия»
в русском революционном движении
1860-х гг.

Москва
2016

СЕРИЯ «ПЕРВАЯ МОНОГРАФИЯ»
ОСНОВАНА В 1993 ГОДУ

Дизайн и вёрстка: Сергей Щербина

Кириллов В.Л.

Революционный терроризм, которого не было: Тайное общество «Сморгонская академия» в русском революционном движении 1860-х гг. — М.: АИРО-XXI, 2016. — 240 с. — (Серия «АИРО — Первая монография» под ред. Г.А. Бордюгова). — ISBN 978-5-91022-350-3.

Монография посвящена истории малоизвестного тайного общества «Сморгонская академия» («Сморгонь») в контексте событий, происходивших во второй половине 1860-х гг. в русском революционном подполье. Нередко в историографии кружок сморгонцев рассматривается в качестве примера радикальной и террористической деятельности русских революционеров, что неудивительно — члены кружка были свидетелями и участниками ишутинского тайного общества, из рядов которого вышел террорист Каракозов, и нечаевского дела. Автор книги на основе обширного круга источников реконструирует историю «Сморгонской академии», радикальный характер которой оказывается сильно преувеличенным в предшествующей исследовательской литературе. Книга адресована историкам-специалистам, а также всем интересующимся отечественной историей.

ISBN 978-5-91022-350-3

© Кириллов В.Л., 2016
© АИРО-XXI, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ, или испорченный телефон как символ историографии проблемы	7

Глава 1 ПРЕДЫСТОРИЯ

«Саратовцы»: первые шаги (1862–1865 гг.).....	30
«Ишутинцы»: в московском подполье (январь – апрель 1866 г.).....	37
«Каракозовцы»: под следствием и судом (весна – осень 1866 г.).....	57

Глава 2 ТАЙНОЕ ОБЩЕСТВО «СМОРГОНСКАЯ АКАДЕМИЯ» (1867–1868 гг.)

Сморгонская коммуна и петербургское революционное сообщество	72
Состав «Сморгонской академии».....	79
Деятельность в Петербурге.....	96
Замысел освобождения Чернышевского	102
И.И. Бочкарев и его славянские интересы	107
Внешние связи «Сморго́ни». Швейцарская «миссия» Бочкарева.....	117
Радикализм, которого не было?.. ..	127

Глава 3

ПОСЛЕ «ВЫПУСКА ИЗ “АКАДЕМИИ”»

На заре новых движений (конец 1868 – начало 1869 гг.)	145
«Елизаветградское дело» (вторая половина 1869 – начало 1870 гг.)	154
Судьбы безвестные	168

ЗАКЛЮЧЕНИЕ	192

ПРИЛОЖЕНИЕ

Под литерой «Р». Из истории русского революционного подполья 1860 х гг.	196

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Растущая общественная сила	208

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	214

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ	232

ВВЕДЕНИЕ, или испорченный телефон как символ историографии проблемы

Профессиональный исследователь или любознательный читатель, услышав об истории революционного движения XIX века в России, без труда вспомнит имена Герцена, Чернышевского, Бакунина и многих других известных теоретиков, публицистов и деятелей подполья. При этом участники малоизвестных обществ и кружков, скорее всего, потеряются за спинами этих выдающихся деятелей, и достойного места в исторической памяти для них не найдется. Это не казалось бы большой проблемой, если бы не обедняло наши знания о том или ином этапе русского революционного движения. Так, вторая половина 1860-х гг. в крупных трудах, энциклопедиях или учебниках отмечена лишь заметными фигурами Ишутина, возглавлявшего московский революционный кружок, вышедшего из этого кружка Каракозова и, пожалуй, Нечаева, создавшего «Народную расправу» и организовавшего убийство студента Иванова. В итоге характеристики этих известных личностей вольно или невольно переносились на их современников. Но достаточно ли подобного обобщения для действительного понимания взглядов и мотивов революционеров этого времени?

Почти век назад историк В.А. Сушицкий отмечал некоторые особенности исследования революционного движения 1860-х гг.: по его мнению, этому периоду «не повезло и после революции, когда ученым был открыт доступ к изучению архивных материалов, т. к. главное внимание было обращено на крупные проявления революционного движения, вернее на изучение целого ряда “дел”, связанных с непосредственным участием в них таких лиц, как Чернышевский и Михайлов, тогда как деятельность менее известных революционеров совершенно неизвестна»¹. К таким неизвестным революционерам не только век назад, но и сейчас относится небольшое петербургское тайное общество, которому посвящена эта книга.

В 2003 г. в «Белорусской деловой газете» была опубликована статья Олега Малашенко об истории существовавшего в Петербурге в 1867 – начале 1869 гг. общества «Сморгонская академия» (или просто «Сморгонь»), чье название было связано с белорусским городком Сморгонь Гродненской области. Согласно статье, «Сморгонь» была самой большой террористической организацией в России конца 1860-х гг., «“дочерью” своей предшественницы – тайной террористической организации “Ад”, действовавшей в Москве, Петербурге и ряде других городов». Общество также было подразделением польской националистической организации «Огул» и «матерью» «Народной расправы». По мнению автора, в «Сморгонской академии» проводились практические занятия по конспирации, изучались методы слежки за потенциальными жертвами, способы подделки документов и химические свойства взрывчатых веществ. Нечаев именно в свою бытность в «Сморгони» написал «Катехизис революционера». Статья вышла под заголовком... «Восставшие из “Ада”»².

Эта красивая история о таинственной террористической организации приведена здесь в качестве примера «испорченного телефона» историографии нашей проблемы. Вероятно, сама статья опиралась в первую очередь на фантазию автора, а не на научную литературу, однако этой фантазии способствовал и образ «Сморгони», сложившийся к настоящему времени в исторических трудах. Где реальность, а где домыслы в истории о революционном терроризме тайного общества «Сморгонская академия»? Было ли оно связано с ишутинским «Адом» и нечаевской «Народной расправой»? Можно ли говорить о широком распространении террористических взглядов в среде революционной молодежи второй половины 1860-х гг., ориентируясь на пример этого кружка? На эти и другие вопросы попытался ответить автор данного исследования.

* * *

За полтора столетия, прошедшие со времен существования «Сморгонской академии», о ней написана лишь одна специальная работа – монография советского историка Б.П. Козьмина «Революционное подполье в эпоху “белого террора”» (М., 1929). («Белым террором» некоторые современники и исследователи называли короткий период конца 1860-х гг., когда в условиях правительственной реакции после каракозовского выстрела революционное движение пошло на спад.) Дальнейшие упоминания и оценки

«Сморгони» представляли собой, по сути, пересказ и интерпретацию выводов Козьмина и нередко приводили к эффекту «испорченного телефона». Чтобы распутать клубок некорректных предположений, накопившийся в научно-исторической литературе, необходимо посмотреть, как же он складывался. Заранее прошу прощения у неподготовленного читателя, которому придется во вводной главе столкнуться с упоминанием неизвестных для него имен и сюжетов, подробности которых будут раскрыты уже в основной части.

В конце 1860-х гг. деятельность кружка не была раскрыта, а сведения, ставшие известными политической полиции позже, казались уже неактуальными; крупницы информации о «Сморгонской академии» так и остались в архивных материалах, недоступных для дореволюционных исследователей. Никакого судебного процесса или гласного разбирательства, результаты которых могли бы попасть в официальную или нелегальную печать, не было. Те же из современников, кто мог что-то рассказать о сморгонцах, должно быть, считали их общество незначительным явлением в революционном движении второй половины 1860-х гг., особенно в сравнении с каракозовским и нечаевским делами, и потому, за редкими исключениями, не оставили о нем воспоминаний.

Некоторые обрывочные сведения, касавшиеся истории «Сморгони», стали появляться в печати в начале XX в. Например, известный историк В.Я. Богучарский в 1915 г. в журнале «Голос минувшего» опубликовал краткий отчет Следственной комиссии 1862–1871 гг. по делам о государственных преступлениях, в котором среди прочего упоминались поездка сморгонца И.И. Бочкарева за границу и намерение «злоумышленников сделать подкоп под рельсами Одесской железной дороги с целью взорвать их во время следования царского поезда»³. Но эти любопытные сюжеты не привели к дальнейшим исследованиям. Общий вывод историографии о небольшом периоде второй половины 1860-х гг., вне зависимости от взглядов исследователей, можно выразить словами того же Богучарского, согласно которым «после 1866 года усиленный разгул реакции повлиял на общество самым подавляющим образом»⁴. Могло казаться, что между Каракозовым и Нечаевым истории революционного движения в России просто не было.

В период ранней советской историографии (конец 1910-х – первая половина 1930-х гг.) ситуация меняется. В то время было

опубликовано множество документальных материалов по истории шестидесятых годов (следственных материалов и воспоминаний), как в виде отдельных изданий, так и в специализированных журналах («Каторга и ссылка», «Красный архив», «Былое»), выходили многочисленные исследования, биобиблиографический словарь «Деятели революционного движения в России». Серьезную роль в этом процессе сыграло Общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев.

Несмотря на то, что основное внимание историков было направлено на исследование наиболее известных сюжетов революционного движения, доступ к архивным материалам, массив изданных источников и общественный запрос способствовали вниманию к деятельности и менее известных личностей и групп. На страницы исследований стали проникать имена некоторых сморгонцев и близких им лиц. А.А. Шилов в книге «Каракозов и покушение 4 апреля 1866 года», основываясь на следственных показаниях, приводил Ф.А. Борисова в качестве яркого примера участников ишутинского кружка, готовых помогать сельским учителям доставать книги и заниматься своим делом. «План этот настолько увлек одного из членов “Организации” – Борисова, что он решил бросить университет и употребить все свои силы и всё свое время, чтобы сколько-нибудь содействовать его осуществлению», – писал Шилов⁵. Ю.М. Стеклов в одной из своих статей упоминал В.И. Кунтушева, рассказавшего следствию о попытке некоего петербургского кружка организовать побег Чернышевского из Сибири⁶. (Стоит отметить, что использованная Стекловым справка III отделения 1870 г. утверждала, будто в Петербурге и других городах делались «постоянные сборы денег с целью доставить Чернышевскому средства к побегу из Сибири»; однако ни о каких постоянных сборах Кунтушев не говорил – скорее наоборот, из его показаний можно было сделать вывод лишь о том, что никакого хорошего финансирования идея освобождения Чернышевского не получила.) После смерти в Лондоне В.Н. Черкезова в журнале «Каторга и ссылка» был опубликован посвященный ему очерк-некролог под авторством Б.И. Николаевского, в котором в том числе рассказывалось и о кружке, сложившемся «вокруг Черкезова и его друзей» и ставшем «маленьким революционным клубом»⁷.

Собрать воедино все факты попытался Козьмин. Его книга «Революционное подполье в эпоху “белого террора”», тем не менее, не представляла собой комплексного, цельного описания ис-

тории подполья в период между Каракозовым и Нечаевым. Поставив во введении вопрос, существовали ли «после разгрома 1866 г.» какие-либо революционные организации (за исключением «Рублевого общества», «о котором мы кое-что знаем», – пояснял автор⁸), Козьмин рассмотрел ряд архивных дел, не введенных ранее в научный оборот. Начав повествование с истории арестов и обысков малоизвестных лиц, чьи имена мало что могли говорить даже просвещенному читателю, Козьмин, словно детектив, к последним главам восстановил картину деятельности тайного общества «Сморгонская академия». Наибольший интерес историка был прикован к фигуре Бочкарева, установившего контакты с сербскими революционерами и пытавшегося наладить сотрудничество с русской эмигрантской колонией в Швейцарии.

Можно сказать, что большую часть монографии читатель вслед за автором знакомится с фактами в той последовательности, в которой они становились известны следственным органам. Подобное изложение материала, конечно, украшало стиль работы, но при этом могло поставить Козьмина в зависимость от тех выводов, к которым в ходе расследования приходил политический сыск. Вместе с тем описательный характер книги позволил историку привести в тексте очень значительные цитаты из архивных дел, максимально приблизить читателя к первоначальным источникам.

«Сморгонская академия», по мнению Козьмина, при своем возникновении была характерной для своего времени коммуной, созданной земляками из Саратова и товарищами по каракозовскому процессу. Но впоследствии она «переросла рамки “коммуны”», «не ограничивалась только заботами об устройении – в материальном и умственном отношениях – жизни своих членов, но и мечтала об организации некоторых революционных предприятий», среди которых были организация побега Чернышевского, установление связей с эмиграцией, дискуссионное обсуждение вопроса о цареубийстве⁹. По мнению историка, эти «маленькие и незаметные дела были по тому времени делами важными и необходимыми», поскольку в итоге «Сморгонская академия» «сыграла известную роль в подготовке дальнейших событий»: «значительно число участников студенческого движения 1869 г. и организации, созданной в том же году С.Г. Нечаевым, вышли из рядов “Сморгонской академии”», были её членами или стояли близко к ней», – писал автор¹⁰.

Несмотря на привлечение богатого фактического материала, Козьмин допустил в своей работе немало погрешностей, нуждающихся в критической оценке. Поскольку серьезной критике монография никогда не подвергалась, а альтернативного исследования не было написано, остановимся на ряде положений Козьмина, которые представляются сомнительными.

Одним из интереснейших сюжетов книги была история череповецкого мещанина И.Г. Розанова, в конце 1867 – середине 1868 гг. жившего в Швейцарии и тесно общавшегося там с колонией русских политических эмигрантов и М.К. Элпидиным в частности. По возвращении из-за границы Розанов был арестован и под следствием рассказал о масштабном революционном заговоре, якобы существовавшем тогда в России, целями которого были похищение кого-либо из членов императорского дома и последующие требования проведения ряда реформ и освобождения Чернышевского. По словам Розанова, в секреты заговора его посвятил эмигрант Элпидин¹¹. Козьмин поставил вопрос: «Всё ли в этих показаниях было ложью и мистификацией? <...> Не был ли переданный им (Розановым. – *В.К.*) рассказ Элпидина отзвуком того, что сам Элпидин слышал от Бочкарева (участника “Сморгонь”. – *В.К.*)?»¹²

Как представляется, положительный ответ на этот сомнительный вопрос требует прямых, очевидных доказательств. Но, оставив вопрос без ответа, Козьмин после него собрал в отдельной главе различные факты и фактики о террористических настроениях в революционной среде в 1866–1869 гг.¹³ Таким образом Козьмин косвенными доказательствами подвел читателя к мысли, что в среде сморгонцев террористические идеи были обычным и приемлемым явлением. Но не было ли в выборочном доверии к показаниям Розанова попытки выдать желаемое за действительное?

Это выборочное доверие Козьмин проявил, в частности, при анализе рассказа Розанова о некоем немце, посланном Чернышевским в Швейцарию: Розанов среди прочих сведений рассказал следствию о том, что от Элпидина он слышал, будто «в то время прибыл в Швейцарию из Сибири какой-то немец и привез к кому-то из эмигрантов словесные инструкции и письмо от Чернышевского»¹⁴. Анализ дела показывает, что Розанов рассказал о немце только тогда, когда его повторно привлекли к допросам¹⁵, хотя до этого череповецкий мещанин уже излагал сведения об эмиграции, не скрывая подробностей. Розанов, не стеснявшийся

придумывать «чистосердечные» показания, мог бояться повторного ареста и выдумать эту историю. Козьмин же не видел «оснований категорически отрицать возможность присылки Чернышевским письма эмигрантам» и в качестве аргумента писал о мягком отношении нерчинского коменданта Кноблоха к политическим заключенным, ссылаясь на воспоминания С.Г. Стахевича в сборнике «Н.Г. Чернышевский. 1828–1928» (М., 1928). Отзыв же Кноблоха о невозможности передать письмо, по мнению Козьмина, был мотивирован его шкурным интересом¹⁶.

Однако на указанных Козьминым страницах сборника (с. 47–50) находятся воспоминания не Стахевича (его мемуары есть в другом месте той же книги), а П.Д. Баллода, студента Петербургского университета, сосланного в Сибирь по делу о тайной типографии и печати воззваний. Баллод, с одной стороны, говорит о том, что Кноблох «понимал очень хорошо неуместность некоторых требований, относился к ним совершенно равнодушно, хотя и принимал вид начальнический»¹⁷. Но при этом, когда на автора воспоминаний другой ссыльный донес, что будто бы Баллод вел тайную переписку с Петербургом, комендант распорядился провести обыски и менее чем за сутки выяснил, что доносчик лжет. Кноблох приказал приковать доносчика к тачке и держать на гауптвахте¹⁸. Комментируя эту историю, Баллод писал: «Если комендант и вообще почти всё начальство относились так внимательно ко всем ссыльным, то, понятно, к Чернышевскому относились еще внимательнее. Они, несомненно, сделали бы для Чернышевского всё, за что не рисковали бы подвергнуться ответственности, но начальство само было крайне стеснено, и затем, как я уже выше сказал, Чернышевский никогда ни о чем не просил»¹⁹. Так что, обращаясь по ссылке, данной Козьминым, приходится прийти к совершенно противоположному выводу о «мягкости» Кноблоха и возможности отправить письмо за границу.

Анализируя историю миссии Бочкарева в Швейцарию, Козьмин справедливо заметил, что автором записки и тетради с переводом Консидерана, которые были привезены Бочкаревым Элпидину во время их знакомства, был И.А. Худяков; он же – не раз упомянутый в письме Элпидина «Х.». Это предположение объясняет, почему Элпидин знал почерк автора (они встречались в 1865 г. в Женеве) и почему наличие этих документов у Бочкарева вызвало подозрения в его шпионстве, ведь Худяков в этот момент был в ссылке²⁰. Содержание записки неизвестно, и нет сведений о том, что это была записка Худякова Элпидину; так

что, вероятно, это был сохранившийся у сморгонцев автограф Худякова, переданный ими Бочкареву²¹. Но далее, опираясь на показания Бочкарева, Козьмин утверждал, что сморгонец во время обыска обещал привезти письмо от автора предыдущей записки, т. е. Худякова. Это неразумное обещание он дал под давлением эмигрантов: очевидно, что достать рекомендацию от Худякова, находившегося в Сибири, было невозможно – также невозможно, как, по цитате Бочкарева из показаний, «доставить рекомендацию с Луны»²². В этом месте, следует признать, Козьмин путал факты и утверждения разных лиц.

Элпидин в своем письме, описывающем приезд Бочкарева, говорил, что сморгонец дал обязательство доставить рекомендацию от «его (Элпидина. – В.К.) друзей (если он их пронюхает собственным носом), которых ему не сказано»²³. Логично было бы предположить, что если Элпидин считал Бочкарева агентом III отделения, то он не стал бы требовать с него «пронюхать собственным носом» существование и местонахождение Худякова – оно было известно властям, и они теоретически могли бы получить от Худякова любой необходимый текст. Скорее Элпидин имел в виду своих агентов или друзей в Петербурге.

Бочкарев же в показаниях писал следующее: «Словесно же сказали мне, чтобы я доставил Утину письмо от Печаткина и Элпидину письмо от неизвестного мне лица, которое прислало записку; в последнем требовании я колебался, но Николадзе, полущутя-полусерьезно, сказал: “Он доставит, как ему не доставить”»²⁴. Здесь не могла идти речь об автографе Худякова, поскольку Бочкарев утверждал следствию, что записку и перевод Консидерана ему передал эмигрант Николадзе, и он нигде не говорил о том, что их кто-то прислал из России – он вообще умалчивал об их происхождении. В этом месте своих показаний Бочкарев и вовсе не упоминал никакой записки, и, если он передавал реальный диалог, то речь могла идти о записке от действительно неизвестного Бочкареву лица – агента Элпидина из Петербурга.

Из показаний Розанова можно узнать, что, когда Элпидин заподозрил в Бочкареве шпиона, он «затребовал о нем справки из Парижа и из Петербурга»²⁵. Рассказывая об обыске, Розанов не упоминал, пришел ли к тому моменту ответ из Петербурга или же нет – но, быть может, он пришел, и тогда Бочкареву и было сказано «пронюхать» её автора. Что же касается якобы имевшего место ответа Бочкарева о том, что он мог бы пообещать «доставить рекомендацию с Луны», то, с учетом его тактики скрыть пе-

ред следствием любые связи с революционным подпольем, подобное показание должно было подчеркнуть его мнимую невозможность отыскать революционеров в Петербурге – но не Худякова в Сибири.

Неопределенность выводов Козьмина о «Елизаветградском деле», вероятно, послужила причиной восприятия этого дела в историографии как свидетельства широкого распространения террористических идей и замыслов в революционном движении второй половины 1860-х гг. и во взглядах «Сморгонской академии» в частности. Козьмин, описывая дело, обратил внимание на многочисленные неясности в показаниях подсудимых лиц. Возможно, часть пробелов в фактах «Елизаветградского дела» объяснима тем, что Козьмин не обращался к архивным материалам III отделения по этому делу. Кроме этого, историку не были доступны воспоминания Борисова, опубликованные в том же 1929 г., когда вышла его книга. Цепляясь за отмеченные неясности, историк поставил вопрос: если показаниями участников дела вся правда не исчерпывается, мог ли елизаветградский донос, обвинявший их в террористических планах, иметь под собой какие-либо основания?²⁶

Козьмин привел показания Н.Ф. Собещанского, согласно которым Нечаев в разговоре с ним упоминал Елизаветград, М.П. Троицкого и Борисова. По мнению историка, желание Нечаева связаться с Троицким говорит о широких интересах последнего, не сводимых лишь к распространению заграничных изданий. Поскольку Нечаев не был чужд рассуждений о цареубийстве²⁷, то это косвенно подкрепляет обвинение елизаветградского доноса. Приводя факты обсуждения возможности цареубийства в среде революционной молодежи, Козьмин пришел к выводу, что «мысль о цареубийстве в 1868–1869 гг. носилась в воздухе», «мысль о политическом терроре пользовалась несомненной популярностью»²⁸. Но точно так же «носились в воздухе» идеи освобождения Чернышевского, создания народных школ, пропаганды в деревне и т. д.! Тем не менее, основываясь на фактах обсуждения террора и возможного знакомства Нечаева с подсудимыми, а также сомневаясь в искренности Троицкого, Козьмин писал, что нельзя «ответить категорически на вопрос о том, подготавливалось или нет в 1869 г. покушение на Александра II»²⁹. Подобная формулировка, как нетрудно заметить, фактически делала равнозначными и одинаково возможными оба варианта ответа.

Отмеченные неточности и ошибки, безусловно, не обесценивают серьезный анализ архивных материалов, прояснивший многие стороны деятельности «Сморгонской академии». Но повторного исследования истории «Сморгоны» не было проведено, и многие открытые вопросы и неопределенные выводы монографии стали жить собственной жизнью. «Испорченный телефон» был запущен.

С середины 1930-х гг. до середины 1950-х гг. изучение революционного движения второй половины 1860-х гг. было сильно затруднено. Этот небольшой период прямо соприкасался со следующим народническим десятилетием, но был гораздо позже «первой революционной ситуации»; кроме этого, покушение Каракозова и одиозная фигура Нечаева могли вызывать ассоциации и сравнения с народовольческим террором. «Мы предпочитали обходить молчанием народничество 70-х и следующих годов, обрывая историю нашей мысли и общественного движения на Чернышевском или, в лучшем случае, на Писарева, а от них переходили непосредственно к марксизму»³⁰, – вспоминал в 1959 г. Козьмин.

Уже после «сталинского» периода историографии вышел обобщающий труд Ш.М. Левина «Общественное движение в России в 60–70-е годы XIX века» (М., 1958), где в нескольких предложениях был охарактеризован кружок сморгонцев. Левин полагал, что общество «может считаться соединительным звеном между ишутинцами, с которыми были связаны его члены Д. Воскресенский, В. Черкезов и др., и нечаевцами». По мнению Левина, П.Н. Ткачев и С.Г. Нечаев, «имели, очевидно, отношение к “Сморгонской академии”», а в кружке «дебатировался вопрос о цареубийстве»³¹. Как можно видеть, представление о преемственности ишутинского общества и нечаевского дела имело логичным следствием тезис о «Сморгоны» как соединительном звене между этими событиями.

Кратко, но с использованием новых архивных материалов деятельность Бочкарева была обрисована В.Я. Гросулом в содержательной монографии «Российские революционеры в Юго-Восточной Европе (1859–1874 гг.)» (Кишинев, 1973). Автор охарактеризовал Бочкарева как «одного из зачинателей революционного социализма в Сербии», внесшего серьезный вклад в укрепление русско-сербских революционных связей в конце 1860-х гг. В системе взглядов Бочкарева заметен «славянофильский налет», что объяснимо, по мнению историка, отсутствием позиции по славянскому вопросу в революционных кружках того времени³².

Как считал Гросул, Бочкарев вошел в русские революционные круги еще до своей первой поездки за рубеж, т. е. до 1867 г. Но, за исключением факта его знакомства с М.О. Антоновой, этот тезис подтверждался лишь догадками. Так, историк поставил под сомнение возможность длительного пребывания Бочкарева в Париже в первой половине 1867 г. без знаний иностранных языков и робко предположил, не мог ли Бочкарев быть знаком с товарищем Худякова и Черкезова П.А. Спиридовым, жившим тогда в Европе (почему именно Спиридов мог быть посредником в общении с иностранцами, неясно)³³. Историк также задался вопросом о знакомстве Бочкарева с петербургскими сербами еще в 1866 г. и его возможных контактах во время визита в Сербию с болгарским революционером Л. Каравеловым³⁴. Истинные взгляды Бочкарева на момент участия в оmlадинской скупщине были, с точки зрения Гросула, гораздо радикальнее, чем черновики его выступлений, что объясняется цензурными соображениями³⁵. Все эти предположения не подкреплены прямыми доказательствами и являются, скорее всего, следствием склонности Гросула преувеличивать возможности и масштабы деятельности русского революционного сообщества этого времени.

Кроме истории Бочкарева, Гросул рассмотрел в монографии и вопрос «Елизаветградского дела» в контексте поездки Нечаева во второй половине 1869 г. в Румынию и на юг России и его контактов с русскими, болгарскими и румынскими деятелями. Впрочем, его обращение к архивным материалам было выборочным и немного небрежным. Например, говоря о желании Троицкого и других связаться с Элпидиным, Гросул писал: «Значит, “сморгонцы” и после ареста Бочкарева поддерживали отношения с Элпидиным»³⁶. Но Троицкий не входил в «Сморгонь» и связался с Элпидиным без посредничества петербургского кружка; контакта с эмигрантом «Сморгонии» установить так и не удалось, с этой задачей Бочкарев не справился; и потом, во второй половине 1869 г. «Сморгонской академии» уже не существовало.

Историк также предполагал, что Нечаев мог быть агентом Элпидина, которого Троицкий ожидал в Елизаветграде, ссылаясь на донесение начальника жандармского управления Одессы Кнопа³⁷. Однако сам полковник Кноп не до конца был уверен в своем предположении, признавая такую возможность зависящей от «большей или меньшей между этими лицами (Нечаевым и Элпидиным. – В.К.) солидарности»³⁸. В качестве аргумента о Нечаеве как агенте Элпидина Гросул привел письмо Нечаева в Швейца-

рию, написанное в это время; письмо, по словам историка, было обнаружено в архиве среди бумаг Элпидина. В указанном письме Нечаев писал: «Завтра вижусь со своими – значит еще напишу, потому что известия важные будут», что, по мнению Гросула, свидетельствовало о совместной работе Нечаева и Элпидина³⁹. Но еще до выхода книги Гросула историк К.А. Поглубко проанализировал это письмо и доказал, что оно предназначалось Бакунину и Огареву и отправлено Нечаевым из Браилы, т. е. еще до того, как он приехал в Одессу⁴⁰. Под завтрашней встречей подразумевалась, вероятно, встреча с болгарями, с которыми общался Нечаев и о политических действиях которых он рассказывал в письме⁴¹. Причем же тут Элпидин и Елизаветград? Аргумент Гросула выглядит тем более странно с учетом того, что несколькими страницами ранее он ссыался на исследования Поглубко и соглашался с его выводами об адресатах и месте отправки письма⁴².

Необоснованным представляется взгляд Гросула на изучаемый период «белого террора» как на время, когда в Петербурге и Москве действовали подпольные революционные организации, связанные с польским движением и русскими эмигрантами и ставившие перед собой задачи свержения самодержавия, в том числе террористическим путем⁴³. По мнению историка, Нечаев был близок к «Сморгонской академии» именно террористическими настроениями, он разделял «теоретическую направленность» общества⁴⁴. Даже Бочкарев, который был «душевно чистым, гуманным человеком», как писал Гросул, придерживался принципа «цель оправдывает средства», что было результатом «белого террора», побуждавшего революционеров переходить на «крайние средства»⁴⁵. В последнем случае Гросул ссыался на факты поведения Бочкарева в Швейцарии; однако «радикальные» заявления Бочкарева, его попытки выставить себя «ярым, красным революционером» были сделаны, скорее всего, с целью войти в доверие к Элпидину.

Задачу изучить деятельность «Сморгонской академии» и факты «Елизаветградского дела» «на основе документов», чтобы «картина глубокого революционного подполья изучаемого периода» была «более рельефной»⁴⁶, ставил перед собой П.С. Ткаченко в монографии «Учащаяся молодежь в революционном движении 60–70-х гг. XIX в.» (М., 1978). Этим сюжетам была посвящена целая глава его книги⁴⁷. Выводы Ткаченко о «Сморгони» и о периоде «белого террора» были менее резкими в сравнении с Гросулом, но они обогащали историографию проблемы лишь

отдельными новыми фактами и именами. Ткаченко, соглашаясь с основными положениями монографии Козьмина, однозначно положительно решал вопрос об участии в «Сморгони» Нечаева и его соратника В.Ф. Орлова (ссылаясь на воспоминания Л.Б. Гольденберга), отмечал, что идея царевубийства «не могла не захватить членов “Сморгонской академии”», и полагал, что план освобождения Чернышевского вырабатывался в кружке «в результате страстных прений»⁴⁸. По мнению историка, общество сморгонцев – пример попытки «в глубоком подполье собрать революционные силы и продолжить дело своих предшественников – ишутинцев»⁴⁹.

Упоминание автором якобы существовавшего свидетельства В.И. Засулич о «Сморгонской академии» вызывает удивление. Как утверждал Ткаченко, известная революционерка писала, будто «“Сморгонская академия” была центром, вокруг которого группировалась революционная молодежь Петербурга 1867–1868 гг.»⁵⁰ В реальности же данная фраза принадлежит комментатору воспоминаний Засулич Козьмину и находится в примечаниях к их изданию!⁵¹ Утверждение Засулич, которое комментировал Козьмин, не соглашаясь со свидетельницей событий, звучит так: «Она (революционная молодежь после каракозовского дела. – В.К.) оставалась совершенно одна; ей предстояло отыскивать дорогу собственными силами. Каракозовщина не оставила ядра, около которого она могла бы группироваться»⁵².

Обращение Ткаченко к архиву III отделения в связи с «Елизаветградским делом» не привело к открытию факта второго анонимного письма и обстоятельств ареста Троицкого в Николаеве. С точки зрения Ткаченко, из воспоминаний Борисова «следует, что для организации транспорта литературы Борисов встретился с Нечаевым и установил с ним связь»⁵³, что, конечно, является очень вольным прочтением его свидетельства. Исследование документов товарища прокурора одесской судебной палаты Пржецлавского в итоге поставило историка в зависимость от предположений официального следствия, которому было выгодно видеть в разобщенных оппозиционных группах доказательства существования единого и обширного революционного подполья. Пржецлавский усматривал связь между «Елизаветградским делом» и студенческим движением 1869 г., а также на основе сравнения рукописи неизвестного автора «Великая тайна масонов» и программ революционных кружков приходил к выводу, что все тайные общества «должны всегда иметь между собой взаимную

связь и братское общение»⁵⁴. Ткаченко, подчеркивая интерес к выводам официального лица, по сути, согласился с ними. Подобный подход схож со столь же некритичным доверием Гросула к донесением русского посла в Стамбуле Н.П. Игнатьева, рисовавшего на основе данных неизвестного происхождения картину серьезных революционных связей русского подполья на территории Европы. В то же время ряд современников отмечал, что одной из «печальных» черт характера Игнатьева была его «необузданная, какая-то ненасытная склонность ко лжи»⁵⁵.

Сюжет «Сморгонской академии» был затронут в монографии Е.Л. Рудницкой «Русская революционная мысль. Демократическая печать. 1864–1873» (М., 1984). Автор охарактеризовала «Сморгонь» как революционную коммуну, сыгравшую «наиболее значительную роль в острой идеологической схватке» в общественном движении того времени. «Идейно-политическая платформа этого объединения, – писала Рудницкая, – была близка тем установкам ишутинцев, которые связывали с цареубийством активизацию народных масс, приближение революционного взрыва»⁵⁶. Доминирование заговорщической линии в деятельности «Сморгонской академии» подчеркивалось и её сравнением с идеями «Рублевого общества», которое в представлении Рудницкой являлось своего рода оппонентом, другим полюсом революционной мысли этого времени.

Как писала исследователь, столкновение заговорщической и пропагандистской тактик проявилось в ходе студенческих волнений 1868–1869 гг. Сторонники первой тактики (группировка Нечаева и Ткачева) предлагали направить студенческое недовольство в русло политической, революционной борьбы, а их противники (например, кружок М.А. Натансона) развивали установки «Рублевого общества»⁵⁷. Отмечая, что группа Нечаева и Ткачева была причастна к «Сморгонской академии», Рудницкая тем самым считала их политические установки идентичными. По её мнению, заговорщическое направление в 1864–1873 гг. было одной из главных тенденций развития революционной мысли, проявив себя «...в ишутинской организации, в настроениях участников “Сморгонской академии”, в “Программе революционного действия”. Эта линия ведет непосредственно к П.Н. Ткачеву, “Набату”, к “политическому” направлению в революционном народничестве»⁵⁸.

Рассуждения Рудницкой представляют собой наиболее яркий и аргументированный пример попытки вписать «Сморгонскую

академию» в жесткие рамки заговорщического, бланкистского направления русского революционного движения. Представления о бланкистском характере деятельности «Сморгони» и причастности Ткачева и Нечаева к её работе настолько прижились в современной историографии, что воспринимаются на уровне энциклопедических фактов.

Б.М. Шахматов в комментариях к книге о Ткачеве называл «Сморгонскую академию» «прямой предшественницей организации Нечаева»⁵⁹. Рудницкая в другой работе, посвященной Ткачеву, писала, что «именно к “Сморгонской академии”, объединению, продолжавшему заговорщическое направление в революционном движении, примкнул Ткачев, и здесь, по-видимому, было положено начало его сближению с Нечаевым»⁶⁰. О.В. Будницкий, говоря о сморгонцах, отмечал «преобладание террористических настроений в крупнейшей, по-видимому, революционной организации конца 1860-х годов»⁶¹. Гросул в одной из постсоветских монографий однозначно связывал со «Сморгонской академией» яacobинское направление революционного движения⁶². Н.А. Троицкий писал о существовании в Петербурге «радикальной “Сморгонской академии” во главе с будущим вождем русского бланкизма П.Н. Ткачевым»⁶³. Е.И. Щербакова склонялась к выводу, что елизаветградский донос был вызван «террористическими проектами, которые обсуждались в кружке» сморгонцев⁶⁴. В современной научной энциклопедии «Революционная мысль в России XIX – начала XX века» Ткачев прямо назван членом «...“Сморгонской академии” – революционной коммуны, основанной бывшими “каракозовцами”». “Академия” была прямой предшественницей организации С.Г. Нечаева»⁶⁵, – говорилось в статье.

Анализ историографии показывает, что представление в исторической литературе об истории «Сморгонской академии» и её значении в русском революционном движении первоначально базировалось на выводах, сделанных в 1929 г. Б.П. Козьминым. Его монография, превосходно выполнив задачу первичного анализа архивных материалов, содержала ряд неточностей и предположений автора, нуждавшихся в верификации и критике. Однако последующие исследователи ограничились лишь незначительными дополнениями и корректурой положений монографии Козьмина и – что более важно – интерпретацией его выводов в зависимости от своих взглядов на революционное сообщество эпохи «белого террора» или историографических тенденций своего времени.

Как можно заметить, представление о серьезном организационном уровне «Сморгонской академии», её связях с известными революционными деятелями и террористическом характере её установок с каждой такой интерпретацией чаще всего усиливалось – как это и полагается при игре в «испорченный телефон».

* * *

Косвенно подобной ситуации способствовал и недостаток источников. Тот же Козьмин отмечал, что от революционеро-шестидесятников, в отличие от декабристов и народников, почти не осталось воспоминаний и мемуаров⁶⁶. М.М. Клевенский приходил к схожему выводу в отношении эпистолярного наследия 1860-х гг.; по его мнению, условия жизни разночинной интеллигенции «мало способствовали бережному хранению писем в семейных архивах»⁶⁷. Судебно-следственные материалы, как уже отмечалось ранее, не принесли нам толстых дел с заголовком «О Д. Воскресенском, В. Черкезове и других лицах, причастных к собраниям тайного общества “Сморгонская академия”» (примерно так, наверное, было бы названо дело III отделения или какой-либо следственной комиссии, если бы кружок был раскрыт до его самороспуска).

Вместе с тем именно судебно-следственные материалы являются основным источником по истории «Сморго́ни». К ним относятся архивные дела III отделения Собственной его императорского величества канцелярии (ГА РФ, ф. 109), Следственной комиссии 1862–1871 гг. по делам о государственных преступлениях (ГА РФ, ф. 95; здесь и далее – «следственная комиссия Ланского» или «комиссия Ланского» по имени её председателя в 1864–1871 гг. графа П.П. Ланского), материалы каракозовского дела, сохранившиеся в архиве Следственной комиссии под председательством графа М.Н. Муравьева (ГА РФ, ф. 272; здесь и далее – «следственная комиссия Муравьева» или «муравьевская комиссия»)⁶⁸, а также каракозовского процесса, опубликованные в 1928–1930 гг.⁶⁹, материалы нечаевского дела⁷⁰. Некоторые архивные документы (например, второй николаевский донос «Елизаветградского дела») ранее в литературе не упоминались.

В данной группе наибольший интерес представляют показания подследственных и подсудимых. Как представляется, каждый случай показаний необходимо анализировать отдельно, обращая особенное внимание на личность и на контекст тех или иных приводимых фактов. Подследственные могли как преуменьшать

свои конспиративные замыслы и оппозиционные воззрения, так и преувеличивать их под давлением следствия, с целью показать чистосердечность своего признания или перевести ответственность на других лиц. Впрочем, относясь критично к каждому отдельному показанию, нельзя не согласиться с Козьминым, считавшим, что в 1860-е гг. «обычно большинство арестованных по политическим делам спешило рассказать своим следователям всё, что им было известно по делу, – а иногда и больше этого»⁷¹. Как убедительно показал Н.А. Троицкий, лишь в 1870-е гг. в революционной среде складывается отношение к следствию и суду как политической площадке, вырабатывается тактика поведения под арестом и на суде⁷².

Критического отношения заслуживают и различные агентурные данные и выводы политического следствия. Так, в отношении управляющего III отделением в следственную комиссию Ланского от 14 декабря 1870 г., составленном в т. ч. на основе агентурных донесений неизвестного авторства, говорилось, что «Сморгонская академия» является «продолжением общества “Ад”»; один из руководителей «Сморгонии», Д.А. Воскресенский, ранее был «членом “Ада” и ревностным помощником Ишутину»⁷³, хотя, как будет показано далее, Воскресенский с Ишутиным были достаточно поверхностно знакомы, что позволило первому утверждать на суде, будто он Ишутин и вовсе не знает. Нередко утверждения, которые можно встретить в следственных документах, противоречат бумагам того же ведомства и того же времени. Например, к указанному отношению прилагалась справка, где не только признавалось, что Воскресенский не был близок судом «в имении точных сведений об обществе», организованном Ишутиным, но и упоминалось разоблачение ложного навета брата Воскресенского, обвинявшего его в согласии с идеей царевубийства⁷⁴. Каким же ревностным помощником Ишутину мог быть Воскресенский, не исповедуя радикальные взгляды?.. Наконец, следственные документы могли содержать и банальные фактические ошибки. Так, в упомянутой справке говорилось о сыне московского купца Колачевском, рядом с фамилией которого стояла пометка: «Должно быть Клаковский»⁷⁵. Однако настоящая фамилия описываемого персонажа была Колачевский, и происходил он из дворянского сословия. В этом же источнике факты биографий братьев Орфано, близких ишутинскому кружку, были приписаны участнику «Сморгонской академии» М.И. Орфанову⁷⁶.

Исследователь истории III отделения И.В. Оржеховский, говоря об агентуре времен Николая I, писал, что работа полицейских агентов нередко отличалась бесконтрольностью, нерегулярностью и неэффективностью, и это не раз отмечало само начальство. «Используя негласность своей профессии, – считал Оржеховский, – и невозможность проверить достоверность их информации, они не останавливались перед преувеличениями, натяжками, домыслами. Сведения, сообщаемые в III отделение, в основном не выходили за рамки “слухов и толков” и нередко сводились к элементарным доносам»⁷⁷. Вряд ли к 1860-х гг. ситуация кардинально изменилась, что приводит историков к необходимости верификации и критики сведений различных донесений и отчетов.

Воспоминаний современников, в которых сохранились конкретные сведения о «Сморгонской академии», совсем немного.

Будущий революционер Л.Б. Гольденберг, в 1867–1869 гг. студент Технологического института, во время пребывания в Петербурге был приглашен на нелегальное собрание «Сморгонской академии» и познакомился с деятельностью этого кружка. Воспоминания Гольденберга, всего один абзац из которых посвящен «Сморгони», были опубликованы в 1924 г. в журнале «Каторга и ссылка»⁷⁸. Судя по тексту, можно говорить об эпизодических контактах Гольденберга со сморгонцами; несмотря на это, авторы биобиблиографического словаря «Деятели революционного движения в России» в статье о Гольденберге отметили, что в 1868 г. он «принимал участие в нелегальном петербургском кружке “Сморгонь”»⁷⁹.

Писатель и бродячий книготорговец Н.И. Свешников оставил после себя «Воспоминания пропадающего человека», впервые опубликованные в журнале «Исторический вестник» в 1896 г.; факт прямого упоминания «Сморгонской академии», тем не менее, не привлек внимания историков, изучавших это общество – в литературе свидетельство Свешникова не использовалось. В середине 1860-х гг. в Петербурге Свешников через своих знакомых сошелся с революционными кругами Петербурга и со «Сморгонской академией» в частности⁸⁰. Описание быта коммуны сморгонцев и их собраний представляет собой ценный источник по истории кружка.

В 1929 г. журнал «Каторга и ссылка» опубликовал небольшую заметку-некролог И. Ракитниковой «Памяти Ф.А. Борисова», скончавшегося за год до этого⁸¹. Борисов не был участником «Смор-

гони», хотя еще с первой половины 1860-х гг. тесно общался со многими её членами, а после роспуска кружка, в 1869 г., был причастен к «Елизаветградскому делу». Воспоминания, записанные Ракитниковой со слов самого Борисова, знакомят с деятельностью группы саратовских гимназистов, в которую он входил, и фактами «Елизаветградского дела». Необходимо, конечно, учитывать и краткость воспоминаний, и их запись другим лицом, что оставляет возможность для различных интерпретаций описанных в них фактов.

Наличие «посредника» несколько снижает и ценность воспоминаний сморгонца Н.Н. Катин-Ярцева, отложившихся в дневниковых записках его сына Виктора. Несмотря на то, что значительная часть из них приводится от лица отца, необходимо учитывать, что в 1892 г., когда умер Катин-Ярцев, его сыну было всего 17 лет⁸². Неточность воспоминаний подтверждается рядом очевидных фактических ошибок: например, в приводимом рассказе о поездке Катин-Ярцева в Рязань с целью освобождения Чернышевского, говорится об истории изъятия векселя у А.Н. Колачевского⁸³, которая в реальности произошла значительно позже и к «Сморгонской академии» отношения не имела. Эти воспоминания, опубликованные в 1998 г. в омском альманахе «Глубинка» главным редактором А. Грачевым, впервые вводятся в научный оборот.

Стоит добавить, что воспоминания участников революционного движения или же свидетелей чьей-либо революционной деятельности, даже будучи написанными от первого лица и без цензурных ограничений, также могут содержать сомнительные или же вовсе неверные факты. Это связано либо с метаморфозами человеческой памяти под влиянием времени, либо с неверным толкованием чужих сведений. В этом — еще одна проблема анализа воспоминаний. Тот же Гольденберг писал: «Насколько я помню, Нечаев был в этой “Академии”»⁸⁴. В этом утверждении Гольденберг, как можно судить по формулировке, не был уверен до конца, поскольку полагался на свою память о событиях, произошедших довольно давно. Журналистка Е.И. Козлинина, вспоминая об ишутинском обществе, уверенно писала о шестистах его членах и о двух тысячах арестованных после выстрела Каракозова⁸⁵, что не подтверждается никакими официальными фактами: причиной подобного преувеличения могла быть не только давность событий, но и небрежность и отсутствие интереса мемуаристки к революционному движению. Например, рассказывая об убитом

нечаевцами студенте Иванове, Козлинина называла его Александром Ивановым, судившимся по каракозовскому делу, после которого ему было разрешено поступить в Петровскую академию⁸⁶, хотя ишутинец Александр Иванов и нечаевец Иван Иванов – разные личности⁸⁷.

* * *

«Испорченный телефон» в историографии, создавший образ конспиративной террористической организации «Сморгонская академия», сложился под влиянием нескольких факторов. Во-первых, политическая полиция Российской империи, безусловно, стремилась выявить царевубийственные и антигосударственные планы в революционной среде: отсюда пристальное внимание следствия к различным высказываниям и слухам, которые можно было интерпретировать соответствующим образом. Во-вторых, впоследствии недостаток источников открывал простор для предположений: ведь никто из современников ни под следствием, ни в воспоминаниях не изложил в деталях всю историю изучаемого здесь кружка. Наконец, различные авторы, как до революции, так и в советское время, стремились преувеличить организационный уровень революционного подполья XIX века по идеологическим причинам, порой придавая лишний вес недоказанным гипотезам.

Однако, возможно, эти гипотезы верны, а недостаток информации был следствием конспирации? Или всё же мы имеем дело с историей революционного терроризма, которого на самом деле не было?..

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сушицкий В. Из истории революционной деятельности А.Х. Христофорова в Саратове. (Организация рабочих товариществ) // Каторга и ссылка. 1924. № 6 (13). С. 84.

² Малащенко О. Восставшие из «Ада» // Белорусская деловая газета. 2003. 8 сент. С. 17.

³ Цит. по: Богучарский В.Я. Общественное движение 60-х годов под пером его казенных исследователей // Голос минувшего. 1915. № 4. С. 212.

⁴ Богучарский В. Активное народничество семидесятых годов. – М., 1912. С. 60.

⁵ Шилов А.А. Каракозов и покушение 4 апреля 1866 года. – Пг., 1919. С. 25–26.

⁶ *Стеклов Ю.* Вокруг ссылки Н.Г. Чернышевского // Каторга и ссылка. 1927. № 4 (33). С. 191.

⁷ *Николаевский Б.* Варлаам Николаевич Черкезов (1846–1925) // Каторга и ссылка. 1926. № 4 (25). С. 223–224.

⁸ *Козьмин Б.П.* Революционное подполье в эпоху «белого террора». – М., 1929. С. 9.

⁹ Там же. С. 142.

¹⁰ Там же. С. 163.

¹¹ См. подробнее: Там же. С. 57–61.

¹² Там же. С. 143–144.

¹³ Там же. С. 145–154.

¹⁴ Там же. С. 94.

¹⁵ См. его показания от 5 ноября 1868 г.: ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 427. Л. 195–196 об.

¹⁶ *Козьмин Б.П.* Революционное подполье в эпоху «белого террора». С. 95.

¹⁷ *Баллод П.Д.* Воспоминания о Н.Г. Чернышевском // Н.Г. Чернышевский. 1828–1928. – М., 1928. С. 48.

¹⁸ Там же. С. 49–50.

¹⁹ Там же. С. 50.

²⁰ *Козьмин Б.П.* Революционное подполье в эпоху «белого террора». С. 121.

²¹ Там же. С. 122.

²² Там же. С. 120–121.

²³ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 427. Л. 253 об.

²⁴ Там же. Л. 176.

²⁵ Там же. Л. 143.

²⁶ *Козьмин Б.П.* Революционное подполье в эпоху «белого террора». С. 145–146.

²⁷ Там же. С. 151–152.

²⁸ Там же. С. 147, 154.

²⁹ Там же. С. 154.

³⁰ *Козьмин Б.П.* Народничество на буржуазно-демократическом этапе освободительного движения в России // Исторические записки. Т. 65. – М., 1959. С. 191.

³¹ *Левин Ш.М.* Общественное движение в России в 60–70-е годы XIX века. – М., 1958. С. 260.

³² *Гросул В.Я.* Российские революционеры в Юго-Восточной Европе (1859–1874 гг.). – Кишинев, 1973. С. 311.

³³ Там же. С. 291.

³⁴ Там же. С. 292–293, 303.

³⁵ Там же. С. 296, 300.

³⁶ Там же. С. 394.

³⁷ Там же. С. 391.

³⁸ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 154 (3 экз., 1869 г.). Д. 104. Ч. 1. Л. 216.

³⁹ *Гросул В.Я.* Российские революционеры в Юго-Восточной Европе. С. 391.

⁴⁰ *Поглубко К.А.* Связи болгарских и русских эмигрантов (1869 г.) // Известия Академии наук Молдавской ССР. Серия общественных наук. 1968.

№ 1. С. 4–5; *Его же*. Очерки истории болгаро-русских революционных связей. Кишинев, 1972. С. 144–149.

⁴¹ *Поглубко К.А.* Связи болгарских и русских эмигрантов. С. 10.

⁴² *Гросул В.Я.* Российские революционеры в Юго-Восточной Европе. С. 378.

⁴³ Там же. С. 316–317.

⁴⁴ Там же. С. 351, 353.

⁴⁵ Там же. С. 351.

⁴⁶ *Ткаченко П.С.* Учащаяся молодежь в революционном движении 60–70-х гг. XIX в. – М., 1978. С. 12.

⁴⁷ Там же. С. 99–113.

⁴⁸ Там же. С. 110.

⁴⁹ Там же. С. 111.

⁵⁰ Там же. С. 108.

⁵¹ *Засулич В.И.* Воспоминания. – М., 1931. С. 118.

⁵² Там же. С. 19.

⁵³ *Ткаченко П.С.* Указ. соч. С. 104–105.

⁵⁴ Цит. по: Там же. С. 108. С. 106.

⁵⁵ *Феоктистов Е.М.* За кулисами политики и литературы (1848–1896). Воспоминания. – М., 1991. С. 197.

⁵⁶ *Рудницкая Е.Л.* Русская революционная мысль. Демократическая печать. 1864–1873. – М., 1984. С. 144.

⁵⁷ Там же. С. 146–148.

⁵⁸ Там же. С. 319.

⁵⁹ См., например: *Шахматов Б.М.* П.Н. Ткачев: Этюды к творческому портрету. – М., 1981. С. 255.

⁶⁰ *Рудницкая Е.Л.* Русский бланкизм: Петр Ткачев. – М., 1992. С. 72.

⁶¹ *Будницкий О.В.* Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). – М., 2000. С. 38.

⁶² *Гросул В.Я.* Международные связи российской политической эмиграции во 2-й половине XIX века. – М., 2001. С. 184, 224.

⁶³ *Троцкий Н.А.* Крестоносцы социализма. Саратов, 2002. С. 103.

⁶⁴ *Щербакова Е.И.* «Отщепенцы». Путь к терроризму (60–80-е гг. XIX века). – М., 2008. С. 89.

⁶⁵ *Шириняни А.А.* Ткачев Петр Никитич // Революционная мысль в России XIX – начала XX века. Энциклопедия / Отв. ред. В.В. Журавлев. – М.: Политическая энциклопедия, 2013. С. 546.

⁶⁶ *Козьмин Б.П.* Революционное подполье в эпоху «белого террора». С. 7.

⁶⁷ Письма М.А. Мотковой к Н.А. Гернету (1867–69 гг.) // Каторга и ссылка. 1933. № 4–5 (101–102). С. 95.

⁶⁸ Некоторые важные показания из материалов этого фонда опубликованы здесь: Покушение Каракозова 4 апреля 1866 г. // Красный архив. 1926. № 4 (17). С. 91–137.

⁶⁹ Покушение Каракозова. Стенографический отчет по делу Д. Каракозова, И. Худякова, Н. Ишутина и др. В 2 т. Т. 1. – М., 1928; Т. 2. – М.; Л., 1930.

⁷⁰ Под материалами нечаевского дела подразумевается ряд архивных дел III отделения, а также уголовных отделений первого департамента министерства юстиции (ГА РФ. Ф. 124). Ценный сборник, составленный на основе архивных материалов, был опубликован в 1931 г. Б.П. Козьминым: Нечаев и нечаевцы. Сборник документов / Подгот. к печати Б.П. Козьмин. – М.; Л., 1931.

⁷¹ *Козьмин Б.П.* Революционное подполье в эпоху «белого террора». С. 110.

⁷² См. подробнее: *Троицкий Н.А.* Безумство храбрых. Русские революционеры и карательная политика царизма. 1866–1882 гг. – М., 1978. С. 90–132.

⁷³ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 434. Ч. 1. Л. 236 об.

⁷⁴ Там же. Л. 239–239 об.

⁷⁵ Там же. Л. 240 об.

⁷⁶ Там же. Л. 243–243 об.

⁷⁷ *Оржеховский И.В.* Самодержавие против революционной России (1826–1880 гг.). – М., 1982. С. 66.

⁷⁸ *Гольденберг Л.Б.* Воспоминания // Каторга и ссылка. 1924. № 3 (10). С. 89–105.

⁷⁹ Деятели революционного движения в России: Биобиблиографический словарь. От предшественников декабристов до падения царизма. Т. 2. Вып. 1. – М., 1929. Стб. 288.

⁸⁰ См. подробнее: *Свешников Н.И.* Воспоминания пропадающего человека. – М., 1996. С. 79–80.

⁸¹ *Ракитникова И.* Памяти Ф.А. Борисова // Каторга и ссылка. 1929. № 4 (53). С. 186–192.

⁸² *Грacheв А.* «Прикосновенный к делу...» // Глубинка. Литературно-художественно-публицистический альманах. – Омск, 1998. № 3–4. С. 350.

⁸³ Там же. С. 342.

⁸⁴ *Гольденберг Л.Б.* Указ. соч. С. 100.

⁸⁵ *Козлинина Е.И.* За полвека. 1862–1912 гг. Воспоминания, очерки и характеристики. – М., 1913. С. 54, 77, 97.

⁸⁶ Там же. С. 208.

⁸⁷ См. подробнее о них: Деятели революционного движения. Т. 1. Ч. 2. – М., 1928. Стб. 142–144.

Глава 1

ПРЕДЫСТОРИЯ

«Саратовцы»: первые шаги (1862–1865 гг.)

Обратившись к словарю «Деятели революционного движения в России», издаваемому в 1920–1930-е гг. Обществом политкаторжан, можно увидеть, сколь разноплановые и порой несравнимые друг с другом личности оказались под обложкой одного издания. Так, по соседству с членом «Сморгонской академии» Полумордвиновым в этом словаре находятся статьи о А. Полиевктове и Ф. Покровском, известных лишь участием в петербургских студенческих волнениях разных лет – и о более сознательном В.М. Полиновском, привлеченном в 1863 г. к следствию по делу о «Казанском заговоре», и О. Полонском, участвовавшем в 1864 г. в создании тайной типографии в Мариенгаузене Витебской губернии¹. Различная – а иногда и спорная – степень участия в революционном движении людей, относимых в литературе к подполью, вынуждает остановиться на прошлом сморгонцев подробнее, чем это делали предшествующие исследователи. Простой словарной формулировки о факте революционной деятельности до 1867 г. недостаточно для понимания личностей, создавших «Сморгонскую академию», а также причин и обстоятельств её создания.

Часть действующих лиц, о которых пойдет речь, вошла в революционное движение еще в первой половине 1860-х гг. в Саратове. Небольшая группа, вошедшая впоследствии в московский ишутинский кружок, получила от других ишутинцев наименование «саратовцев»: это **Дмитрий Алексеевич Воскресенский** (р. ок. 1843), **Аполлон Петрович Полумордвинов** (1845 – ок. 1874), **Алексей Егорович Сергиевский** (р. 1846), **Феофан Алексеевич Борисов** (ок. 1845–1928) и **Федор Петрович Лапкин** (р. ок. 1847). Отметим, что «саратовцами» ишутинцы называли и другую группу лиц, но, как показывал следствию

Н.П. Странден, «нашими саратовцами», т. е. входившими в ишутинскую «Организацию», считалась именно перечисленная пятерка². В исследовательской литературе, как правило, именно она и называется собственно «саратовцами»; это условное название будет использоваться в тексте и далее.

В саратовском обществе еще с 1850-х гг. развивалась традиция свободомыслия или, можно сказать, «революционного брожения», как писал живший впоследствии в городе народоволец И.И. Майнов³. Нередко эту традицию считают следствием деятельности Н.Г. Чернышевского, который в начале 1850-х гг. был преподавателем местной гимназии. По словам журналиста И.П. Горизонтова, учившегося в 1860-е гг. в саратовской духовной семинарии, воспоминания о знаменитом писателе и спустя десятилетие после его отъезда в столицу «были свежи, живы и всеобщы». «В Саратове в то время многое напоминало Чернышевского: и его родовой дом (доселе существующий) на углу Большой Сергиевской и речного взвоза, и дом его жены... В наше время среди семинаристов ходило много различных рассказов о личности Чернышевского»⁴, — вспоминал Горизонтов. Как утверждал Майнов, сочувствовавшие либеральным и даже радикальным взглядам могли встречаться и среди лиц, занимавших видные служебные посты, «что значительно облегчало условия революционной деятельности»⁵.

Такой деятельностью в первой половине 1860-х гг. занимался бывший студент Казанского университета А.Х. Христофоров⁶. Внебрачный сын помещика Казанской губернии, участник студенческих беспорядков в Казани в 1861 г. и первой «Земли и воли», Христофоров был сослан под надзор полиции в Саратов. Здесь он вел социалистическую пропаганду среди столяров, сапожников и портных, объясняя им значение артелей, раздавая деньги для создания подобных мастерских (их часто называли «ассоциациями»), знакомя неграмотных рабочих с произведениями Островского и Гоголя⁷. Христофоров старался сплотить вокруг себя местную молодежь. Как вспоминал Лапкин, он устраивал что-то «вроде литературных чтений по вечерам»: «Читались “Политическая экономия” Милля⁸, потом велись споры и разговоры о прочитанном между семинаристами и гимназистами. Таким образом он знакомил семинаристов с гимназистами, которые до сих пор не имели между собою никаких сношений»⁹.

В сентябре 1864 г. местные власти создали специальную следственную комиссию для расследования деятельности Христофо-

рова; в начале 1865 г. по решению министра внутренних дел он был выслан в Архангельскую губернию¹⁰. Память об артельных мастерских еще долго держалась в рабочей среде, о чем свидетельствовали пропагандисты конца 1870-х гг.¹¹; это позволяет говорить об определенной эффективности деятельности Христофорова. Кроме него, под следствие попали и другие лица: его знакомый по Казанскому университету В. Умнов и местный чиновник А.Л. Куш были также высланы из губернии¹². При этом существовавший вне артелей литературный кружок и его участники не заинтересовали полицию; среди молодых людей, посещавших собрания кружка, были и будущие сморгонцы.

Когда и как они туда попали? Двоюродный брат Воскресенского Д.М. Зайкин в 1859–1861 гг. учился в Казанском университете, где познакомился с Христофоровым; как и последний, Зайкин был исключен из числа студентов за участие в беспорядках. Свои отношения с Христофоровым Зайкин характеризовал как «товарищеские», и, живя в Саратове, нередко бывал у него в гостях¹³. Около 1862 г. через Зайкина с Христофоровым и Умновым стал общаться Воскресенский, который затем привел на собрания своих знакомых Сергиевского и Лапкина (все трое – учившиеся в семинарии дети сельских священников)¹⁴. Во время летних каникул 1863 г. с кружком Христофорова сошлась небольшая группа саратовских гимназистов, включавшая Борисова, выходца из сословия государственных крестьян. Он и его товарищи (М.П. Троицкий, Н.Н. Катин-Ярцев, П.А. Николаев, В.И. Кунтушев), как вспоминал сам Борисов, в то время «увлеклись созданием рабочих артелей»¹⁵, чему способствовали разговоры с Христофоровым о Роберте Оуэне и созданной им «ассоциации» в Нью-Ланарке¹⁶. Уже в рамках кружка, на квартире Куша, где какое-то время одновременно жили Христофоров и Борисов, последний встречал Воскресенского и Лапкина¹⁷. Возможно, именно через Борисова его знакомый Полумордвинов (тоже гимназист, из семьи мелких дворян уездного города Хвалынска Саратовской губернии¹⁸) стал посещать собрания; так или иначе, товарищи Полумордвинова называли его в числе других участников кружка¹⁹.

Скорее всего, немногие из окружения Христофорова были непосредственно заняты пропагандистской работой: из упомянутых лиц лишь гимназиста Николаева привлекли к следствию за участие в организации столярной артели²⁰, и вряд ли соучастие других осталось бы неизвестным. Допрашиваемые в 1866 г. в рамках каракозовского дела, «саратовцы» рассказывали лишь о самом

кружке, вспоминали посещавших его лиц, читаемые на собраниях книги Милля и Прудона, квартиры, где проходили вечера и т. п.²¹ Безусловно, они знали о попытках создания артелей: Борисов говорил, что Христофоров «как-то познакомился с несколькими рабочими и дал им средства завести мастерскую», а Умнов показывал в этой мастерской химические опыты²². Лапкин, рассказывая следствию об «обществе», составленном Христофоровым, противоречил сам себе, то причисляя своих саратовских товарищей к нему, то ограничивая состав общества близкими Христофорову Умновым, Песковым и другими людьми, то утверждая, что члены общества ему неизвестны²³. Воскресенский же говорил, что под «обществом» в Саратове он мог подразумевать слушателей лекций по физиологии, на которых местный доктор Петров «резал кошек и собак»²⁴.

Уклончивые ответы Лапкина и Воскресенского говорят о том, что о деятельности Христофорова, о его «обществе», занятом организацией артелей, «саратовцы» знали. Но они сами в ней не участвовали. Почему? Вероятно, 17–19-летние молодые люди и не стремились к этому, ставя иные приоритеты. Как говорил впоследствии на каракозовском процессе Воскресенский, «у всех духовных есть убеждение, что нужно каким бы то ни было образом стараться пробиваться дальше, в особенности это считается удачным, если кто попадет в высшее учебное заведение»²⁵. Думается, что этот настрой был общим не только для детей духовенства, но и для провинциальной разночинной интеллигенции в целом²⁶.

Сравним для примера два факта. Товарищ Борисова по гимназии Троицкий устроился на винокуренный завод и затем ездил по провинции в целях пропаганды²⁷, а сам Борисов по окончании гимназии поступил на математический факультет Казанского университета²⁸ – так разошлись пути двух человек, входивших в кружок Христофорова. Стало быть, далеко не всегда обсуждаемое слово приводило к делу. Да и сам Христофоров не подталкивал своих слушателей к активной пропаганде. По словам Борисова, он «всегда старался действовать на соприкасающихся с ним людей медленным укоренением в их головах правильных научных понятий, и потому из своих последователей он не составлял никакого общества, имеющего своей целью немедленное и насильственное достижение каких бы то ни было результатов»²⁹. Хотя эти слова были написаны под следствием, есть и другие свидетельства, говорящие о том, что обсуждение политической литературы на вечерах у Христофорова не выходило за эти рамки.

При всей незначительности подобной деятельности интерес к антиправительственной и социалистической риторике у «саратовцев» не был случайным и сиюминутным. Борисов вспоминал, как еще в старших классах гимназии, под влиянием чтения Белинского и Добролюбова и под впечатлением от исключения из гимназии его товарища Катин-Ярцева, «ударившего директора за притеснения, сделанные ему», он «начал оказывать сопротивление властям», за что был также исключен из числа гимназистов³⁰. Лапкин признавался, что в семинарские годы «уже был заражен идеями коммунизма и социализма» под влиянием журналов «Современник» и «Русское слово» и общения с Христофоровым, Воскресенским и Сергиевским. Даже профессор семинарии Хитровский поощрял учеников читать журналы и изучать естественные науки, хотя, по словам Лапкина, он не ставил перед собой пропагандистских задач³¹. О том, что идеи, обсуждаемые на вечерах у Христофорова, разделялись «саратовцами», говорит и тот факт, что в 1866 г. они предлагали ишутинцам организовать его освобождение из места ссылки, а Борисов даже надеялся, что после этого Христофоров вступит в ишутинскую «Организацию»³².

Показателен также случай Полумордвинова, который во время следствия по каракозовскому делу стремился представить свое участие в ишутинском кружке как простое стечение обстоятельств³³. Между тем, как выяснило следствие, Полумордвинов на рубеже 1865–1866 гг. передал ишутинцу Страндену прокламацию, призывавшую крестьян требовать более выгодные условия крестьянской реформы и народное представительство. Эту прокламацию, как показывал Полумордвинов, он получил от своего товарища по гимназии В. Скворцова еще в 1862 г.³⁴ Если около трех лет молодой человек продолжал хранить документ антиправительственного содержания, значит, за всё это время он не потерял к нему интерес.

Именно Полумордвинов первым из пятерки «саратовцев» стал известен ишутинцам. Еще летом 1864 г. Странден и другой член московского кружка П.Д. Ермолов познакомились в Саратове с Христофоровым. Они передали последнему 400 рублей для создания ассоциаций и типографский шрифт, долгое время хранимый ими в Москве³⁵. Летом 1865 г. Странден опять поехал в Саратов – возможно, для поддержания контактов с саратовскими знакомыми (Христофоров тогда уже был выслан в Архангельскую губернию). В гостях у контролера конторы иностранных поселенцев, доктора Н.И. Веттера, он встретил Полумордвино-

ва³⁶. Последний во время следствия по каракозовскому делу говорил о своем стремлении поступить в московскую Петровскую академию, для чего он и искал знакомства с москвичами. Странден, по его словам, представился студентом юридического факультета, отвечал уклончиво на вопросы «о роде его занятий и о профессорах» и под конец разговора предложил дать рекомендательное письмо к своим московским знакомым³⁷. Полумордвинов, рассказывая об этом случае следствию, мог умолчать о других темах беседы; так или иначе, даже если он и Странден обсуждали последствия ареста Христофорова или перспективы пропагандистской работы, этот диалог не привел к установлению контактов между ишутинцами и «саратовцами». В следующий раз Странден встретился с Полумордвиновым лишь в декабре 1865 г. в Москве, и уже тогда через него познакомился с другими его товарищами; рассказ Полумордвинова о том, что он не спешил со встречей из-за различных учебных забот, представляется правдивым³⁸.

Пять интересующих нас персонажей оказались в Москве в январе 1866 г., руководствуясь отнюдь не революционными мотивами — они стремились получить высшее образование. Современники и исследователи обращали внимание на традицию формирования в столицах студенческих землячеств выходцами из одной местности, получившую распространение еще с середины 1850-х гг.³⁹ С.Г. Сватиков, например, связывал этот «естественный процесс внутренней организации» с отменой ограничений и дисциплины николаевской эпохи⁴⁰; Шилов отмечал, что целями землячеств были оказание денежной помощи нуждающимся и самообразование⁴¹. Любопытно, что эту достаточно невинную форму самоорганизации после каракозовского выстрела власти стали воспринимать негативно, поскольку ишутинский кружок состоял именно из таких групп; как писал московский генерал-губернатор В.А. Долгоруков в 1866 г., землячества, кроме чисто студенческих, имели и другую цель, «враждебную против правительства»⁴². Можно сказать, что и «саратовцы», оказавшись в Москве, также стали своеобразным землячеством, хотя и менее масштабным и организованным, как аналогичные объединения студентов; желание держаться знакомых по саратовским учебным заведениям сохраняло их связи между собой не только в 1865–1866 гг., но, как мы увидим, и впоследствии.

В июле 1865 г. трое семинаристов Лапкин, Воскресенский и Сергиевский уехали в Петербург. Лапкин хотел поступить в Ме-

дико-хирургическую академию, но остановил свой выбор на университете. Воскресенского в число студентов университета не взяли из-за отсутствия отметки о знании французского языка в свидетельстве из семинарии; также он думал о поступлении в столичную духовную академию. Сергиевский же поступил в землемерно-таксаторский класс⁴³ при 5-й гимназии⁴⁴. Вскоре к ним на квартиру приехал Борисов, который, как упоминалось ранее, окончил курс в саратовской гимназии и какое-то время учился в Казанском университете, но был оттуда исключен за невзнос платы⁴⁵. В сентябре к этой компании присоединился двоюродный брат Воскресенского Зайкин и его близкая подруга Е.П. Галицкая-Чечелева, жившие до этого в деревне Коломяги недалеко от Петербурга⁴⁶. На квартире последней в Саратове, между прочим, ранее проходили некоторые собрания кружка Христофорова⁴⁷. Зайкин и Лапкин, зарабатывая на жизнь, участвовали в издании при типографии Куколь-Яснопольского «Рассказов о семи лесных четвероногих» британского писателя Дж. Гринвуда⁴⁸.

Полумордвинов, вышедший из гимназии в 1863 г. и не окончивший там курса, в конце августа 1865 г. уезжал из Саратова в Москву (а точнее, под Москву, в с. Петровско-Разумовское) с целью поступить в Петровскую земледельческую академию⁴⁹. Вся петербургская компания вскоре также решила поступить в академию. Воскресенский вспоминал, что слышал об академии от Зайкина еще за два года до её открытия и склонялся к этому выбору как наиболее подходящему к своему «...образу жизни и направлению. Родившись и проводя детство в селе, я с нетерпением ожидал открытия такого заведения, которое даст мне право жить безбедно в селе»⁵⁰, – писал впоследствии Воскресенский. Еще одной причиной выбора Петровской академии, на которую указывали «саратовцы», была финансовая: в пригороде Москвы, в отличие от Петербурга, было гораздо дешевле жить⁵¹. В самом начале января 1866 г. в Петровско-Разумовское перебираются Борисов, Воскресенский и Сергиевский, в конце января – Лапкин, а в феврале – Зайкин и Галицкая-Чечелева⁵².

Это подробное перечисление фактов необходимо, чтобы показать, насколько нестабильными и даже спонтанными были переезды и метания наших героев; вряд ли подобный образ жизни мог способствовать вдумчивой подпольной деятельности, установлению надежных связей и сознательному революционному выбору.

Но, несмотря на это, интерес и даже склонность «саратовцев» к революционному дискурсу к середине 1860-х гг. уже была сформирована.

«Ишутинцы»: в московском подполье (январь – апрель 1866 г.)

Во второй половине 1863 г. в Москве вольнослушатель университета Н.А. Ишутин, потомственный почетный гражданин из г. Сердобска Саратовской губернии, учившийся ранее в пензенской гимназии, основал небольшой кружок, состоявший в основном из приехавших в Москву пензяков. По свидетельству участника кружка Ермолова, еще до отъезда из Пензы Ишутин убеждал его «в необходимости революции для введения в России социализма, притом намекал мне, что есть большая партия, как он говорил, в числе пяти тысяч, с таким направлением»⁵³. Таким образом, кружок Ишутина с самого начала своего существования носил революционный характер. За два с половиной года деятельности он установил связи со многими другими московскими, петербургскими и провинциальными кружками, различными артелями, пытался организовать фабричное производство на артельных началах, руководил работой бесплатной школы... В начале 1866 г. в кружке стали обсуждаться идеи его преобразования в полноценную революционную организацию. Именно тогда в его состав вошли «саратовцы». В виду противоречивой оценки ишутинского общества в историографии остановимся ненадолго на некоторых проблемах его истории.

В следственных показаниях арестованных в 1866 г. участников кружка факты, пересказанные со слов других истории, домыслы и наветы перемешаны так, что современники и исследователи, в зависимости от своей позиции, могли воспринимать ишутинцев и как несерьезных студентов, занятых разговорами о народном благе, и как заговорщиков и террористов, озлобленных на существующий строй и правительство. Тезис о значительном влиянии радикальных взглядов на деятельность ишутинцев крайне не популярен, в том числе потому, что наиболее известным событием, которое вписало ишутинцев в историю, был террористический акт, совершенный участником общества Д.В. Каракозовым 4 апреля 1866 г.

Безусловно, в специальной исторической литературе террор не рассматривается как центральное направление деятельности кружка. Клеверский, например, отмечал, что «менее всего можно говорить о специальной “одержимости” членов московского кружка одним помыслом о террористическом акте»⁵⁴. Р.В. Филиппов считал, что «заговорщическо-террористические тенденции» занимали очень скромное место в деятельности ишутинцев по сравнению с доминирующим пропагандистским направлением⁵⁵. С этим соглашался и современный исследователь В.А. Исаков⁵⁶.

Тем не менее, нередко радикальные предположения и высказывания Ишутина и его товарищей экстраполировались на всё общество и, как следствие, на будущих сморгонцев тоже. Так, Козьмин предполагал, что вопрос о царевубийстве, который «дебатировался в ишутинском кружке», должен был отнимать много внимания и у «Сморгонской академии»⁵⁷. По формулировке Щербаковой, «Сморгонская академия» «хранила заветы Каракозова»⁵⁸. Э.С. Виленская, отмечая, что сморгонцы, вышедшие из ишутинского кружка, впоследствии были причастны к «Елизаветградскому делу», прямо характеризовала их как террористов⁵⁹. Она же при этом справедливо указывала на неоднородную структуру ишутинского общества, части которого оставались организационно независимыми от центрального кружка и в разной степени были причастны к его деятельности⁶⁰; впрочем, это не помешало ей переносить вывод о радикальных взглядах одних ишутинцев на тайное общество в целом и на существовавшую позже «Сморгонскую академию».

Радикальные идеи ишутинского кружка – вопрос крайне дискуссионный. Даже современники, желавшие обвинить ишутинцев в преступной деятельности, высказывали неоднозначное мнение по поводу их радикализма. Впервые о создании Ишутиным и товарищами общества «Ад» с террористическими задачами царевубийства и карательных мер против собственных членов заявил бывший студент И.И. Корево, в ночь на 19 апреля 1866 г. добровольно пришедший к московскому обер-полицеймейстеру с целью сделать донос на своих знакомых⁶¹. Называя «первой главной целью» ишутинцев «истребление правительства», среди средств он перечислил пропаганду, создание ассоциаций и обществ – и лишь в конце списка, не акцентируя на этом внимания, упомянул «ближайшее царевубийство»⁶².

Адвокат Ишутина Д.В. Стасов в своих воспоминаниях не был склонен оправдывать каракозовцев; тем не менее, он отмечал, что

относительно всех идей, обсуждаемых на собраниях кружка, в т. ч. идеи создания «Ада», «не было ничего окончательно выясненного, были разговоры, споры, но ничего не было установленного, решенного, обязательного для всех»⁶³. Известная революционерка Е.К. Брешко-Брешковская, основываясь на личном общении с ишутинцами, писала, что предложение Каракозова совершить цареубийство «поразило всех, и все протестовали, кроме Ишутина»; по её словам, тех, для кого «выстрел Каракозова был не только желанным, но и жданным ударом», было очень мало⁶⁴. Знакомая с ишутинцами Е.И. Козлинина, впоследствии работавшая в судебном ведомстве и «Московских ведомостях», в воспоминаниях начала XX в. крайне пренебрежительно оценивала московских нигилистов 1860-х гг. По её свидетельству, сторонниками цареубийства среди ишутинцев были только Каракозов и Ишутин. Отметим, что она воспринимала радикальные предложения Ишутина скорее в ироничном ключе, как мальчишество и глупость, описав комичную историю его попытки завлечь сестру Козлининой в тайное общество «Ад» с помощью инсценировок и запугиваний грохотом кирпичей в темном подъезде⁶⁵. При всей разнице приведенных мнений (как и многих других свидетельств современников) в них можно увидеть общее представление о незначительности идей террора и цареубийства во взглядах ишутинцев.

Будучи арестованными, участники кружка нередко говорили о своих разногласиях по радикальным вопросам. Конечно, в литературе высказывались мнения, что эти разногласия были придуманы или, как минимум, усилены с целью смягчения вины в результате предварительногоговора⁶⁶. Но весьма противоречивые и периодически меняющиеся в ходе следствия показания наводят на мысль, что если и был факт сговора, то охватывал он не всех ишутинцев и касался далеко не всех фактов. Например, один из самых разговорчивых под следствием О.А. Мотков, давая свои первые показания 24 апреля 1866 г., всячески отрицал существование тайного общества, связанного с ним или его знакомыми⁶⁷. К этому времени Корево уже написал донос, в котором упоминался «Ад», а впоследствии Мотков будет оправдывать себя именно тем, что боролся внутри «Организации» за «уничтожение общества “Ада”»⁶⁸. Почему же он не стал говорить о своей борьбе уже тогда, если позиция оправдания была им подготовлена заранее и, тем более, согласована с товарищами? Подробный рассказ о борьбе против «Ада» будет изложен им гораздо позже. Это

не единственный пример переменчивой позиции ишутинцев, при которой вряд ли был возможен предварительный сговор.

Быть может, разногласия были лишь между отдельными группами ишутинцев, но не внутри ядра общества – т. н. кружка «ипатовцев», получившего название из-за места проживания близких товарищей Ишутина (П.Д. Ермолова, М.Н. Загибалова, Н.П. Страндена, Д.А. Юрасова, Д.В. Каракозова)? (Сам Ишутин жил отдельно, но тоже назывался «ипатовцем»⁶⁹.) Однако и здесь можно найти не только критичные оценки Ишутина со стороны «ипатовцев», но и свидетельства о серьезных расхождениях по программным вопросам. Так, Юрасов писал в показаниях, что ко второй половине 1865 г. в ишутинском кружке образовались т. н. крайняя и умеренная партии; к целям крайней партии он относил «революцию путем возбуждения и устной пропаганды», а к целям умеренной – устройство школ, ассоциаций и распространение книг⁷⁰. Подчеркнем, что речь шла именно о центральном кружке «ипатовцев», и, как нетрудно заметить, даже его «крайняя» часть была не столь радикальной, какими были впоследствии предложения по созданию «Ада».

Наконец, даже сам Ишутин не был столь однозначным лидером созданного им общества, каким он часто представлялся современникам и историкам⁷¹. Так, знакомый Ишутина Л.Е. Оболенский иронично называл его «квасным либералом», подразумевая «такой тип людей, которые требуют чистой свободы и очертя голову бросаются на всякое предприятие, кажущееся сколь угодно либеральным»⁷². Виленская, отметим, писала, что под термином «квасной либерал» Оболенский имел в виду сторонников политической революции, обратив внимание, что подобным образом им был охарактеризован знакомый ишутинцам А.А. Козлов, которого историк считала представителем московских конституционалистов⁷³. О том, что подобным неслетным термином был обозначен и Ишутин, она не упоминала.

Негативные оценки современников могли быть вызваны не только обидой на человека, вовлекшего их в революционную деятельность, или желанием оправдаться перед властями – ряд свидетельств говорит о том, что критика в адрес Ишутина начала проявляться и до каракозовского покушения. Например, Д.Л. Иванов вспоминал, как О.В. Малинин говорил об Ишутине: «Его, подлеца, надо куда-нибудь под кучку»⁷⁴. Петербургский революционер И.А. Худяков, уже после каракозовского дела писал в воспоминаниях, что Ишутин «не был способен к роли серьезного

заговорщика»⁷⁵. Упомянутая выше Козлинина, наблюдая за революционной молодежью со стороны, считала, что Ишутин лишь мечтал об обстановке «крупного революционного кружка, в котором он надеялся играть главенствующую роль», но в реальности он не был настоящим вожаком по сравнению, например, с отставным поручиком и преподавателем П.А. Спиридовым, за которым всегда следовала «свита студентов»⁷⁶.

В связи с этим сопоставление Ишутина с Нечаевым представляется некорректным. Нечаев с присущим ему цинизмом сознательно и успешно манипулировал участниками подполья; Ишутин же напоминает скорее фантазера-мистификатора, бежавшего от скучной повседневности в революционное подполье, много рассуждавшего о революции и крови, но не готового к реальным жертвам.

Чтобы показать, насколько спорным является тезис о радикализме ишутинского кружка, разберем также сам факт создания общества «Ад», который на первый взгляд кажется не очень существенным: вне зависимости от решения по созданию законспирированного кружка с террористическими задачами, факты разговоров об убийствах и терроре были и без него. Но если признать «Ад» созданным кружком, то согласие с его задачами в глазах исследователя распространяется на всех ишутинцев (или, как минимум, на тех, кто об этом знал). Признание факта создания «Ада» можно легко найти в литературе⁷⁷. Вероятно, историки и не задумывались над тем, как влияет на характеристику ишутинского кружка признание или непризнание создания «Ада», однако хотелось бы настоять на важности этого нюанса.

Так был ли создан «Ад»? Министр юстиции Д.Н. Замятнин, будучи обвинителем на каракозовском процессе, во время суда утверждал, что подсудимые изменили свои показания и их слова о том, что тайный кружок «Ад» не существовал, якобы противоречат тому, что они говорили ранее под следствием⁷⁸. Действительно, на суде Ишутин и наиболее близкие его товарищи говорили, что общество «Ад» – это лишь «толки» и «глупые речи», и он «не был каким-нибудь организованным обществом»⁷⁹. Но в их следственных показаниях противоположного утверждения не было, как бы этого не хотел представить министр юстиции. Каракозов, Ермолов, Странден, Загibalов и другие однозначно говорили, что решение о создании «Ада» «откладывалось на более долгое время» и что «его цель совершенно не была порешена»⁸⁰.

Иное мнение об «Аде» могли бы иметь те ишутинцы, кто выставлял себя перед следствием и судом в качестве противников радикальных идей, борцов с «Адом». Но даже они высказывали сомнения в его существовании. Например, Мотков на суде утверждал, что под списком участников «Ада» он подразумевал не действительных членов этого общества, а лишь тех, кто хотел его составить; существовал ли «Ад» на самом деле, ему было неизвестно⁸¹. Во время следствия он был еще менее категоричен, писав, что в список он хотел включить лишь тех, кто обсуждал идею «Ада», вне зависимости от её поддержки; по его словам, если записывать всех обсуждавших, то это коснулось бы «почти всех членов общества “Организации”», включая его самого⁸². Списки «Ада», составленные другими ишутинцами, также нельзя воспринимать как признание существования этого кружка: Юрасов, например, сразу в заголовке своего списка указал – «знали об “Аде”»⁸³, подразумевая лишь факт обсуждения идеи, что совпадает с объяснением Моткова.

Сделав это важное отступление, рассмотрим место и роль в ишутинском обществе будущих сморгонцев. Стоит отметить, что оно был крайне неоднородным по своей структуре; в основе его формирования лежал кружковый принцип, характерный и для начала 1860-х гг.⁸⁴ В составе ишутинского общества можно выделить различные группы (кружки), созданные на основе землячеств (например, самый первый кружок Ишутина и его товарищей – бывших воспитанников учебных заведений Пензы; группа «брюхатовцев» из студентов-нижегородцев, живших в доме Брюхатова) или по принципу деятельности (группы молодежи, собиравшиеся на сходках в школе Неведомских, в переплетной мастерской сестер Ивановых и др.). К ишутинцам примыкали и группы, созданные без их участия (кружок Спиридова; к ним же нередко причисляют и петербургский кружок Худякова). Если говорить о составе ишутинского общества в первые месяцы 1866 г., т. е. в то время, когда в него вошли «саратовцы», то в нем принято выделять три группы: «ипатовцев» (центральная группа старых товарищей Ишутина), «малининцев» или «мотковцев» (по имени наиболее активных участников Малинина и Моткова) и уже известных нам «саратовцев»⁸⁵. Это деление на три группы использовалось самими ишутинцами, а от них перешло в литературу⁸⁶.

Еще во второй половине 1865 г. «ипатовцы» стали задумываться о формировании в московском подполье новой организа-

ции⁸⁷. В историографии за ней закрепилось соответствующее наименование – «Организация»; так этот проект назвали в следственной комиссии по караказовскому делу⁸⁸. «Организация» мыслилась ишутинцами как сеть городских и сельских кружков, разбросанных по стране и подчиненных «центральной революционной агентуре» в Москве⁸⁹. «Цель общества “Организация” – посредством революции устроить общество на социальных началах...»⁹⁰, – писал под следствием Ишутин. «Средствами общества предполагались: пропаганда социалистических идей в народе, сближение с народом и с рабочим классом, устройство артелей, устройство агентуры в городах и в значительных местностях...»⁹¹. Эти слова не случайно часто цитируются в исследованиях – именно так идею будущей «Организации» ишутинцы объясняли набираемым в общество новичкам, и именно такое понимание «Организации» как общества с пропагандистскими целями «саратовцы», находясь под арестом, излагали и следствию⁹².

5 января 1866 г. в Петровско-Разумовское первым из «саратовцев», живших до этого в Петербурге, приехал Борисов⁹³, а через несколько дней после него – Воскресенский и Сергиевский. Втроем они поселились в доме старого священника Соколова, но вскоре, из-за того, что дом предназначался к сносу, переехали в деревню Коптево, расположенную недалеко от Петровской академии, в дом крестьянина Н.З. Грача. Чуть позже к ним присоединился Лапкин, Зайкин и жившая вместе с ним, бежавшая от мужа, жена титулярного советника Галицкая-Чечелева. Последняя бесплатно обучала азбуке группу местных крестьянских детей, о чем её попросили хозяева дома, в котором жили «саратовцы». Как и остальные, она не была чужда популярным в молодежной среде идеям, ходила со стриженными волосами, отчего полиция характеризовала её как «похожую на нигилистку»⁹⁴.

«Саратовцы» столкнулись с серьезными финансовыми проблемами. Как рассказывал Воскресенский, поначалу они полагали, что смогут дешево снимать жилье, но в деревнях было мало дворов, а квартиры были «страшно дороги». Даже Борисов, сдавший экзамен на получение стипендии, что позволило ему вскоре переехать на казенную квартиру, располагал лишь пятью рублями; у остальных было и того меньше. По словам Воскресенского, они «были принуждены нанять только одну комнату, в которой можно было только стоять»⁹⁵.

Как писалось ранее, их знакомый Полумордвинов к этому времени уже жил несколько месяцев в Москве, также планируя

поступить в Петровскую академию. Еще в декабре 1865 г. ишутинец Странден и Полумордвинов начали общаться, обсуждая во время разговоров, как показывал последний на следствии, современную журналистику, искусство и другие общественно-философские и довольно отстраненные от конкретики темы. Странден уже тогда предложил Полумордвинову «принять участие в составлении общества переводчиков»⁹⁶. В январе 1866 г. в гостях у Полумордвинова в Москве другие «саратовцы» познакомились со Странденом. Борисов рассказывал эту историю следующим образом: он просил Полумордвинова познакомить его с кем-нибудь из москвичей. «В одно из таких посещений Полумордвинов куда-то отправился и чрез несколько часов воротился с незнакомым мне человеком – это был Странден», – писал он в следственных показаниях⁹⁷. Разговор между ними, согласно словам Сергиевского, «был общий о литературе в “Русском слове” и “Современнике”»⁹⁸. Вечером того же дня Полумордвинов, Борисов, Воскресенский и Сергиевский отправились на заседание «Общества взаимного вспомоществования» (далее – ОВВ)⁹⁹.

Были и другие пути знакомства «саратовцев» с ишутинским кружком. Как рассказывал Воскресенский¹⁰⁰, одним из первых студентов Петровской академии, с кем он познакомился, был **Варлаам Николаевич (Джан Асланович)¹⁰¹ Черкезов** (1846–1925), в будущем один из активных участников «Сморгонской академии». Уделим немного внимания его личности. Молодой грузинский дворянин из Тифлисской губернии, учившийся какое-то время во втором Московском кадетском корпусе (переименованном позже во вторую Московскую военную гимназию), в 1864 г. оставил военную службу, как он сам формулировал, «по расстройству грудного организма»¹⁰². В этом же году он познакомился с членом ишутинского кружка, переплетчиком Н.И. Фалиным, через него – с другими участниками артельной переплетной мастерской (А. Вознесенским, Д.Л. Ивановым и др.) и, наконец, в ноябре 1864 г. – с Ишутиным и Юрасовым¹⁰³. По собственному признанию следственной комиссии Муравьева, уже тогда ему были известны идеи нигилизма и социализма. Тем не менее, в качестве мотива своих знакомств он называл желание поступить в Московский университет, отчего он и «знакомился с каждым без разбору, если только он был студент»¹⁰⁴.

Ишутин пригласил Черкезова преподавать в школе П.А. Мусатовского, существовавшей с ноября 1864 по июнь 1865 гг.¹⁰⁵ Черкезов потом рассказывал следствию, как работавшие там Ер-

молов и Юрасов проводили на уроках опасные политические аналогии, объясняя, например, что орел в гербах государств символизирует кровожадность правительств¹⁰⁶. И хотя этот эпизод, по его словам, уже тогда показался ему «большим безобразием в способе преподавания», он остался в школе в качестве учителя географии¹⁰⁷. В октябре – ноябре 1865 г. Черкезов жил на одной квартире вместе с Д.Л. Ивановым, и к ним в гости часто заходил Ишутин, делясь подробностями о планах кружка, идеями о распространении фальшивых ассигнаций, создании некоего «общеевропейского земского журнала» на французском и русском языках и т. д. Черкезов одним из первых услышал о проекте революционного общества, разрабатываемого Ишутинным. Ишутин предлагал Черкезову съездить весной или летом 1866 г. на Кавказ к какому-то его знакомым или в Петербург «для сношения с тамошней молодежью». На адрес Черкезова приходили письма Худякова к Ишутину; следствию он показывал, что их содержание ему известно не было¹⁰⁸. От Ишутина же Черкезов слышал в феврале 1866 г. о существовании Европейского революционного комитета, один из членов которого якобы должен был передать Ишутину гремучую ртуть для взрыва какой-нибудь крепости или железной дороги. По словам Черкезова, после этого эпизода он перестал ходить в гости к Ишутину, хотя и виделся с ним на собраниях общества¹⁰⁹.

Таким образом, Черкезов был довольно близко знаком с ишутинцами и с Ишутинным лично, что позволяло им рассматривать Черкезова как возможного кандидата в члены будущей политической организации. С целью отбора и подготовки таких членов ишутинцы попытались создать «клубы», в которых опытные старшие товарищи беседовали бы с новичками; по формулировке Д. Иванова, ««клуб», так сказать, был преддверием в “Организацию”»¹¹⁰. В.Н. Шаганов и П.Ф. Николаев набрали в состав первого «клуба» четырех знакомых, включая Черкезова. Однако, по словам Шаганова, пришедшие на собрание начали обсуждать и даже осуждать Ишутина, который «безотчетно тратит деньги Ермолова» и вообще является недобросовестным человеком; после двух-трех сходов «клуб» перестал собираться¹¹¹.

Другой способ отбора членов в «Организацию» был предпринят на рубеже 1865–1866 гг. и получил название «Общества взаимного вспомоществования» (среди его участников бытовали и другие названия; под «обществом переводчиков», куда Странден приглашал Полумордвина, явно подразумевался ОВВ). Под

следствием ишутинцы откровенно говорили, что ОВВ задумывалось как «озеро, из которого мы будем таскать шук» (по формулировке Загibalова)¹¹². Это объединение молодежи часто связывают с именем **Андрея Николаевича Колачевского** (ок. 1848–1888; иногда писали «Калачевский»), дворянина из Смоленской губернии, студента юридического факультета Московского университета.

Поскольку и он в дальнейшем будет связан со сморгонцами, скажем о нем несколько слов. С ишутинцами была знакома небольшая группа уроженцев Гжатского уезда Смоленской губернии – Колачевский, его сестры Анна и Людмила, сестры Александра и Екатерина Засулич и другие лица. Наездами или постоянно они жили в это время в Москве, поддерживая связи между собой и, можно сказать, составляя отдельный молодежный кружок. Ишутин навел Колачевского на мысль о создании официально разрешенного ОВВ, которое бы занималось помощью нуждающимся членам, устройством ассоциаций, школ и обществ переводчиков, поощрением женского труда и прочими социальными целями. Поскольку это общество так и не было официально разрешено, и набор в него, как видно на примере «саратовцев», проходил и без участия Колачевского, трудно назвать последнего «официальным основателем» ОВВ, как об этом пишет Виленская¹¹³. Тем не менее, его активная роль в еженедельных воскресных сходках общества была заметна. Так, в его квартире на Малой Бронной улице произошло первое собрание ОВВ, где Колачевский зачитывал предполагаемый устав¹¹⁴.

К сожалению, точно определить, когда состоялось это первое собрание, сложно; показания ишутинцев на этот счет расходятся. Одни свидетельства указывают на декабрь 1865 г., другие – на январь 1866 г.¹¹⁵ По свидетельству ишутинца Н.А. Гернета, первое собрание ОВВ открыл Черкезов, сообщив в своем выступлении о целях общества помогать его членам в поиске работы и денежно; деньги предполагалось собирать с других членов, путем концертов и другими средствами. Гернет пояснял, что Черкезов открыл это собрание «не потому, что ему принадлежала инициатива дела, а потому, что никто другой не решался это сделать, конфузясь последнего»¹¹⁶. Возможно, было два собрания, на одном из которых выступал Колачевский, а на другом – Черкезов, и обе сходки воспринимались участниками как первые, начальные? Это объясняет разницу в свидетельствах очевидцев. Так или иначе, отметим, что в ходе регулярных собраний ОВВ «саратовцы» виделись с Черкезовым и Колачевским.

Вернемся к версии вступления в ОВВ, рассказанной следствию Воскресенским. Как и многие студенты Петровской академии, Черкезов жил в её окрестностях, и вдвоем с Воскресенским в январе 1866 г. они отправились в Москву за провизией. Воскресенский, не имея калош, замерз и попросил Черкезова пойти куда-нибудь обогреться. Так он оказался в гостях у «ипатовцев» в их квартире недалеко от Тверской улицы. Узнав о сложном финансовом положении «саратовцев», «ипатовцы» рассказали ему об обществе, которое «будет заниматься отыскиванием уроков и переводов для учащихся молодых людей». Воскресенскому понравилась эта мысль, и вскоре он пришел на сходку ОВВ вместе с Черкезовым¹¹⁷.

Несколько иначе описывал ситуацию Сергиевский. С ишутинцем Малининым он (возможно, и остальные герои тоже) был знаком еще в саратовской семинарии. Будучи в гостях у него в январе, Сергиевский встретил Страндена. По словам Сергиевского, именно Малинин предложил ему и Воскресенскому вступить в ОВВ, поскольку те были в тяжелом финансовом положении, а участие в ОВВ позволяло бы получать взаймы деньги. Согласившись вступить в общество, Воскресенский и Сергиевский вместе с Малининым пришли на собрание. Там Сергиевский увидел Страндена, Полумордвинова, Борисова и других уже известных ему лиц¹¹⁸.

Любопытно, что рассказы хорошо знакомых друг с другом Борисова, Воскресенского и Сергиевского об их вступлении в ОВВ различаются. Можно ли сказать, что они противоречат друг другу? Вряд ли. «Саратовцы» действительно имели немало знакомых в Москве, которые по ряду обстоятельств оказались в одно время и в одном месте, и потому они могли получать информацию об ишутинском обществе от разных людей параллельно. Русская революционная среда этого времени вообще отличается крайне переплетенными связями; её участники стремились к себе подобным, не желали порывать с идейно близкими людьми, выходить за рамки социальной и мировоззренческой общности, приобретающей в некотором роде каткомбный характер. Подполье формировалось не только по конспиративным причинам (скрыть антиправительственную деятельность, печатать и распространять литературу, вести агитацию и т. п.), но и по причинам социальным, психологическим, культурным. Сопоставив рассказы «саратовцев», данные под следствием, можно также сделать вывод и о том, что их показания не были согласованы между со-

бой, иначе бы истории знакомства с ишутинцами были бы схожи, да и содержали бы меньше упоминаний знакомых, о которых «саратовцы» вряд ли бы стали целенаправленно рассказывать властям.

По подсчетам муравьевской комиссии, в собраниях ОВВ, проходивших еженедельно, приняло участие более 50 человек¹¹⁹. Ишутинцы не стали близко знакомиться с новыми для них людьми и решили тут же перейти к следующему шагу – созданию «Организации». Принять в её состав «саратовцев» (за исключением Лапкина, который, если сопоставить даты, еще не приехал или только приехал в Москву) предложил Странден¹²⁰. Любопытно, как это решение объяснялось им в следственных показаниях: по его словам, он рекомендовал «саратовцев» как людей, «которые дольше всех останутся не арестованными потому, что, приехавши недавно, они не принимали почти никакого участия в деятельности нашей»¹²¹. Звучит правдоподобно с учетом очень поверхностного знакомства «ипатовцев» и «саратовцев» к этому времени. По этой причине кажется неубедительным представление об участниках сходов «Организации» как руководящем центре будущего общества¹²²; разве стали бы «ипатовцы» приглашать в руководящий центр людей, которых они знали две недели, наравне с теми, с кем они были знакомы около двух лет (например, Черкезовым)? «Организация» была скорее экспериментом ишутинского кружка, попыткой найти новую форму деятельности, нежели реальным, серьезным предприятием, в которое большинство из них могло бы уйти с головой.

Уже на втором собрании ОВВ Странден взял с Полумордвинова согласие на его участие в более серьезном обществе (т. е. «Организации») и поручил ему поговорить на эту же тему с другими «саратовцами»¹²³. Вскоре, за день до первой сходимки «Организации», Странден, Ермолов и Загибалов поделились с «саратовцами» идеей разъехаться по губернским городам с целями пропаганды и сбора статистических сведений¹²⁴. Полумордвинов датирует первое собрание «Организации» концом января – началом февраля, Борисов – началом февраля; Виленская в итоге сопоставления показаний ишутинцев останавливается на дате 7 февраля¹²⁵.

В описании вступления в «Организацию» свидетельства «саратовцев» также не были согласованными. Воскресенский описывает свой визит на первое собрание «Организации» как случайное стечение обстоятельств: «Как-то постом зашел я к

Страндену, и тут мне сказали, что в этот день сходка общества. Я с кем-то из них пошел», — писал он под следствием. По его утверждениям, он спросил у кого-то из участников, рассуждавшего об удовлетворении потребностей, как конкретно «Организация» может помочь ему в удовлетворении собственных потребностей (например, «давать уроки по геометрии, алгебре» и т. п.). Ему ответили, что их деятельность — рассуждения «в теории, а на практике Вы должны будете обратиться с этим к конторщику»¹²⁶. Сергиевский вспоминал, что Странден пригласил «саратовцев» на собрание «Организации» именно через него. После одного из собраний ОВВ Странден приватно сказал Сергиевскому, что Николаеву не удалось получить разрешения правительства на официальное открытие ОВВ, и потому нужно составить другое общество вместе с его товарищами-«ипатовцами». Для этого Сергиевскому и его друзьям нужно прийти в ближайшую субботу в дом Ипатова¹²⁷. Борисов на суде утверждал, что в «Организацию» он был введен Ермоловым¹²⁸.

Как часто посещали собрания «Организации» «саратовцы»? Да и много ли вообще было этих собраний с учетом того, что они проводились еженедельно? Нетрудно подсчитать, что до начала апреля — до покушения Каракозова — их не могло быть больше десятка. Показания самих «саратовцев» и других ишутинцев сходятся на том, что интересующие нас личности побывали на сходках всего несколько раз — часто говорится о 2–3 посещениях, не более¹²⁹. Конечно, кроме собраний «Организации», были и сходки ОВВ; кроме этого, бывали и дружеские встречи: Шаганов говорил, что «саратовцы» «обыкновенно приходили каждую субботу» на квартиру «ипатовцев»¹³⁰; Борисов упоминал, что пару раз в Петровско-Разумовское приезжал Ишутин и «устраивал небольшую выпивку»¹³¹. Тем не менее, редкие визиты «саратовцев» позволили Юрасову не причислять их к членам «Организации»¹³². Последнее может говорить и о том, что окончательно сформированного состава «Организации» так и не сложилось, поскольку список её членов пусть незначительно, но варьируется в показаниях разных лиц. Воскресенский даже утверждал, что не знает Ишутина, хотя, «может быть», он его встречал¹³³. Вряд ли он был искренним в этом утверждении, но оно было бы возможно лишь в случае действительно редких, почти эпизодических посещений кружка.

Сергиевский при этом в следственных показаниях писал, что был на собраниях «Организации» 12 раз¹³⁴; более о таком частом

посещении сходов не говорил никто. Однако он же сам противоречил собственному заявлению, поскольку в другом месте показаний отмечал, что бывал на еженедельных собраниях не всегда, а последнее собрание «Организации» он датировал концом марта¹³⁵. Тот факт, что Сергиевский посещал сходы «Организации» редко, подтверждали другие ишутинцы, например, Загибалов¹³⁶. Очевидно, что 12 собраний в течение двух месяцев просто не состоялись бы, и Сергиевский допустил ошибку, подразумевая общее количество встреч с ишутинцами.

Активность «саратовцев» в ишутинском обществе была различной. Пожалуй, наиболее часто в следственных показаниях другие ишутинцы вспоминали Воскресенского и Борисова: так, именно их Ишутин, Ермолов и Странден причисляли к более «тесному» кружку общества¹³⁷. Шаганову «ипатовцы» говорили, что Полумордвинов и Борисов «знали теорию царевубийства», обсуждаемую в их кругу¹³⁸; вероятно, они бывали на каких-то собраниях, где обсуждалась идея царевубийства. Отметим, что гимназисты Полумордвинов и Борисов здесь фигурировали вместе, в отличие от тройки семинаристов Воскресенского, Сергиевского и Лапкина.

С именем Сергиевского было связано предложение о его устройстве в лакеи к некоему богатому купцу с целью обокрасть последнего. Эту идею на одном из собраний высказал Юрасов, но согласия и одобрения она не вызвала¹³⁹. На самом собрании Сергиевского не было, что подтверждал и сам Юрасов¹⁴⁰, так что говорить о поддержке Сергиевским этого начинания нельзя. К.Ф. Кичин на суде передавал эту историю иначе: по его словам, Юрасов внушил эту мысль Борисову, и тот, якобы находившийся «в антагонизме» с Сергиевским, сказал последнему: «Погоди, я тебя упеку в лакеи»¹⁴¹. Подтверждения в других показаниях эта история не находит и, судя по всему, является неверной интерпретацией Кичина; антагонизм Борисова и Сергиевского не подтверждается и фактами их последующего общения.

Полумордвинов, напомним, держался немного особняком от других «саратовцев»: по собственному признанию, он их мало знал, а за время пребывания в Москве, хоть и сменил несколько мест жительства, вместе с другими земляками не жил¹⁴². В деятельности ишутинского кружка он вскоре разочаровался. Следствию он говорил, что поначалу хотел участвовать в собраниях и даже «старался всеми силами воодушевить себя и моих товарищей по академии», подчеркивая, что его целью было лишь разо-

браться, в какое именно дело его втягивает Странден¹⁴³. Несогласие с ишутинцами привело к конфликту и уходу из «Организации» в конце марта. На одной из сходов кто-то спросил, все ли согласны с тем, что «общество имеет право распоряжаться членами, требовать от каждого из них неперменного исполнения решений или постановлений общества». По словам Полумордвинова, он тогда «нашел этот случай самым удобным», чтобы выйти из «Организации», что было им уже давно задумано¹⁴⁴. В ходе дискуссии ишутинцы не смогли убедить товарища, что этот пункт – лишь формальность, не предполагавшая подчинения произволу, и Полумордвинов заявил о своем выходе из «Организации»¹⁴⁵. Вечером того же дня он остался ночевать в квартире «ипатовцев», где отметил для себя «искаженные злобой лица Страндена и Ермолова»¹⁴⁶. После этого с «ипатовцами» он больше не виделся¹⁴⁷. Как утверждали очевидцы, Странден и Ермолов подозревали Полумордвинова в измене и рассуждали о том, что его надо убить¹⁴⁸. Контекст и минимум подробностей этих свидетельств позволяет предположить, что данный порыв был скорее случайно брошенной фразой, не повлекшей за собой никаких последствий, нежели серьезным предложением убийства.

Что привлекало «саратовцев» в ишутинском обществе? Воскресенский во время суда мотивировал свои отношения с ишутинцами исключительно желанием найти уроки и средства к жизни¹⁴⁹. Можно ли говорить вслед за Щербаковой, что Воскресенский и Сергиевский, как и многие другие ишутинцы, оказались в «рядах пресловутой “Организации” буквально из-за куска хлеба»?¹⁵⁰ Если бы это было так, то Воскресенский покинул бы кружок сразу после того, как на первом собрании «Организации» ему посоветовали «обратиться к конторщику» (если эта история не было им выдумана). Но он остался, поскольку ему было интересно находиться в близкой социальной и мировоззренческой среде, интересно общаться на революционные и политические темы. Об интересе «саратовцев» к политике свидетельствовали также изъяты у них при аресте книги: у Борисова были найдены перевод сочинения Прудона о теории налога и составленное им оглавление сочинений Герцена, у Воскресенского – несколько немецких книг, «недопускаемых отечественною цензурою»; увы, составители рапорта не пояснили, какие это книги¹⁵¹. На собраниях и встречах ишутинского общества велись уже знакомые для «саратовцев» разговоры: так, одной из главных тем для обсуждения были ассоциации, как и в кружке Христофорова. Ишутинец

Загибалов, находясь под следствием, на вопрос о декларируемой цели общества в первую очередь назвал пропаганду артельного производства: кружок хотел «завести в разных городах и других важных пунктах империи ассоциации, с тем, чтобы показать рабочим на деле всю выгоду ассоциаций»¹⁵².

Несколькими страницами ранее уже прозвучал тезис о нежелательности обобщения и экстраполяции радикальных взглядов отдельных ишутинцев на весь кружок, в т. ч. на «саратовцев». В связи с этим стоит с доверием отнестись к показаниям Моткова о совместной критике идеи создания «Ада», проявившейся в беседах между «малининцами» и «саратовцами»: согласно их мыслям, после смещения руководства «ипатовцев» «Организация» должна была бы «заняться своими делами: освобождением Чернышевского, устройством Людиновского завода, ассоциаций, школ, обществ взаимного кредита, переводом и распространением научных сочинений по экономическому вопросу и собиранием статистических, этнографических и исторических фактов для уяснения экономического и общественного блага России»¹⁵³. Выполнение последнего пункта предполагалось возложить на Воскресенского, Сергиевского и Лапкина.

Конечно, их согласие на «собираание статистических фактов» могло быть и не связано с «хождением в народ». Судя по всему, лишь Борисов действительно был готов уехать в провинцию, отложив в сторону мысль о высшем образовании. В основном же в показаниях ишутинцев проскальзывали иные приоритеты: так, по словам В.И. Соболева, впоследствии вошедшего в «Сморгонскую академию», умеренно настроенные ишутинцы считали, «что все энергические меры нужно бросить, что прежде нужно получить образование, а потом уже и посвятить свою жизнь на пользу ближним и действовать по возможности законными путями»¹⁵⁴. Когда Лапкин спрашивал Воскресенского, как можно оставить с целью пропаганды Петровскую академию, тот ответил, что «на три года-то можно как-нибудь и здесь остаться; вот будет издаваться журнал, мы будем составлять статьи по присылаемым материалам»¹⁵⁵. Ермолову Воскресенский говорил, что после общения с ишутинцами «он думал ехать в Саратов для того, чтобы возобновить связи и знакомства с прежними своими товарищами по семинарии и развить в них склонность к чтению книг, убеждать их о поступлении в университеты и ознакомить их с понятиями о социальном труде и ассоциациях»¹⁵⁶. Как видно, объектом пропаганды был не народ, не рабочие, а скорее собственное окружение, среда студенчества и интеллигенции.

В показаниях сохранились свидетельства, связывающие отдельные имена «саратовцев» с городами, куда они предположительно могли уехать в целях пропаганды: Борисов должен был отправиться в Самару, Полумордвинов – в Вятку и т. д.¹⁵⁷ Неясно, насколько это распределение было согласовано с ними. По словам Сергиевского, на заседании в конце марта лишь Борисов изъявлял желание ехать в Самару, а сам Сергиевский отказался уезжать под предлогом сдачи гимназического экзамена¹⁵⁸. На вопрос министра юстиции на суде, почему Воскресенский согласился ехать в Тверь, тот отвечал, что ему хотелось держать экзамен для поступления в столичный университет, а Тверь находится ближе всего к Петербургу¹⁵⁹. С учетом давнего стремления «саратовцев» закрепиться в Петербурге и того факта, что через год они именно так и сделали, его утверждение звучит убедительно. На собрании в доме Ипатова 4 апреля, где обсуждались подробности будущей летней пропаганды в губерниях, «саратовцы» и вовсе не присутствовали¹⁶⁰.

Еще в феврале в «Организации» начал складываться антирадикальный кружок, после того, как Мотков рассказал Малинину об обсуждаемой «ипатовцами» идее создания общества «Ад». Не очень ясно, можно ли на основании показаний Моткова, Малинина и других говорить о заговоре и четком плане противодействия «ипатовцам», подразумевавшем исключение из «Организации» Ишутина, Ермолова и Каракозова¹⁶¹. Впрочем, представляется несомненным, что в ходе обсуждений ряд ишутинцев, относившихся с сомнением, подозрением или опаской к предложениям по созданию «Ада», идеям царевубийства и эксцентричному поведению Ишутина, составил некое подобие отдельного кружка внутри ишутинского общества.

К Моткову и Малинину присоединились и другие «малининцы» (А.И. Иванов, Д.Л. Иванов, Кичин)¹⁶², которые вместе с самим Малининым рассказали об «Аде» Воскресенскому и Сергиевскому; те, по утверждению Малинина, «решились непременно помогать нам, так как тоже сильно испугались»¹⁶³. (На суде Малинин ошибочно утверждал, что Воскресенский и Сергиевский с этой целью и по протекции его и Моткова вошли в «Организацию»¹⁶⁴; как мы помним, вступление «саратовцев» в «Организацию» произошло раньше.) Чтобы увеличить число своих сторонников в «Организации», противники «Ада» стали настаивать на приеме в «Организацию» Лапкина, что и произошло в конце марта (согласно показаниям Лапкина на следствии) или в конце февра-

ля – начале марта (по его показаниям на суде)¹⁶⁵. Последний, правда, не сыграл никакой роли в этой истории; как показывал Борисов, Лапкин посетил лишь одну сходку общества¹⁶⁶. Ранее уже упоминалось, что, по словам Шаганова, Полумордвинов и Борисов были знакомы с идеей цареубийства, обсуждаемой «ипатовцами». Должно быть, на основании этих слухов заговорщики посчитали их близкими Ишутину людьми и не стали посвящать в свои планы. Эта предосторожность, вероятно, была излишней: как показала история с выходом Полумордвинова из «Организации», он не был сторонником Ишутина; он же, неплохо зная Борисова, говорил следствию, что его товарищ по гимназии «холодно и недоверчиво» относился к «ипатовцам» и к ишутинскому обществу в целом¹⁶⁷.

О предполагаемом противодействии «ипатовцам» было рассказано Черкезову и Соболеву¹⁶⁸, на чьей личности также следует ненадолго остановиться. В литературе Соболев не причислялся к «Сморгонской академии», однако имеющиеся в распоряжении источники говорят об обратном. **Василий Иванович Соболев** (р. 1844) – сын сельского причетника Нижегородской губернии, не окончивший семинарии; какое-то время он работал конторщиком у местного помещика Шереметева, затем волостным писарем у временнообязанных крестьян. В октябре 1864 г. он переехал в Москву, надеясь поступить в Московский университет. Но, узнав о скором открытии Петровской академии, он, как и «саратовцы», выбрал это учебное заведение, в которое был зачислен слушателем в январе 1866 г.¹⁶⁹ Еще в Нижнем Новгороде Соболев познакомился с Д. Ивановым, учившимся в первой половине 1860-х гг. в нижегородской гимназии. Через него Соболев зимой 1864–1865 гг. сошелся с ишутинцами, войдя в кружок «брюхатовцев»; на квартире графини Л.Н. Толстой, тесно общавшейся с «брюхатовцами», проходили собрания молодежи, где велись политические беседы, пелись революционные песни, а частыми гостями были Ишутин и участники переплетной мастерской¹⁷⁰.

Как показывал следствию Соболев, в 1865 г. он достаточно тесно общался с Ишутинным, который воспринимался им тогда как «освободитель из той апатии, в которой я находился»; вместе они ездили в Нижний Новгород, где Ишутин предлагал Соболеву вступить в тайное общество и просил свести его со знакомыми семинаристами¹⁷¹. Как и многие подследственные по каракозовскому делу, Соболев критично оценивал «ипатовцев» и Ишутина лично, а свое участие в кружке мотивировал желанием «разуз-

нать хорошенько все его связи»¹⁷². В состав «Организации» Соболева ввел лично Ишутин, но к этому времени его отношение к главе кружка уже было довольно неприязненным, о чем свидетельствовали Д. Иванов и Полумордвинов¹⁷³. Участие Соболева в «Организации» не было активным: Ермолов, например, не считал Соболева членом общества на том основании, что он не принимал участия «в нашем деле»¹⁷⁴. С «саратовцами» Соболев сошелся, должно быть, не только на встречах ишутинского кружка, но и в Петровской академии – Соболев даже переехал на квартиру Зайкина в середине апреля¹⁷⁵.

Стоит отметить, что на суде «саратовцы», Соболев и Черкезов, при всей разнице в своих показаниях, утверждали, что информацию о радикальных планах «ипатовцев» они получили от Малинина и Моткова¹⁷⁶. При этом они нередко подчеркивали, что знали об этих планах далеко не всё (например, Полумордвинов говорил, что «понятия мои об “Аде” были незначительны и основывались только на отрывочных фразах»¹⁷⁷), а некоторые из них (Воскресенский, Сергиевский, Борисов) даже утверждали, что не слышали самого названия «Ад»¹⁷⁸. Кроме желания оправдаться перед следствием, вероятно, имело место и неясное представление о радикализме «ипатовцев», поскольку многие радикальные идеи (например, рассмотренное выше предложение убийства Полумордвинова) были лишь случайно брошенными фразами, которые впоследствии расценивались властями как серьезные замыслы.

В качестве примера радикальных фраз, не скрывавших за собой реальных намерений, можно привести историю о Колачевском. По сведениям Ермолова, Колачевский на одной из сходов ОБВ высказался за то, чтобы немедленно устроить революцию «всеми средствами» и также без разбора средств находить для этих целей деньги¹⁷⁹. Это единственный пример подобных предложений Колачевского, который сохранился в источниках; ни до, ни после этого в защите или каких-либо теоретических обоснованиях необходимости беспринципной революции Колачевский замечен не был. Будет ли верно характеризовать подобное высказывание как радикальное и считать Колачевского сторонником принципа «цель оправдывает средства», ставя его в один ряд, скажем, с Нечаевым? Пожалуй, подобное сравнение было бы слишком некорректным. В отношении многих обсуждений ишутинского общества речь может идти не о радикализме, а о квазирадикализме, воспринимаемом собеседниками как элемент диалога, «кухонных разговоров», но не более.

Подобным образом – как *квазирадикализм* – исследователям стоит оценивать те высказывания, тексты и обсуждения, связанные с радикальными образами революции и терроризма, которые не были частью системного представления о радикальных методах борьбы и не приводили к реальным последствиям. Слово без дела мертво. Таким словом, например, была известная прокламация начала 1860-х гг. «Молодая Россия», которую уже давно считают чуть ли не первым примером террористических идей в русском революционном движении¹⁸⁰. Однако внимательное ознакомление с текстом прокламации показывает, что абстрактные рассуждения о насилии, относящиеся к образам потенциального будущего, не ведут за собой призывов к этому насилию; непосредственный призыв автора «Молодой России» П.Г. Заичневского к молодежи вполне умеренный: «...сбирайтесь почаще, заводите кружки, образуйте тайные общества... рассуждайте больше о политике, уясняйте себе современное положение общества... приглашайте к себе на собрания людей...»¹⁸¹.

Сам Заичневский в ходе споров о значении прокламации, как вспоминала А.Н. Можарова, «защищал свое детище, возлагая на передовых людей обязанность провести в России нравящееся народу понятие о федеративной республике»¹⁸². Картины будущей революции нужны были скорее для устрашения властей и привлечения внимания публики к показному радикализму. Да и характер молодого революционера с трудом мог сочетаться с ролью террориста и заговорщика: в 1861 г. по дороге из Москвы в Орловскую губернию Заичневский откровенно беседовал со случайными знакомыми, делаясь с ними своими оппозиционными воззрениями; после своего ареста он без задней мысли спросил, арестованы ли такие-то его товарищи, тем самым невольно их выдав¹⁸³. Козьмин считал, что революционную молодежь 1860-х гг. привлекала не столько сама программа «Молодой России», сколько «смелость, с которой выступили её авторы»¹⁸⁴, эмоциональный настрой, бунтарский пафос. Современник событий эмигрант В.И. Кельсиев и вовсе отмечал, что прокламация была «более смешна, чем страшна»¹⁸⁵. Рассматривая квазирадикализм как особое явление в общественных настроениях пореформенной России, далеко не всегда имевшее отношение к радикализму реальному, можно избежать невольного восприятия случайных и эмоциональных фраз, вырванных из контекста, в качестве доказательств широкого распространения радикальных и террористических взглядов в воззрениях тех или иных участников революционных кружков.

Впрочем, как видно по следственным материалам, будущие участники «Сморгонской академии» часто не отличались даже квазирадикальными взглядами. В ишутинском обществе они оказались по стечению обстоятельств, хотя и не по случайному стечению: их близость к революционной, подпольной среде была их сознательным выбором, их привлекала видимость общественной деятельности, которая при этом не становилась жизненным приоритетом. Вскоре раскрытие общества, арест и судебный процесс – в глазах современников и историков – связали «саратовцев» и близких им лиц с ишутинским обществом гораздо крепче, чем они сделали это сами.

«Каракозовцы»: под следствием и судом (весна – осень 1866 г.)

«Выстрел Каракозова, не имевший ничего общего с делом “Организации”, погубил её в самом зародыше, чтобы все предположения и планы её обратить в пустые мечтания», – писал спустя много лет после покушения на Александра II ишутинец Николаев¹⁸⁶. Другой участник кружка, Загибалов, по свидетельству его сына, считал, что покушение было неожиданным не только для ишутинцев, но даже для самого Ишутина¹⁸⁷. Какими бы безучастными к обсуждению и подготовке цареубийства не были члены ишутинского кружка, с момента покушения Каракозова они на долгие годы получили клеймо «каракозовцев». Даже воспоминания жившего в Петербурге Худякова, не входившего в московский кружок, но оказавшегося вместе с ними на суде, получили в печати заголовок «Записки каракозовца» (М.; Л., 1930). Если проследить судьбу сморгонцев, то можно увидеть, что даже спустя годы в официальных документах их в первую очередь характеризовали как «привлеченных к делу о событии 4 апреля 1866 г.»¹⁸⁸.

Период полицейских и судебных преследований, начавшийся после покушения, получил у современников название «белого террора». Правительственный гнет чувствовали даже совсем далекие от революционных воззрений люди. Например, будущий московский вице-губернатор и городской голова, студент физико-математического факультета Московского университета В.М. Го-

лицын вспоминал, как в эти годы в университете не только усилился надзор, но также появились студенты, «взявшие на себя роль тайных агентов», запрещалась самоорганизация для помощи нуждавшимся, а «горячие речи за ужином в ресторанах» и «хождение по улицам гурьбой по окончании лекций» могли восприниматься как политические демонстрации. «Дело дошло до того, что один профессор предупредил нас, что студентам, не в меру нашумевшим в театре, угрожает исключение из университета. А в то время в Москве была очень недурная итальянская опера, вызывавшая шумный восторг в молодежи», – с иронией отмечал Голицын¹⁸⁹.

«Это была Россия, с 1862 года переживавшая интеллектуальный кризис и вступившая, из эпохи Герцена, Чернышевского и Добролюбова, в глухое и безжизненное затишье; Россия, в которой нарождалась и развивалась проповедь Каткова; это был Петербург между 4 апреля 1866 и 25 мая 1867 годов (дата покушения на Александра II поляка А.И. Березовского. – В.К.), когда ожесточеннейшая реакция проявлялась в бесконечных арестах и в жесточайшем цензурном гнете. <...> Лучшая часть русской интеллигенции спряталась в глубочайшее подполье»¹⁹⁰, – так спустя полвека характеризовал «белый террор» либеральный публицист В.В. Викторов-Топоров. Действительно, немало людей оказалось под вниманием политического сыска: по данным петербургского военного генерал-губернатора А.А. Суворова, в течение апреля 1866 г. в столице было произведено 450 обысков и привлечено к следствию до 1200 жителей¹⁹¹. Козлинина и вовсе писала о двух тысячах арестованных в Москве и Петербурге¹⁹² (вряд ли речь шла о таком количестве арестов; скорее всего, Козлинина неверно истолковала информацию об общем количестве привлеченных к следствию, допрошенных лиц и т. п.). Порой случайное стечение обстоятельств могло повлечь за собой достаточно длительное лишение свободы. Так, задавшись поиском «саратовца» Борисова, полиция 25 апреля арестовала не только его, но и другого студента Петровской академии, Владимира Борисова, сына бухгалтера петербургской таможни¹⁹³. И хотя Феофан Борисов быстро сознался в принадлежности к ишутинскому обществу, Владимир, не имевший никакого отношения к ишутинцам, продолжал находиться под арестом даже спустя два месяца¹⁹⁴.

Приведем пример общественного страха перед «белым террором». Впоследствии ставший дипломатом и писателем, студент Московского университета Г.А. де Воллан после каракозовского

покушения вызывался на допрос в связи с участием в просветительском кружке В.И. Губина, члены которого читали для рабочих лекции на различные темы неполитического характера. (Отметим, что Виленская предполагала наличие «идейных точек соприкосновения» между кружком Губина и ишутинцами¹⁹⁵. Де Воллан при этом пишет, что ишутинцы, безуспешно пытаясь перетянуть часть кружка в свою сторону, называли Губина и его сторонников «либеральной дрянью, жирондистами»¹⁹⁶. Вряд ли это позволяет говорить об их идейной близости.) Губин же, несмотря на свое участие в манифестациях в честь спасения жизни монарха, был продержан под арестом пять месяцев. Де Воллан и его товарищи также решили разыграть своего знакомого Страковского, сказав ему, что на допросе они назвали его в числе поляков, посещавших собрания кружка Губина, хотя Страковский был не поляком, а молдаванином. «Несчастный не знал, куда деваться, мы его дразнили, но когда он грустный отправился домой, то мы сообщили ему о нашей мистификации. Он не помнил себя от радости, пожимал нам руки. Вот какое было впечатление, произведенное комиссией (следственной. – В.К.) на совершенно невинных членов университетской семьи», – вспоминал де Воллан¹⁹⁷.

Итак, 4 апреля 1866 г. в Петербурге Д.В. Каракозов совершил неудачное покушение на жизнь императора. Уже через три дня, 7 апреля, властям в ходе следствия в столице стали известны имена Ишутина и Ермолова¹⁹⁸. Вместе с ними были арестованы и другие «ипатовцы», однако расследование, как свидетельствовал член следственной комиссии Муравьева П.А. Черевин, могло на долгое время остановиться, если бы в конце апреля Корево не сделал свой донос¹⁹⁹. Еще до этого события в Петровско-Разумовское к «саратовцам» приехал Николаев и объявил об аресте «ипатовцев» (Сергиевский датирует это событие 13 апреля); Николаев считал, что «саратовцы» могли бы избежать ареста, и потому посоветовал им продолжать выполнять цели «Организации»²⁰⁰. О будущих планах «Организации» рассуждал и Шаганов, спрашивая «саратовцев» и Соболева о том, «кто должен остаться в Москве заведовать делами агентуры»²⁰¹.

Шаганов и Николаев, должно быть, пытались как-то согласовать действия оставшихся на свободе участников «Организации». Проанализировав события, можно увидеть, что к активной и конспиративной работе «саратовцы» не были готовы. Например, они сговорились ни в чем не сознаваться, кроме участия в ОВВ, о чем

признавался следствию Борисов. Нетрудно заметить, что само признание уже нарушало факт сговора, не говоря уже о значительном количестве нестыковок в показаниях, которые разбирались ранее. Тот же Борисов упоминал, что в сговоре не участвовал Полумордвинов, от которого другие «саратовцы» «держались в стороне, как от отставшего от нас»²⁰². Между тем Борисов предлагал Полумордвину уже после 4 апреля съездить в имение Ермолова за деньгами²⁰³. Доверять столь важное поручение «отставшему» человеку в условиях разрастающегося «белого террора» кажется безрассудным.

Деньги арестованного Ермолова ишутинцы хотели спасти от конфискации: Странден еще до ареста передал Николаеву записку к управляющему имением Ермолова, чтобы тот передал им деньги, и указал Николаеву на «саратовцев» как на «людей, которые дольше всех не будут арестованы». Борисов предлагал съездить в имение Полумордвину, Сергиевскому и Соболеву, но в конечном итоге отправиться за деньгами решил Воскресенский. С этой целью он взял в академии отпуск с 11 апреля по 1 мая; по возвращении в Москву он передал Кичину около 180 рублей, которые затем забрал Д. Иванов²⁰⁴. Отметим, что лишь Воскресенский согласился взять ответственность за это мероприятие; подобная инициативность, возможно, в дальнейшем повлияла на его руководящую роль в «Сморгонской академии».

Хотели ли избежать ареста другие «саратовцы», отказываясь от данного поручения? Или они просто не считали себя членами «Организации»? Единственным человеком, уехавшим из Москвы, был Сергиевский. Незадолго до отъезда, 6 или 7 апреля, Борисов передал Сергиевскому записку от Николаева и Шаганова и просьбу встретиться с ними на следующий день. Записка была адресована на чье-то, неизвестное Сергиевскому имя, и гласила: «Отдать ему яды». От кого Сергиевский должен был взять яды и кому передать, он не понял²⁰⁵. В итоге, проигнорировав просьбы товарищей, 15 апреля он уехал в имение Ивановское Николаевского уезда Самарской губернии в качестве учителя сына генерала И.В. Свечина. За эту работу он одновременно получил 20 рублей серебром²⁰⁶. Еще одной целью поездки было «держание экзамена в тамошней гимназии»²⁰⁷. Остальные персонажи остались в Москве, будто не подозревая об их возможном аресте.

Сравним это поведение со страхом Страковского, который «не знал, куда деваться», ожидая наказания за участие в периферийном просветительском кружке. Поведение будущих сморгонцев

показывает, что они вряд ли думали о неизбежности ареста и, тем более, суда и тюремного заключения. Их деятельность казалась им практически неопасной. Эта наивность, с одной стороны, была следствием молодости и малого опыта революционеров, а с другой – служит лишним доказательством их антирадикальной позиции. Будущие сморгонцы искренно не видели связи между своими идеями и покушением Каракозова, а, быть может, даже не воспринимали себя в качестве членов общества, которое можно было расценивать как преступное. Малинин на суде говорил, что у «приглашенных в общество» (т. е. у новичков, к которым относились и «саратовцы») понятия о цели их деятельности были гораздо менее определенными, чем у его учредителей-«ипатовцев». По его словам, когда он спрашивал «саратовцев», чем они занимались в рамках кружка, они отвечали: «Да играли на гармонике и кутили»²⁰⁸. В этом, безусловно, была доля лукавства, однако чем принципиально отличались их беседы от того, что делали десятки их сверстников?

Они так же, как и многие, хранили и обсуждали запрещенную цензурой литературу, включая прокламации начала 1860-х гг. (вспомним эпизод с прокламацией, переданной Полумордвиновым Страндену). «Ипатовцы» думали отдать «саратовцам» на хранение купленный ими типографский шрифт, и Воскресенский и Сергиевский дали на это согласие, обещая «спрятать эти вещи где-то на огороде»; в итоге уже после 4 апреля этот шрифт был отвезен Лапкиным в Коптево, где Лапкин, Соболев и Д. Иванов разбросали его в лесу²⁰⁹. Что же касается квазирадикализма иштутинского общества, то и он был настолько неопределенным и общепринятым, что вряд ли мог казаться преступным действием. Как вспоминал учившийся тогда в Московском университете будущий революционер З.К. Ралли, «люди, никогда не думавшие посягать на жизнь государя, болтали об этом повсюду, и вся Москва знала фразу убийцы Линкольна: “Sic semper tiranis!” (лат. “Такова участь тиранов!” – В.К.)»²¹⁰. Стоило ли опасаться из-за этого судебного преследования?..

Необходимо кратко остановиться на небольшой истории, связанной с именами Воскресенского и Лапкина, которая разбиралась следственными органами в июне 1866 г. Поскольку эти сведения не нашли подтверждений, то они не были вынесены на судебный процесс и не получили известности в литературе. Хотя с первого взгляда они могли бы служить аргументом в пользу представления о радикальных взглядах этих лиц. Чуть выше упо-

миналось, что в апреле 1866 г. Воскресенский, взяв отпуск в Петровской академии, уехал в имение Ермолова в Пензенскую губернию; отпуск был им получен под предлогом поездки домой. Воскресенский действительно побывал в родительском доме, что подтверждал его отец, живший в с. Воскресенское Вольского уезда Саратовской губернии²¹¹. Также Воскресенский заехал в гости к своему брату Алексею в с. Малая Сердоба Петровского уезда. Местный исправник подслушал разговор Алексея Воскресенского с двумя крестьянами, в котором тот говорил, что «знал еще в первых числах ноября 1865 г. (когда “саратовцев” еще даже не было в Москве. – В.К.) о намерении покуситься на жизнь государя»²¹². Губернские власти допросили Алексея. По его утверждению, его брат Дмитрий рассказал историю, как он, Лапкин, Каракозов и некий Петровский, находясь в Петровско-Разумовском, кидали жребий, определяя, кому из них совершить покушение на императора. Кроме этого, Воскресенский якобы говорил своему брату, что «хотя Каракозов взят, но сообщников много, и что мысль об убийстве осуществится через десять месяцев»²¹³.

Расследование не подтвердило этой истории. Ишутинец Юрасов утверждал, что Каракозов не мог быть знаком с Лапкиным²¹⁴. Действительно, Лапкин из всех «саратовцев» меньше всех остальных участвовал в собраниях кружка, а к моменту его официального включения в состав «Организации» в конце марта Каракозов, скорее всего, уже уехал в Петербург. Каракозов говорил, что в Петровской академии не бывал, что подтверждали и другие ишутинцы²¹⁵. Вероятно, если он и был знаком с «саратовцами», то весьма поверхностно. В.А. Петровский, товарищ «саратовцев» по семинарии, вместе с ними в 1865 г. приехал в Петербург с целью поступить в духовную академию; в 1866 г. он продолжал жить в столице и не мог участвовать в ишутинском обществе²¹⁶. (Показания Воскресенского и Малинина о Петровском не согласуются с данными биобиблиографического словаря «Деятели революционного движения в России», согласно которым Владимир Алексеевич был студентом Петровской академии²¹⁷. Воскресенский упоминал незнакомого ему студента Петровской академии Владимира Ивановича Петровского – скорее всего, однофамильцев в последующих документальных источниках перепутали; вряд ли подследственный «саратовец» стал бы прямо искажать легко проверяемые факты.) Воскресенский, по утверждениям знакомых, часто высказывал свое несогласие с радикальными

предложениями ишутинцев: например, по словам Лапкина, его товарищ негативно, с моральных и религиозных позиций, оценил идею убийства В.А. Федосеевым собственного отца («...что же это будет, если сын восстает на отца, а отец восстает на сына; если это так, то должно быть второе пришествие»)²¹⁸.

Откуда взялась эта странная история о жребии? Воскресенский объяснял её тем, что его брат Алексей во время их встречи был пьян, и потому в его памяти мог отложиться этот «бред в несчастном положении запоя». Кроме того, они ни разу не оставались наедине, что могли бы подтвердить свидетели²¹⁹. Следствие пришло к тому же выводу, и в октябре 1866 г. сельский учитель Алексей Воскресенский за ложный извет был отправлен под надзор полиции на жительство в другую губернию²²⁰. Выдуманная им история, рассказанная местным крестьянам – яркий пример квазирадикализма этой эпохи, не подразумевавшего реального радикализма, но, безусловно, выражавшего оппозиционные настроения общества.

Постепенно следственной комиссии Муравьева стало известно о принадлежности к ишутинскому обществу всех исследуемых здесь героев. С конца апреля по начало июня были арестованы «саратовцы», а также Соболев, Черкезов и Колачевский; объявленный в розыск Сергиевский был арестован в Самаре 15 мая²²¹. Всех их, за исключением Колачевского, судили в составе второй, менее значимой, группы обвиняемых из 25 человек в сентябре 1866 г.²²²

Согласно приговору Верховного уголовного суда от 24 сентября, Воскресенский, Сергиевский, Полумордвинов, Борисов и Соболев обвинялись в принадлежности к «Организации»; суд отмечал, что о её целях и намерениях обвиняемые не имели точных сведений, на собраниях бывали редко и «не могли себе составить понятия даже о том, что такое социализм, нигилизм и коммунизм». В приговоре делался вывод, что в ишутинское общество они были вовлечены другими членами «под благовидным предлогом учреждения “Общества взаимного вспомоществования”»²²³. На основании этого обвинения они были приговорены к заключению в Петропавловской крепости на восемь месяцев, «с зачислением им времени, проведенного уже в заключении»²²⁴. Черкезов, будучи обвинен лишь в знании и недонесении, но не членстве в «Организации», получил тот же тюремный срок. Лапкин, в виду несовершеннолетия и, как посчитал суд, «противодействия преступным целям общества», в октябре 1866 г. был

отправлен в ссылку на поселение в Томскую губернию²²⁵; в дальнейшем участия в революционном движении он не принимал. Колачевский не был привлечен к суду, отделавшись лишь негласным полицейским надзором²²⁶.

Восьмимесячный срок осужденные каракозовцы отбыли не полностью. 28 октября 1866 г., в связи с браком наследника престола Александра Александровича, по всемилостивейшему манифесту их срок заключения был сокращен на треть²²⁷. 20 ноября вышел на свободу Воскресенский, 24 декабря – Борисов и Соболев, в начале января 1867 г. – Полумордвинов, Сергиевский и Черкезов²²⁸. Так участники ишутинского кружка стали в глазах современников «каракозовцами». Вряд ли это было для них оскорблением, наоборот: как свидетельствовал знакомый со сморгонской коммуной писатель Свешников, сморгонцы «были люди модные, потому что они только что отбыли срок заключения в крепости»²²⁹. Причастность к революционному движению была своего рода модой, субкультурой, и судебный процесс, клеймо «каракозовцев» лишь усилило склонность изучаемых персонажей к этой моде, укрепило их связи между собой, желание держаться поближе к себе подобным. И хотя некоторые из них оставили всякие революционные помыслы, остальные просто не могли не возобновить знакомые им формы коммуникации.

Их революционный опыт в кружке Христофорова и особенно в ишутинском обществе, сопровождаемый столкновением с политическим сыском, сблизил их, противопоставил их в собственных глазах остальному обществу. Кроме этого, они познакомились со многими идеями, отголоски которых можно будет увидеть и в «Сморгонской академии»: создание «клубов» для привлечения в свой круг общения новых людей, замысел освобождения Чернышевского, стремление установить контакты с эмиграцией, в т. ч. с Европейским революционным комитетом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Деятели революционного движения в России: Биобиблиографический словарь. От предшественников декабристов до падения царизма. Т. 1. Ч. 2. – М., 1928. Стб. 325–326.

² ГА РФ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 15. Л. 321.

³ Волков Н. (Майнов И.И.) Из жизни саратовских кружков // Былое (загр.). Вып. II. – Ростов н/Д, 1906. С. 5.

⁴ Цит. по: *Чешихин-Ветринский В.Е.* Н.Г. Чернышевский. 1828–1889. – Пг., 1923. С. 77.

⁵ *Волков Н. (Майнов И.И.)* Указ. соч. С. 6.

⁶ См. подробнее: *Деятели революционного движения.* Т. 1. Ч. 2. Стб. 437–438.

⁷ *Сушицкий В.* Из истории революционной деятельности А.Х. Христофорова в Саратове. (Организация рабочих товариществ) // *Каторга и ссылка.* 1924. № 6 (13). С. 87; ГА РФ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 12. Л. 259; Там же. Д. 19. Л. 145 об.

⁸ Возможно, подразумевалось следующее издание: *Милль Дж.* С. Основания политической экономии с некоторыми из их применений к общественной философии / Пер. Н. Чернышевского. Т. 1. – СПб., 1860.

⁹ ГА РФ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 20. Л. 26.

¹⁰ Там же. Д. 12. Л. 259.

¹¹ *Волков Н. (Майнов И.И.)* Указ. соч. С. 6.

¹² *Деятели революционного движения.* Т. 1. Ч. 2. Стб. 200, 413.

¹³ ГА РФ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 40. Л. 13 об., 69 об.

¹⁴ Там же. Д. 20. Л. 26–26 об., 29.

¹⁵ *Ракитникова И.* Памяти Ф.А. Борисова // *Каторга и ссылка.* 1929. № 4 (53). С. 189.

¹⁶ ГА РФ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 19. Л. 145 об. Английский экономист и социалист Роберт Оуэн (1771–1858) в начале XIX в. был управляющим текстильной фабрики в Нью-Ланарке в Шотландии, на которой были введены различные социальные нормы для рабочих, улучшившие их положение. Успешный эксперимент привлекал на фабрику множество посетителей, среди которых был даже великий князь Николай Павлович, будущий Николай I (Оуэн Роберт // *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона.* Т. 22а (44). – СПб., 1897. С. 481).

¹⁷ ГА РФ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 19. Л. 149.

¹⁸ Там же. Д. 18. Л. 34–34 об.

¹⁹ Там же. Д. 20. Л. 26 об., 28.

²⁰ *Деятели революционного движения.* Т. 1. Ч. 2. Стб. 274.

²¹ ГА РФ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 19. Л. 172; Там же. Д. 20. Л. 26 об., 28, 29–29 об.; Там же. Д. 40. Л. 62–62 об.

²² Там же. Д. 19. Л. 145 об.

²³ Там же. Л. 169 об., 171.

²⁴ Там же. Д. 20. Л. 29 об.

²⁵ Покушение Каракозова. Стенографический отчет по делу Д. Каракозова, И. Худякова, Н. Ишутина и др. Т. 2. – М.; Л., 1930. С. 89.

²⁶ О стремлении разночинцев идти в университеты «за лучшей долей, которую надеялись обрести с получением образования», см., например: *Щербакова Е.И.* «Отщепенцы». Путь к терроризму (60–80-е гг. XIX века). – М., 2008. С. 22.

²⁷ *Ракитникова И.* Указ. соч. С. 190.

²⁸ ГА РФ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 19. Л. 147 об.

²⁹ Там же. Л. 145.

³⁰ Там же. Л. 144.

- ³¹ Там же. Д. 20. Л. 25–25 об.
- ³² Там же. Д. 20. Л. 32; Там же. Д. 19. Л. 136.
- ³³ См., например: Там же. Д. 18. Л. 36–40.
- ³⁴ Там же. Л. 138.
- ³⁵ См. подробнее: *Виленская Э.С.* Революционное подполье в России (60-е годы XIX в.). – М., 1965. С. 203, 212–213.
- ³⁶ ГА РФ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 15. Л. 320–320 об. Какое-то время на квартире Веттера жил Христофоров, и там проводились собрания кружка (Там же. Д. 20. Л. 29 об.).
- ³⁷ Там же. Д. 18. Л. 36–37.
- ³⁸ Там же. Д. 15. Л. 320; Там же. Д. 18. Л. 37–37 об.
- ³⁹ См. упоминания землячеств шестидесятых годов в воспоминаниях ряда современников: *Николадзе Н.* Воспоминания о шестидесятых годах. Очерк первый // Каторга и ссылка. 1927. № 4 (33). С. 34; *Козлинина Е.И.* За полвека. 1862–1912 гг. Воспоминания, очерки и характеристики. – М., 1913. С. 27–28.
- ⁴⁰ *Сватиков С.Г.* Студенческое движение 1869 года (Бакунин и Нечаев) // Наша страна. 1907. № 1. С. 166.
- ⁴¹ *Шилов А.А.* Каракозов и покушение 4 апреля 1866 года. – Пг., 1919. С. 20.
- ⁴² См. подробнее: *Виленская Э.С.* Революционное подполье в России. С. 191.
- ⁴³ Землемерно-таксаторские классы при уездных училищах и классических гимназиях с двухгодичным курсом обучения существовали в 1859–1879 гг. Их целью была подготовка специалистов для землемерно-таксаторских работ, ведущихся по стране в этот период (*Р-в В.* Землемерно-таксаторские классы // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 12 (23). – СПб., 1894. С. 425).
- ⁴⁴ ГА РФ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 16. Л. 5; Там же. Д. 18. Л. 4; Там же. Д. 19. Л. 153, 156; Покушение Каракозова. Т. 2. С. 90.
- ⁴⁵ ГА РФ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 19. Л. 147 об.; Там же. Д. 20. Л. 25 об.
- ⁴⁶ Там же. Д. 19. Л. 171 об.; Там же. Д. 40. Л. 14 об.–15.
- ⁴⁷ Там же. Д. 40. Л. 62–62 об.
- ⁴⁸ Там же. Д. 18. Л. 4 об. Вероятно, речь шла об этом издании: *Гринвуд Дж.* Рассказы о семи лесных четвероногих. – СПб., 1865.
- ⁴⁹ ГА РФ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 18. Л. 34 об.
- ⁵⁰ Там же. Д. 16. Л. 53.
- ⁵¹ Там же. Д. 19. Л. 156; Там же. Д. 16. Л. 53.
- ⁵² Там же. Д. 20. Л. 26; Там же. Д. 40. Л. 15.
- ⁵³ Покушение Каракозова 4 апреля 1866 г. // Красный архив. 1926. № 4 (17). С. 115.
- ⁵⁴ Покушение Каракозова. Т. 1. – М., 1928. С. IV.
- ⁵⁵ *Филиппов Р.В.* Революционная народническая организация Н.А. Ишутина – И.А. Худякова (1863–1866). – Петрозаводск, 1964. С. 173, 218.
- ⁵⁶ *Исаков В.А.* Концепция заговора в радикальной социалистической оппозиции. Вторая половина 1840-х – первая половина 1880-х годов. – М., 2004. С. 172.

⁵⁷ Козьмин Б.П. Революционное подполье в эпоху «белого террора». – М., 1929. С. 143.

⁵⁸ Щербакова Е.И. Указ. соч. С. 88.

⁵⁹ Виленская Э.С. Революционное подполье в России. С. 413.

⁶⁰ Там же. С. 215–216.

⁶¹ См. подробнее: Покушение Каракозова 4 апреля 1866 г. С. 99–107.

⁶² Там же. С. 100.

⁶³ Стасов Д.В. Каракозовский процесс. (Некоторые сведения и воспоминания) // Былое. 1906. № 4. С. 281.

⁶⁴ Брешко-Брешковская Е.К. Из моих воспоминаний. – СПб., 1906. С. 10, 18.

⁶⁵ Козлинина Е.И. Указ. соч. С. 61–65.

⁶⁶ См., например: Филиппов Р.В. Указ. соч. С. 69; Виленская Э.С. Революционное подполье в России. С. 430.

⁶⁷ ГА РФ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 11. Л. 454 об.

⁶⁸ Там же. Д. 15. Л. 193 об., 198 об., 200.

⁶⁹ Виленская Э.С. Революционное подполье в России. С. 352.

⁷⁰ Покушение Каракозова 4 апреля 1866 г. С. 122.

⁷¹ См., например, некоторые оценки Ишутина как лидера революционной молодежи: Катков М.Н. Собрание передовых статей «Московских ведомостей». 1866 год. – М., 1897. С. 448; Клевенский М.М. Ишутинский кружок и покушение Каракозова. – М., 1927. С. 11.

⁷² ГА РФ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 12. Л. 322–322 об.

⁷³ Виленская Э.С. Революционное подполье в России. С. 436.

⁷⁴ ГА РФ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 16. Л. 185 об.

⁷⁵ Худяков И.А. Записки каракозовца. М.; Л., 1930. С. 109.

⁷⁶ Козлинина Е.И. Указ. соч. С. 45, 47, 62.

⁷⁷ См., например: Шилов А.А. Указ. соч. С. 34; Виленская Э.С. Революционное подполье в России. С. 394–398; Щербакова Е.И. Указ. соч. С. 71.

⁷⁸ Покушение Каракозова. Т. 2. С. 273.

⁷⁹ Покушение Каракозова. Т. 1. С. 26, 28, 81, 87, 123.

⁸⁰ ГА РФ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 12. Л. 30; Там же. Д. 14. Л. 315 об., 342; Там же. Д. 15. Л. 34 об., 191 об.

⁸¹ Покушение Каракозова. Т. 1. С. 23, 127.

⁸² ГА РФ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 15. Л. 198.

⁸³ Там же. Л. 93.

⁸⁴ Виленская Э.С. Революционное подполье в России. С. 215.

⁸⁵ См., например: Филиппов Р.В. Указ. соч. С. 58–59.

⁸⁶ См., например: ГА РФ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 14. Л. 393 об.

⁸⁷ Подробнее см., например: Филиппов Р.В. Указ. соч. С. 59–63.

⁸⁸ Виленская Э.С. Революционное подполье в России. С. 386.

⁸⁹ Филиппов Р.В. Указ. соч. С. 66.

⁹⁰ Покушение Каракозова 4 апреля 1866 г. С. 118.

⁹¹ Там же. С. 119.

⁹² См., например, сопоставление показаний Соболева и Полумордвинова о проекте устава «Организации»: Филиппов Р.В. Указ. соч. С. 66.

⁹³ ГА РФ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 19. Л. 127 об.

⁹⁴ Там же. Д. 16. Л. 5 об., 53 об.; Там же. Д. 18. Л. 5–5 об.; Там же. Д. 19. Л. 37 об.; Там же. Д. 40. Л. 1, 7.

⁹⁵ Там же. Д. 16. Л. 53 об.; Покушение Каракозова. Т. 2. С. 90.

⁹⁶ ГА РФ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 18. Л. 37–40.

⁹⁷ Там же. Д. 19. Л. 127 об.

⁹⁸ Там же. Д. 18. Л. 7.

⁹⁹ Там же. Д. 19. Л. 127 об.–128.

¹⁰⁰ Там же. Д. 16. Л. 53 об.

¹⁰¹ Черкезов в следственных показаниях написал имя своего отца – «князь Джан-Аслан Константинович» (Там же. Д. 18. Л. 62). В литературе и источниках можно увидеть иные написания отчества: «Асланович», «Джон Асланович», даже «Дзян Ослянов» (последнее см.: Там же. Д. 12. Л. 48.). В книге используется более принятое в литературе отчество Черкезова – «Николаевич».

¹⁰² Там же. Д. 18. Л. 62–62 об.

¹⁰³ Там же. Л. 62 об.–63.; Покушение Каракозова. Т. 1. С. 206.

¹⁰⁴ ГА РФ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 18. Л. 62 об.

¹⁰⁵ *Щербакова Е.И.* Указ. соч. С. 69.

¹⁰⁶ ГА РФ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 18. Л. 63 об.–64.

¹⁰⁷ Покушение Каракозова. Т. 2. С. 116–117.

¹⁰⁸ ГА РФ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 16. Л. 164 об.–165 об.; Там же. Д. 18. Л. 65 об.–67, 71; Покушение Каракозова. Т. 2. С. 117.

¹⁰⁹ ГА РФ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 18. Л. 67 об.

¹¹⁰ Там же. Д. 16. Л. 171 об.

¹¹¹ Там же. Л. 171 об.–172, 418.

¹¹² *Виленская Э.С.* Революционное подполье в России. С. 391.

¹¹³ Там же. С. 390.

¹¹⁴ ГА РФ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 16. Л. 301 об.; Там же. Д. 19. Л. 76 об.–77.

¹¹⁵ *Виленская Э.С.* Революционное подполье в России. С. 391.

¹¹⁶ ГА РФ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 15. Л. 188–190.

¹¹⁷ Там же. Д. 16. Л. 53 об.

¹¹⁸ Там же. Д. 18. Л. 7–9.

¹¹⁹ *Виленская Э.С.* Революционное подполье в России. С. 392.

¹²⁰ ГА РФ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 14. Л. 386–386 об.; Там же. Д. 15. Л. 37 об.

¹²¹ Там же. Д. 15. Л. 103 об.

¹²² *Виленская Э.С.* Революционное подполье в России. С. 402.

¹²³ ГА РФ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 18. Л. 40 об.–41.

¹²⁴ Там же. Д. 19. Л. 129 об.–130 об.

¹²⁵ Там же. Д. 18. Л. 41 об.; Там же. Д. 19. Л. 129 об., 131–132; *Виленская Э.С.* Революционное подполье в России. С. 399.

¹²⁶ ГА РФ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 16. Л. 53 об.

¹²⁷ Там же. Д. 18. Л. 10 об.–11.

¹²⁸ Покушение Каракозова. Т. 1. С. 111.

¹²⁹ ГА РФ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 14. Л. 302–305, 422; Там же. Д. 15. Л. 91, 93.

¹³⁰ Там же. Д. 15. Л. 254.

¹³¹ Там же. Д. 19. Л. 133 об.

¹³² Там же. Д. 15. Л. 91, 93.

- ¹³³ Там же. Д. 16. Л. 54 об.
- ¹³⁴ Там же. Д. 18. Л. 13.
- ¹³⁵ Там же. Л. 21 об.
- ¹³⁶ Покушение Каракозова. Т. 2. С. 114.
- ¹³⁷ ГА РФ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 14. Л. 61 об., 156, 261–261 об.
- ¹³⁸ Там же. Д. 15. Л. 255.
- ¹³⁹ Там же. Д. 16. Л. 191.
- ¹⁴⁰ Там же. Д. 17. Л. 40.
- ¹⁴¹ Покушение Каракозова. Т. 1. С. 144.
- ¹⁴² ГА РФ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 18. Л. 34 об.–35, 40 об.
- ¹⁴³ Там же. Л. 41 об., 43.
- ¹⁴⁴ Там же. Л. 47 об.–48.
- ¹⁴⁵ Там же. Д. 15. Л. 248; Там же. Д. 16. Л. 191 об.
- ¹⁴⁶ Там же. Д. 18. Л. 52.
- ¹⁴⁷ Там же. Л. 52 об.
- ¹⁴⁸ Там же. Д. 15. Л. 222, 230, 254 об.
- ¹⁴⁹ Покушение Каракозова. Т. 2. С. 92–93.
- ¹⁵⁰ *Щербакова Е.И.* Указ. соч. С. 68.
- ¹⁵¹ ГА РФ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 12. Л. 114 об., 116 об.
- ¹⁵² Там же. Д. 15. Л. 33.
- ¹⁵³ Там же. Л. 200.
- ¹⁵⁴ Там же. Д. 19. Л. 89.
- ¹⁵⁵ Там же. Л. 168–168 об.
- ¹⁵⁶ Там же. Д. 15. Л. 250 об.
- ¹⁵⁷ Там же. Д. 19. Л. 134.
- ¹⁵⁸ Там же. Д. 18. Л. 16, 22.
- ¹⁵⁹ Покушение Каракозова. Т. 2. С. 99–100.
- ¹⁶⁰ ГА РФ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 15. Л. 182. См. также: *Филиппов Р.В.* Указ. соч. С. 101.
- ¹⁶¹ Покушение Каракозова. Т. 2. С. 13. См. также: *Стасов Д.В.* Указ. соч. С. 294.
- ¹⁶² Покушение Каракозова. Т. 2. С. 41.
- ¹⁶³ ГА РФ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 14. Л. 305.
- ¹⁶⁴ Покушение Каракозова. Т. 2. С. 13.
- ¹⁶⁵ ГА РФ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 16. Л. 184 об.; Там же. Д. 19. Л. 156; Покушение Каракозова. Т. 1. С. 113.
- ¹⁶⁶ ГА РФ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 19. Л. 134 об.
- ¹⁶⁷ Там же. Д. 18. Л. 48 об.
- ¹⁶⁸ Там же. Д. 19. Л. 87–87 об.
- ¹⁶⁹ Там же. Л. 36 об.
- ¹⁷⁰ Там же. Л. 41 об.–47; Покушение Каракозова. Т. 2. С. 105; *Виленская Э.С.* Революционное подполье в России. С. 228–229.
- ¹⁷¹ ГА РФ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 19. Л. 51–52, 54–54 об.
- ¹⁷² Там же. Л. 72 об.
- ¹⁷³ Покушение Каракозова. Т. 2. С. 110; ГА РФ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 16. Л. 185 об.; Там же. Д. 18. Л. 48 об.
- ¹⁷⁴ Там же. Д. 17. Л. 103.

- ¹⁷⁵ Там же. Д. 19. Л. 36 об.
- ¹⁷⁶ Покушение Каракозова. Т. 1. С. 93, 96, 113, 145, 209; Там же. Т. 2. С. 51.
- ¹⁷⁷ Там же. Т. 1. С. 114.
- ¹⁷⁸ Там же. С. 111, 113, 184.
- ¹⁷⁹ ГА РФ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 15. Л. 42 об.
- ¹⁸⁰ Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). – М., 2000. С. 30.
- ¹⁸¹ Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. Документальная публикация / Отв. сост. Е.Л. Рудницкая. – М., 1997. С. 149.
- ¹⁸² А.М. (Можарова А.Н.) Воспоминания о П.Г. Заичневском // О минувшем. – СПб., 1909. С. 186.
- ¹⁸³ Политические процессы в России 1860-х гг. / Под ред. М.К. Лемке. М.; Пг., 1923. С. 4; Козьмин Б.П. П.Г. Заичневский и «Молодая Россия» // Козьмин Б.П. Из истории революционной мысли в России. – М., 1961. С. 194.
- ¹⁸⁴ Козьмин Б.П. П.Г. Заичневский и «Молодая Россия». С. 290.
- ¹⁸⁵ Кельсиев В.И. Исповедь // Литературное наследство. Т. 41–42. – М., 1941. С. 345.
- ¹⁸⁶ [Николаев П.Ф.] Очерк развития социально-революционного движения в России // Сборник «Социальный вопрос». № 1. [Казань], 1888. С. 138.
- ¹⁸⁷ Тютчев Н.С. Последний из каракозовцев – Максимилиан Николаевич Загубалов // Каторга и ссылка. 1924. № 3 (10). С. 211.
- ¹⁸⁸ См., например: ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 434. Ч. 2. Л. 291.
- ¹⁸⁹ Голицын В.М. Московский университет в 60-х годах // Голос минувшего. 1917. № 11–12. С. 200–201.
- ¹⁹⁰ Виктор-Гопоров В. Светозар Маркович (страница из истории общественных движений в Сербии) // Голос минувшего. 1913. № 3. С. 36.
- ¹⁹¹ Оржеховский И.В. Самодержавие против революционной России (1826–1880 гг.). – М., 1982. С. 98.
- ¹⁹² Козлинина Е.И. Указ. соч. С. 77, 97.
- ¹⁹³ ГА РФ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 12. Л. 50 об.
- ¹⁹⁴ Там же. Д. 17. Л. 98–99.
- ¹⁹⁵ Виленская Э.С. Революционное подполье в России. С. 242.
- ¹⁹⁶ Воллан де Г.А. Очерки прошлого // Голос минувшего. 1914. № 2. С. 178.
- ¹⁹⁷ Там же. С. 176–179.
- ¹⁹⁸ ГА РФ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 10. Л. 86–86 об., 101–101 об.
- ¹⁹⁹ Черевин П.А. Записки П.А. Черевина (Новые материалы по делу каракозовцев). – Кострома, 1918. С. 9.
- ²⁰⁰ ГА РФ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 18. Л. 20 об.–21.
- ²⁰¹ Там же. Д. 19. Л. 90.
- ²⁰² Там же. Л. 139 об.
- ²⁰³ Там же. Д. 18. Л. 52 об.
- ²⁰⁴ Там же. Д. 12. Л. 47 об.; Там же. Д. 15. Л. 321, 389; Там же. Д. 17. Л. 41–41 об.; Там же. Д. 18. Л. 52 об.; Там же. Д. 19. Л. 91.

- ²⁰⁵ Там же. Д. 18. Л. 18 об.–19 об.
- ²⁰⁶ Там же. Л. 3 об.–4.
- ²⁰⁷ Там же. Д. 16. Л. 342 об.
- ²⁰⁸ Покушение Каракозова. Т. 2. С. 10.
- ²⁰⁹ ГА РФ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 14. Л. 388; Там же. Д. 15. Л. 43 об.; Там же. Д. 16. Л. 194–194 об.
- ²¹⁰ Ралли З.К. Из воспоминаний З.К. Ралли // Революционное движение 1860-х годов. – М., 1932. С. 139.
- ²¹¹ ГА РФ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 13. Л. 342.
- ²¹² ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 434. Ч. 1. Л. 239–239 об.
- ²¹³ ГА РФ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 15. Л. 272.
- ²¹⁴ Там же. Л. 240–240 об.
- ²¹⁵ Там же. Л. 231 об., 250; Там же. Д. 16. Л. 82, 84.
- ²¹⁶ Там же. Д. 15. Л. 251; Там же. Д. 16. Л. 5 об.
- ²¹⁷ Деятели революционного движения. Т. 1. Ч. 2. Стб. 312.
- ²¹⁸ Покушение Каракозова. Т. 2. С. 98.
- ²¹⁹ ГА РФ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 16. Л. 54 об.–55.
- ²²⁰ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 434. Ч. 1. Л. 239 об.
- ²²¹ ГА РФ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 12. Л. 209–209 об.; Там же. Д. 16. Л. 343–345; Там же. Д. 17. Л. 374.
- ²²² См., например: Клевенский М.М. Ишутинский кружок и покушение Каракозова. С. 50–51; Покушение Каракозова. Т. 2. С. 7.
- ²²³ Покушение Каракозова. Т. 2. С. 349.
- ²²⁴ Там же. С. 354.
- ²²⁵ Деятели революционного движения. Т. 1. Ч. 2. Стб. 205.
- ²²⁶ Там же. Стб. 177.
- ²²⁷ Манифест о всемирнолюбивейше дарованных милостях и облегчениях по случаю бракосочетания его императорского высочества государя наследника цесаревича и великого князя Александра Александровича // 2 ПСЗ. Т. 41. Отд. 2. № 43784. 28.10.1866.
- ²²⁸ Деятели революционного движения. Т. 1. Ч. 2. Стб. 49, 72, 326, 369, 381, 445.
- ²²⁹ Свешиников Н.И. Воспоминания пропадающего человека. – М., 1996. С. 80.

Глава 2

ТАЙНОЕ ОБЩЕСТВО «СМОРГОНСКАЯ АКАДЕМИЯ» (1867–1868 гг.)

Сморгонская коммуна и петербургское революционное сообщество

В конце 1867 – начале 1868 г. Петропавловскую крепость покинули несколько осужденных ранее каракозовцев. Молодые, имевшие мало средств к существованию, несемейные люди решили поддерживать друг друга в чужом для них городе и совместно искать съемное жилье. Можно сказать, их коммуна образовалась естественным путем, безо всякой политической цели. Это позволило некоторым её членам впоследствии, при столкновении с властями, объяснять свое участие в кружке исключительно материальными обстоятельствами. Сергиевский при допросе в 1870 г. следственной комиссией Ланского о своем участии в «Сморгонской академии» посвятил целую страницу показаний объяснениям, что в последние годы он жил с «совершенно чуждыми» ему людьми «вследствие одного расчета – дешевле жить». «Среда, в которой человек вращается, характеризует этого человека только отчасти», – писал он следствию¹. Да, в желании жить коммуной был сугубо практический расчет экономии денег, и часть людей, прошедших через петербургскую коммуну и не оставивших никакого следа в революционном движении, исходили в первую очередь из этого расчета. Впрочем, данное замечание не относится к самому Сергиевскому, поддерживавшему отношения с товарищами и после своего отъезда из столицы. Как и ранее в случае с ишутинцами, сморгонцев тянуло к себе подобным не только и даже не столько из-за материального положения.

Это положение, отметим, было весьма скудным. Лица, не завершившие высшего образования и запятнанные судимостью,

вряд ли могли легко найти достойный заработок в столичном городе. Конечно, были курьезные случаи, когда даже в департаменте министерства внутренних дел служили бывшие политические преступники, но такие случаи часто были связаны с чиновничьей халатностью и недосмотром. Так, в 1868 г. выяснилось, что в бухгалтерское отделение департамента общих дел был принят по вольному найму И.Д. Пеньковский, ранее осужденный в Казани за хранение запрещенных сочинений и распространение прокламаций. Экуекторская часть департамента даже не проверила, что Пеньковский по решению суда не имел права въезда в столицу, и выдала ему свидетельство на жительство. Император Александр II, узнав об этом факте из всеподданнейшего доклада Ланского, пометил на полях: «Это непростительно»². Продолжить образование было также непросто: Воскресенский долгое время безуспешно ходатайствовал о принятии его в число студентов университета, а потом, в 1870 г., также безрезультатно пытался поступить в Земледельческий институт; III отделение оставило за ним лишь право сдавать кандидатский экзамен³.

После освобождения Воскресенский и Сергиевский какое-то время занимались корректурой и перепиской в редакции «Биржевых ведомостей» (эту временную подработку нашел Воскресенский)⁴. Сергиевский в апреле 1867 г. по знакомству поступил канцелярским служителем в департамент таможенных сборов министерства финансов, где проработал около года⁵. Черкезов получал деньги от отца, а также давал частные уроки⁶. По сведениям петербургского обер-полицмейстера, Воскресенский получал пособия от адвоката Серебряного⁷. Я.М. Серебряный был защитником Воскресенского на каракозовском процессе, хотя никаких сведений об их дальнейших контактах нет⁸; возможно, из-за схожести фамилий в источнике таким образом могла отложиться информация о студенте С.И. Серебренникове, владевшем в столице типографией — он оказывал финансовую поддержку сморгонцам. Как утверждал Кунтушев, Воскресенского обеспечивал деньгами Колачевский⁹. Другие члены коммуны подрабатывали перепиской лекций, публикацией статей в сатирическом журнале «Будильник», получали стипендию или деньги от родителей¹⁰.

Возможно, по причине скудости своего положения сморгонцы постоянно искали более дешевые и удобные варианты проживания. За два года они сменили несколько квартир в разных районах Петербурга. Должно быть, их было больше пяти, но доста-

точно точно можно установить следующие адреса: дом Долоцких (д. 11) по Кронверкскому проспекту на Петербургской стороне, дом Хрущева (д. 4) в Эртелевом переулке (ныне улица Чехова), неизвестный адрес по Средней Мещанской улице (ныне Гражданская улица), дом Кёнига (д. 1 или д. 3) по 8-й линии Васильевского острова, и, наконец, последний адрес – две меблированные комнаты в доме Сумарокова (д. 30) по 7-й линии, напротив Ларинской гимназии¹¹. Последний адрес чаще всего упоминается участниками и современниками; по свидетельству Свешникова, сморгонцы переехали со Средней Мещанской в более комфортную квартиру в доме Сумарокова, поскольку им надоела грязь, которую они развели в предыдущем месте¹².

Любопытное совпадение: именно на Средней Мещанской незадолго до описываемых здесь событий мог жить Родион Раскольников, герой романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». В 1999 г. на стене здания, известного как «дом Расколькова» (Гражданская ул., 19), была установлена композиция из горельефа и гранитной плиты с текстом, сочиненным Д.С. Лихачевым и Д.А. Граниным: «Дом Раскольника. Трагические судьбы людей этой местности Петербурга послужили Достоевскому основой его страстной проповеди добра для всего человечества»¹³. К людям этой местности с трагической судьбой можно отнести и живших здесь сморгонцев. В черновых вариантах романа сохранилось описание Достоевским типичного молодежного кружка, на собрании которого случайно оказался Раскольников: «В другом каком-нибудь собрании вечер, дошедший до такого градуса, давно бы обратился в оргию. Здесь уже началась оргия, только другого рода, умственная. <...> Дело шло, разумеется как и всегда, об самых отвлеченных вещах»¹⁴. После подобных отвлеченных рассуждений на общественные и моральные темы Раскольников размышлял: «Нынче все на эти темы болтают. Тем более наш брат, “социалист”. Стало быть, натурально. <...> У болтуна вид безвинный, кто болтает, тот уж, конечно, не так способен на дело»¹⁵. Пожалуй, это хороший комментарий вымышленного современника революционеров-шестидесятников на тему соотношения рассуждений о радикализме и реальной деятельности в этом направлении.

Но вернемся к судьбам реальных лиц. Состав кочующей в 1867–1868 гг. коммуны, как и адрес, часто менялся, и не все из вчерашних каракозовцев решались остаться в Петербурге. Как упоминалось ранее, Лапкин был сослан в Томскую губернию,

и его связь с бывшими товарищами на этом прервалась. Вскоре после освобождения столицу покинул Борисов: какое-то время он служил письмоводителем у мирового судьи Бакунина в г. Торжке Тверской губернии, а в июле 1867 г. уехал в Саратов¹⁶. Вместе с товарищами недолго жил Н.Я. Кутыев, участник ишутинского кружка, осужденный, как и наши знакомые, на 8 месяцев заключения; вскоре после освобождения 11 января 1867 г. он был выслан сначала в Рязанскую, а затем в Псковскую губернию¹⁷; далее его след в истории теряется, и столь короткое пребывание в Петербурге не позволяет считать его членом «Сморгонской академии».

Казалось бы, далекая от материального благополучия жизнь и сложности в трудоустройстве вряд ли способствовали бы желанию оставаться в столице. Борисов и Сергиевский, уехав впоследствии в Новороссийский край, получали там более стабильный доход, и им не приходилось тесниться в маленькой комнатке коммуны, рискуя при этом вновь попасть в поле зрения властей. Скорее всего, определяющим фактором была идейно близкая среда, к которой, как говорилось ранее, наши герои тяготели, и которую они не хотели, а может быть, даже боялись покидать, чтобы не столкнуться один на один с жизнью «отщепенца», почти маргинального члена общества. Условия жизни могли казаться менее сложными и не столь непреодолимыми при общении с такими же, как они, с оппозиционно настроенным сообществом, или, если говорить точнее, *революционным сообществом*.

Подобным понятием предлагается называть совокупность идейно близких друг другу личностей, кружков и организаций определенного времени и места, придерживающихся революционных идей и при этом не имеющих центрального руководства. Термины «общество» или «тайное общество» могли бы казаться синонимами, но, как уже отмечалось ранее, вольное или невольное наделение революционной среды понятием, отражающим организационный и структурный уровень, который для неё в то время был не характерен, лишь отдаляет нас от понимания исторической реальности. Иногда исследователи вполне осознанно преувеличивали этот уровень: Виленская даже выделяла в петербургском революционном обществе «центр» и «периферию», основываясь на многочисленных допущениях и признавая при этом, что прямых данных об организационных формах «революционного центра» нет¹⁸. Некорректное использование понятия «общество» понимали и современники. Например, во время кара-

козовского процесса Худяков, осознавая опасность признания существования в Петербурге революционной организации, подчеркивал, что никакого революционного общества он не знает; общество, как он считал, это «собрание людей, организованное в известном порядке». При этом он говорил о своей принадлежности к «социалистической партии»; «партия», по его определению, «есть просто собрание людей, думающих известным образом»¹⁹. Сегодня, конечно, партиями принято называть организационные формы деятельности, и потому более точным представляется понятие «сообщество». Также добавим, что в революционное сообщество – в отличие от революционного подполья – могли входить лица, заведомо и сознательно не совершавшие какие бы то ни было антиправительственные и незаконные действия (скажем, деятели легальной журналистики оппозиционных политических взглядов).

При расследовании дела Каракозова в 1866 г. внимание властей было сосредоточено на московском подполье, на ишутинском кружке. Председатель следственной комиссии граф Муравьев при этом считал, что в Петербурге осталось немало нераскрытых конспираций. Он писал императору, что лишь при «более энергическом управлении столицей можно надеяться, что все эти вредные сообщества будут постепенно прекращаться, но для сего необходимо дать административному начальству больше власти и средств для действий»²⁰. В итоге, однако, к суду из петербуржцев были привлечены лишь несколько человек. Другие полицейско-административные меры (закрытие журналов «Современник» и «Русское слово», усиление надзора за печатью и образовательными учреждениями, арест и высылка некоторых лиц), хоть и наводили, по выражению арестованного в то время революционера Г.А. Лопатина, «всеобщую панику»²¹, всё же не были столь масштабными, как в Москве.

Тот же Лопатин, правда, в 1876 г. писал о петербургских «заговорщиках», готовивших покушение Каракозова и занимавшихся вербовкой сторонников, о «заведенных путях для доставки заграничных изданий», об уцелевших после «белого террора» «остатках организаций» и т. п.²² Виленская считала его слова «наиболее важным свидетельством о существовании петербургского тайного общества»; впрочем, на той же странице своей монографии она отметила хронологическую неточность в воспоминаниях Лопатина²³. Так что это «наиболее важное» свидетельство, как можно увидеть, не отличалось идеальной точностью

данных, что ставит под сомнение гипотезу о существовании «революционного центра» в Петербурге в середине 1860-х гг. Скорее всего, подполье представляло собой отдельные, хорошо знакомые друг с другом, но не связанные организационно кружки и группы разной степени серьезности. Остановимся на деятельности некоторых из них, чтобы показать разнообразие и неоднородность петербургского революционного сообщества к началу 1866 г.

С октября 1865 г. бывший студент Петербургского университета И.А. Рождественский, инженер П.В. Михайлов и еще несколько лиц создали «Издательскую артель» якобы с целью издавать «переводные научные труды из разных областей знания». Заявленные вступительные и паевые взносы, как можно выяснить при анализе документов артели, были фиктивными, а её членами успели побыть многие известные общественные и революционные деятели того времени: А.А. Черкесов, А.К. Европеус, П.Л. Лавров, Ю.Г. Жуковский, Г.З. Елисеев, Н.Д. Ножин, А.Д. Путята и др. Очевидно, что формальное существование «Издательской артели» должно было служить прикрытием для собраний её участников, проходивших в ночные часы на квартирах Рождественского и брата Михайлова, а также в книжном магазине В.В. Яковлева. После выстрела Каракозова многие члены артели оказались под следствием. В ходе допросов выяснилось, что в феврале 1866 г. с Михайловым и Рождественским встречался ишутинец Мотков, якобы интересовавшийся уставом артели; в виду того, что о планах ишутинцев (и Моткова лично) по издательскому делу нам ничего неизвестно, ишутинцев, вероятно, интересовала какая-то конспиративная деятельность «издателей»²⁴.

В Петербурге какое-то время существовала женская переплетная артель В.И. Печаткиной, где часто, по воспоминаниям участницы артели А.А. Комаровой, «...торчали два развивателя: толстый, курчавый, некончивший курса студент Р-ский (упомянутый выше Рождественский. – В.К.) и белокурый, юркий К-ль (А.А. Криль, участник “Издательской артели”, впоследствии эмигрант и народовец²⁵. – В.К.). Да, – добавляла Комарова, – жизнь в переплетной шла совершенно по Чернышевскому. Большая часть работниц принадлежали к интеллигенции; они не хотели идти в гувернантки и предпочли ремесло: мода такая была»²⁶. Та же Комарова в воспоминаниях описывала нигилистическую коммуны, где она жила около трех лет. Разочаровавшаяся впоследствии в нигилизме, религиозно настроенная Комарова искренно призна-

валась, что, часто встречая в этой коммуне Худякова, а иногда и приезжавшего из Москвы Ишутина, она и не догадывалась об их подпольной революционной деятельности²⁷. Это свидетельство подтверждает, что разные подпольные группы, состав которых мог перемешиваться, существовали параллельно, без единого центра управления.

Худяков, вероятно, недалеко уходил от истины, утверждая в следственных показаниях, что «организация в Петербурге не имела никакого правильного устройства» и революционное общество предполагалось «составить впоследствии, когда характеры лиц и их склонности окончательно выяснятся, так как в последние годы многие из лиц, считавшихся “либералами”, переменили свои убеждения»²⁸. Подавляющее большинство своих знакомых он не назвал, что позволило им остаться на свободе, без подозрений и без надзора властей. Когда под давлением следствия он написал признание в своей принадлежности к тайному обществу и получил от допрашивавшего его капитана вопрос о составе этого общества, он изорвал написанные им показания и попытался их проглотить. Караульные, применив насилие, заставили Худякова выплюнуть бумагу, но после этого случая вплоть до конца следствия осужденный более ни в чем не сознался²⁹.

Москвичи, в отличие от Худякова, были гораздо более открытвенны как на следствии, так и до покушения Каракозова. Не будучи столь наивным, Худяков просил Ишутина не знакомить его с другими участниками московского подполья; тем не менее, Ишутин присылал в Петербург, как писал Худяков, «одного за другим Никифорова, Федосеева, Моткова, Страндена»³⁰. Неудивительно, что столь наивное отношение Ишутина к конспиративной деятельности привело к тому, что замыслы ишутинцев были известны, быть может, десяткам людей, а их сговор во время следствия не имел бы смысла, поскольку свидетельства о людях, фактах и даже конкретных фразах легко могли быть получены властями путем перекрестных допросов, очных ставок и т. д. В итоге после каракозовского дела московское революционное общество опустело и затихло.

«Вообще в настоящее время нельзя, мне кажется, найти отраду в обществе людей, — люди какие-то угрюмые стали, даже люди развитые, образованные, когда сходятся, то не находят, о чем говорить, а оканчивают вечер тем, что выпивают приличное количество водки и расходятся. Потом между людьми положительно нет никакой солидарности...»³¹, — такими словами общественную

ситуацию в Москве в середине 1867 г. описывала М.А. Моткова, привлеченная к следствию по каракозовскому делу в июне 1866 г. из-за участия в швейной мастерской сестер Ивановых, связанной с иштутинским кружком³². В письмах Мотковой к Гернету, жившему в 1867 г. в ссылке в г. Тотьме Вологодской губернии, можно увидеть непреодолимое желание адресанта уехать из Москвы в Петербург, чего она к тому же не могла долгое время сделать по причине невыдачи паспорта.

«Я теперь ужасная стала затворница, ни к кому не хожу, и ко мне также никто не ходит, да и люди-то остались какие-то странные, вот хоть, например, Вознесенский (слушатель Петровской академии А.В. Вознесенский, подсудимый на каракозовском процессе, был оправдан и находился под негласным полицейским надзором³³. – В.К.) – это такой чудной стал, что просто ужас. Я когда с ним встречаюсь, то положительно не нахожу, что с ним говорить, его, как кажется, очень уж напугали»³⁴, – писала Моткова Гернету. «Выпущенные» господа, по её словам, «живут в Питере» (без сомнений, это именно сморгонцы), и они «дали слово моему брату не покидать меня и дать мне средства заниматься науками»³⁵. Вероятно, обязательство помощи Мотковой, как и нежелание порывать старые связи в целом, могло быть реализовано с бóльшим успехом в условиях петербургской общественной атмосферы, даже во время «белого террора» остававшейся относительно комфортной и привлекательной для революционно настроенной молодежи.

Состав «Сморгонской академии»

«Сморгонскую академию» можно назвать коммуной, тайным обществом или кружком, поскольку она одновременно была и тем, и другим, и третьим. Места жительства петербургской **коммуны** сморгонцев была перечислены ранее, а в её состав входили те, кто непосредственно жил в снимаемой сморгонцами квартире. Сама коммуна как форма совместного проживания не несла в себе политической цели, причиной её создания были в первую очередь материальные обстоятельства. Тем не менее, можно выдвинуть предположение, что все известные в источниках жители коммуны одновременно могут считаться членами тайного общества «Сморгонская академия», поскольку о большинстве из них

сохранились сведения касательно той или иной формы подпольной, революционной, антиправительственной деятельности.

«Сморгонская академия» как *тайное общество* включала также лиц, не живших в коммуне. Термин «тайное общество» представляется более удачным в сравнении с «организацией» или «тайной организацией», как называл «Сморгонь» Козьмин³⁶. Во-первых, словосочетание «тайное общество» было гораздо более употребительным у современников. Именно так называли себя ишутинцы – «общество» или «тайное общество»³⁷. В статье о тайных обществах энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона словосочетание «тайная организация» в качестве синонима употребляется лишь один раз³⁸. Во-вторых, более «серьезное» название – «организация» – наделяет объект исследования и более «серьезным» содержанием. Однако «Сморгонская академия» по своему организационному уровню больше напоминает предшествующие ей тайные общества дореформенной России, нежели организации и партии последней трети XIX – начала XX вв. Как можно судить на основании имеющихся источников, сморгонцы не писали программных документов и прокламаций, не создавали в своем обществе иерархическую структуру, а права и обязанности членов, как и ответственность за выполнение назначенных поручений, были фактически не определены. Современный исследователь В.М. Бокова, проанализировав историю русских тайных обществ первой трети XIX в., пришла к выводу, что в то время модель тайной политической организации была создана лишь теоретически. «На практике тайное общество не имело собственных, только ему присущих формальных особенностей, то есть было эклектично; личные связи в нем преобладали над организационными, и при этом в нем обнаруживалось очевидное тяготение к камерной кружковой деятельности», – пишет историк³⁹. Этот вывод, пожалуй, применим и к подполью эпохи шестидеся-

Деятельность «Сморгони» в Петербурге была ограничена лишь организацией литературных и музыкальных вечеров, общением и поиском новых единомышленников – одним словом, всем тем, что позволяет называть «Сморгонскую академию» *кружком*. Возможно, имело бы смысл разделить тайное общество как ядро, охватывающее лиц, предпринимавших конспиративные действия, и кружок как периферию, включавшую в себя и других участников, не игравших роли в подпольной работе и лишь посещавших собрания и вечера. Но в случае со «Сморгонской академией» эту

границу провести трудно как потому, что установить степень вовлеченности каждого сморгонца в деятельность общества невозможно, так и потому, что подобная граница, скорее всего, не проводилась и современниками. Тайное общество и кружок переплелись между собой, и потому эти названия употребляются в книге как синонимы.

Название «Сморгонской академии» связано с небольшим местечком Сморгоны Ошмянского уезда Виленской губернии (ныне это г. Сморгонь Гродненской области Белоруссии), издавна известным своей школой дрессировки медведей. По преданиям, один из князей Радзивиллов, владевший местной землей, организовал здесь зверинец из пойманных в лесах медведей. Маленьких медвежат приучали вставать на задние лапы и переминаться с одной лапы на другую под звуки бубна. Медвежью школу прозвали «Сморгонской академией». Большинство обученных зверей попадали к цыганским поводырям, которые водили медведей по ярмаркам, как в России, так и в немецких землях. Память о «сморгонских бурсаках» сохранилась до середины XIX в., хотя тогда, как писал этнограф и публицист С.В. Максимов, ни «академии», ни цыган-поводырей уже не было⁴⁰.

Максимов, кстати, общался с петербургскими шестидесятниками, а его книга «Год на Севере» пользовалась популярностью в их среде⁴¹. Не его ли рассказы навели известного уже тогда публициста и революционера П.Н. Ткачева на мысль сравнить знакомый кружок со «Сморгонской академией»?.. Этого нам, к сожалению, неизвестно, но сморгонцы, оценив авторитетное мнение, «гордились этой кличкой»⁴². По словам Воскресенского, что-то сходное с медведями можно было найти в «туалете и манерах наших», а Сергиевский впоследствии говорил, что слово «Сморгонь» ассоциируется у него с неряшеством или с человеком со странностями, которого «какой-нибудь остряк» мог бы называть сморгонцем⁴³. Вряд ли это название, активно употребляемое участниками коммуны, воспринималось как окончательно закрепленное, «официальное». Здесь уместна аналогия с ишутинской «Организацией», название которой стало «официальным» лишь в следственных материалах. Также и сморгонцы стали таковыми в воспоминаниях ряда современников и затем в исторических документах. Сергиевский, скажем, в показаниях 1870 г. утверждал, что он и его товарищи таким именем не назывались, хотя признавался, что слово «сморгония» (sic!) он «в первый раз услышал в Петербурге, кажется, еще вскоре по выходе из крепости»⁴⁴.

Постараемся перечислить состав тайного общества. Наиболее активную роль в нем играли имевшие небольшой опыт участия в революционном подполье каракозовцы:

1. **Дмитрий Алексеевич Воскресенский** (р. ок. 1843). Жил в коммуне с момента основания и, вероятно, до самороспуска кружка. С марта по ноябрь 1868 г. отсутствовал в Петербурге, служа, как он утверждал, приказчиком по найму рабочих для предприятий нефтепромышленника А.Н. Новосильцева. В это время Воскресенский посетил ряд городов (Витебск, Смоленск, Могилев, Киев, Одессу, Севастополь, Ялту и др.), после чего вновь возвратился в столицу⁴⁵. Возможно, целью поездки была какая-то подпольная деятельность Воскресенского, о чем будет рассказано чуть позже. В 1869 г. он служил в департаменте неокладных сборов министерства финансов⁴⁶. Воскресенский занимал центральное место в кружке: его именем названа «Сморгонская академия» в письме эмигранта Элпидина («Вос. и его К^о»)⁴⁷, он же отправил в провинцию двух сморгонцев для организации побега Чернышевского, он же, как можно судить по воспоминаниям Гольденберга, занимался организацией литературных вечеров⁴⁸, и т. д.

Согласно показаниям Сергиевского, «тотчас после» своего освобождения в январе 1867 г. он отправился на квартиру, где уже жили Воскресенский и другие освобожденные каракозовцы, а адрес квартиры был ему оставлен в канцелярии Петропавловской крепости⁴⁹. Как можно заметить, Воскресенский не терял времени после выхода на свободу (а он вышел раньше остальных, 20 ноября 1866 г.⁵⁰) — возможно, именно от него исходила инициатива создания коммуны. Несмотря на то, что впоследствии Воскресенский покинул революционное движение, он как нельзя лучше подходил для роли организатора небольшого и тихого подпольного кружка. (Подчеркнем, что это не говорит о его единоличном руководстве; скорее всего, четкой иерархии и дисциплины в «Сморгонской академии» не было.) Если проанализировать его показания, данные в разные годы по разным политическим делам, то нельзя не заметить хорошую продуманность его слов, подробных и одновременно отводящих подозрение в сторону. Так, во время каракозовского процесса Воскресенский, в отличие от других подсудимых, произнес длинную речь, рассказав о своем происхождении, попытках поступить в высшие учебные заведения и знакомстве с ишутинским обществом, что производило впечатление полного и искреннего рассказа⁵¹. Но, скажем, имя Христофорова в этой речи даже не было упомянуто, как будто и

не было его влияния на формирование политических воззрений Воскресенского.

2. Варлаам Николаевич Черкезов (1846–1925). Какое-то время он жил в коммуне, однако в полицейских документах октября 1868 г. фигурирует другой адрес Черкезова, не связанный со сморгонцами⁵². Возможно, к этому времени Черкезов был настроен на более радикальную революционную деятельность, и потому покинул коммуну, а вскоре и столицу. Показателен тот факт, что 27 декабря 1868 г. он отметился в канцелярии петербургского обер-полицмейстера как уехавший в Тифлисскую губернию, а в реальности же обосновался в Москве⁵³, где уже разрасталось студенческое движение, а впоследствии имело место нечаевское дело.

Черкезов, как и Воскресенский, был центральной фигурой в «Сморгонской академии», что подтверждается его широким кругом знакомств и сопутствующей этим контактам деятельностью. О Черкезове как близком знакомом в 1868 г. упоминали многие лица, допрашиваемые полицией по подозрению в подпольной деятельности, что позволяет говорить о некой связующей роли Черкезова между сморгонцами и другими столичными кружками и группами. Вероятно, он искал возможных соратников в идейно близкой молодежной среде Петербурга. Именно так, в «славянской кухмистерской» (т. е. организованной южнославянскими общинами), он познакомился с оставшковским мещанином Бочкаревым и предложил ему отправиться за границу, чтобы наладить контакты с русскими эмигрантами в Швейцарии. Через Бочкарева Черкезов познакомился с сербами Марковичем и Груичем, в будущем известными сербскими деятелями.

Приведем еще один интересный пример контактов Черкезова с петербургской молодежью. В начале 1867 г. студент университета грузинского происхождения Н.Д. Кипиани пытался вместе с товарищами организовать кассу взаимопомощи для студентов с Кавказа⁵⁴. Познакомившись через земляков с Черкезовым, он предложил ему вступить в эту кассу, но последний, посетив два собрания, затем в этом предприятии не участвовал⁵⁵. Тем не менее, он продолжил общение и даже писал Кипиани, что, по его мнению, в молодежи скоро «явится готовность делать дело и решимость идти в огонь, когда раздастся голос, когда найдется человек, который бы вел их»⁵⁶. Неясно, воспринял ли Кипиани эти слова как революционную пропаганду или же понимал под «делом» лишь попытки добиться разрешения создания кассы, но

очевидно, что Черкезов пытался узнать Кипиани ближе, понять, насколько революционным является его настрой. Взгляды Кипиани действительно могли бы в дальнейшем развиваться в этом направлении: осенью 1868 г. полиция обнаружила у него фотографии «государственных преступников», выписки из «Колокола» и произведений Чернышевского, а также конверт с записанным на нем текстом в виде «загадок», где среди прочих были и такие: «Кто всегда людей вешает – царь»; «Где всегда хорошие люди – в Сибири» и т. п. Как выяснилось, этот текст был написан 12-летним мальчиком из крестьянского сословия Андреем Кондратьевым, который в 1866 г. обучался грамоте у Худякова и переписал себе эти «загадки» из его бумаг⁵⁷. Знал ли Кипиани о «Сморгонской академии» и её деятельности? Если и знал, то вряд ли участвовал. Примерно в первой половине 1868 г.⁵⁸ отношения между Кипиани и Черкезовым охладели, а сам Кипиани во время студенческих волнений 1869 г. был близок к студенту С.В. Езерскому, лидеру «умеренной партии» студентов, отчего он вряд ли был заинтересован в сотрудничестве с революционным подпольем⁵⁹.

3. Алексей Егорович Сергиевский (р. 1846). Давний знакомый Воскресенского по семинарии, Сергиевский, как уже упоминалось выше, около года служил в департаменте таможенных сборов, и, выйдя в отставку весной 1868 г., 3 мая уехал на родину, в Саратовскую губернию⁶⁰. Напомним, что в апреле 1866 г., вскоре после выстрела Каракозова, Сергиевский, не проявляя желания отправиться «в народ» для сбора статистических сведений, уехал в Самарскую губернию для сдачи экзамена и преподавания генеральскому сыну. В 1868 г., оказавшись дома, он, по собственному утверждению, дал родителям «клятвенное обещание не возвращаться никогда в Петербург» (подразумевая под этим, вероятно, порвать связь не столько со столицей, сколько со своими товарищами, которые довели его до суда и тюрьмы)⁶¹. Вскоре, в конце июня – начале июля 1868 г. Сергиевский уехал в Одессу, а в 1870 г. покинул и этот город. Этот «кочующий» образ жизни контрастирует с утверждением управляющего III отделения, согласно которому Сергиевский был «самым способным из членов общества “Сморгонь”», «руководил действиями» и «распоряжался общественными суммами» кружка⁶². Сергиевский не мог долгое время жить в одном месте и, судя по всему, стремился при угрозе своего ареста уехать в другую губернию, но при этом не скрываться от властей, чтобы не навлечь на себя лишних подоз-

рений. Возможно также, что он не смог найти постоянного места жительства и работы, а возможно, часто сомневался в сделанном выборе. Такая личность вряд ли была «самым способным» из сморгонцев, тем более что с весны 1868 г. Сергиевского в Петербурге не было.

4. Об участии **Аполлона Петровича Полумордвинова** (1845 – ок. 1874) в «Сморгонской академии» известно мало. Его имя среди жильцов коммуны упоминается в показаниях свидетелей лишь несколько раз⁶³, безо всяких подробностей, однако даже этого достаточно, чтобы понять, что Полумордвинов прожил в коммуне достаточно долгое время. Должно быть, его обособленность от остальных земляков, проявившаяся еще в московские времена, не способствовала активному участию в обществе, а впоследствии он и вовсе был сослан в Вятскую губернию. Эта обособленность была скорее личностной, нежели политической или социально-психологической: так, в Вятской губернии он женился на дочери местного купца А.К. Платуновой, которая имела родственное отношение к семье Чарушиных (из Вятской губернии был родом известный народник Н.А. Чарушин); некоторые факты говорят о том, что супруга Полумордвинова в 1870-е гг. общалась с сосланным на Вятку учителем В.И. Обреимовым, его гражданской женой Г.И. Тетюшиновой и книгоиздателем Ф.Ф. Павленковым – все эти лица в разное время привлекались к следствию по политическим делам⁶⁴. (Любопытно, не могли ли Полумордвинов и Павленков познакомиться еще в Петербурге, где последний в 1866–1868 гг. содержал книжный магазин и близко общался с Д.И. Писаревым?)

5. Также в 1867 г. был выслан из Петербурга **Василий Иванович Соболев** (р. 1844). Его непродолжительное пребывание в коммуне отложилось в памяти у Свешникова, единственного из современников, запомнивших членство Соболева в «Сморгонии»⁶⁵. В дальнейшем Соболев проживал в Новоторжском уезде Тверской губернии, служа письмоводителем у мирового судьи Кишенского⁶⁶. Неизвестно, был ли обусловлен выбор этого места проживания тем, что в Торжке в это же время находился Борисов. В дальнейшем след Соболева в истории теряется.

6. **Василий Иванович Кунтушев** (ок. 1846–1878) принимал участие в попытке освобождения Чернышевского, а впоследствии оказался привлечен к еще более интересному «Елизаветградскому делу», и потому его биография будет более подробно разобрана в связи с этими сюжетами. Отметим лишь, что пребывание

Кунтушева в Петербурге было недолгим: по сведениям петербургского обер-полицмейстера, всего лишь с 4 ноября 1867 г. по 28 января 1868 г.; по словам самого Кунтушева, он приехал в Петербург несколько раньше, в конце августа – начале сентября 1867 г.⁶⁷ Тем не менее, факт добровольного участия в попытке освобождения Чернышевского позволяет включить Кунтушева в состав тайного общества.

7. **Николай Никитич Катин-Ярцев** (1847–1892), дворянин, сын канцелярского писца из г. Балашова Саратовской губернии, учился в саратовской гимназии. Из гимназии его исключили в 1862 г. в связи с тем, что он ударил директора «за притеснения, сделанные ему» (так рассказывал об этой истории Борисов)⁶⁸. Сдав экстерном гимназический экзамен, Катин-Ярцев в 1865 г. поступил на физико-математический факультет Казанского университета. Оттуда он перевелся в Петровскую академию, а осенью 1867 г. уехал в Петербург, став впоследствии студентом Медико-хирургической академии⁶⁹. Возможно, на решение переехать в Петербург повлиял факт создания «Сморгонской академии», к чьей коммуне Катин-Ярцев и присоединился⁷⁰. В виду его участия в попытке освобождения Чернышевского и студенческих волнениях 1868–1869 гг. можно говорить о его активной деятельности в тайном обществе.

8. **Евграф Дмитриевич Жигмановский** (р. ок. 1847) часто упоминается как один из жильцов квартиры сморгонцев. Будучи родом из г. Новочеркасска (областного центра Донского казачьего войска), Жигмановский учился в саратовской семинарии, где он познакомился с Воскресенским. Нет данных, позволяющих говорить о его причастности к кружку Христофорова. Став студентом Петербургского университета, Жигмановский, по свидетельству Воскресенского, заводил много знакомств в петербургском обществе. Позже он принимал участие в студенческих беспорядках⁷¹.

9. К сморгонцам также относился студент Медико-хирургической академии, уроженец Саратовской губернии и бывший семинарист **Дмитрий Волков**, также участвовавший в студенческом движении⁷². Подробных сведений о нем не сохранилось.

Что касается следующих жильцов коммуны, то их участие в деятельности тайного общества подтверждается лишь тем, что они жили в одной коммуне, а значит, не могли не знать о революционном характере «Сморгоны». Скорее всего, они так или иначе принимали участие в вечерах и дискуссиях, проводимых кружком, но в более серьезных конспирациях не участвовали.

1. Саратовский мещанин **Петр Андреевич Николаев** (р. ок. 1848) входил в упомянутую в прошлой главе группу местных гимназистов, знакомых с Христофоровым. Единственный из всех молодых членов кружка Христофорова, Николаев был привлечен к следствию за помощь в организации столярной артели и находился под негласным полицейским надзором в Саратове. Вместе с Кунтушевым осенью 1867 г. он приехал в Петербург и вскоре поселился со сморгонцами, где жил с 10 ноября 1867 г. по 27 января 1868 г. После этого он уехал в Осташков и вернулся в Петербург 19 августа 1868 г., поступив в Медико-хирургическую академию. Возможно, весной или летом 1868 г. Николаев также успел побывать в Херсонской губернии – согласно показаниям Катин-Ярцева, данным в 1870 г. саратовским властям, Николаев в 1869 г. рассказывал ему, что «имел хороший урок рублей в 500 в Херсонской губернии»⁷³. Скорее всего, в сморгонской коммуне в свой второй приезд в столицу Николаев уже не жил – в конце 1869 г. он числился в столице по другому адресу. В студенческом движении он не участвовал и впоследствии работал врачом в Саратове⁷⁴. Как представляется, несмотря на свое революционное прошлое, Николаев предпочел иной жизненный путь.

2. Студент Петербургского университета **Платон Иванович Росницкий**, бывший саратовский семинарист, также не участвовавший ни в студенческом, ни в каком-либо другом общественном движении того времени. Росницкий, как и Николаев, к концу 1869 г. уже не был участником сморгонской коммуны⁷⁵.

3. **Федор Михайлович Щербатов** (р. ок. 1847), из семьи вольноотпущенного крестьянина Орловской губернии, жил в Петербурге с 4 ноября по 22 декабря 1867 г., после чего отметился выбывшим в Тверь. Определенных занятий в столице не имел и жил деньгами, присылаемыми ему от родителей⁷⁶. Неизвестно, что связывало его со сморгонцами, а также участвовал ли он когда-либо в иных молодежных кружках.

4. Личность писателя **Михаила Ивановича Орфанова** (1848–1884) из столичной дворянской семьи начальника отделения военно-медицинского департамента, чья сестра была замужем за А.С. Сувориным, выбивается из ряда сморгонцев своим дворянским, а не разночинским происхождением. В литературе утвердилось мнение, что молодой Орфанов в 1865–1866 гг. сблизился с революционным сообществом и, собственно, по этой причине оказался привлечен к каракозовскому делу⁷⁷; автор биографической статьи об Орфанове В.М. Физиков даже писал о каких-то

неясных и нечетких упоминаниях в источниках об участии будущего писателя в кружках этого времени⁷⁸. Вероятнее всего, в этих случаях имела место путаница фамилии Орфанова с фамилией братьев Алексея и Александра Орфано, известных по делу эмигранта Кельсиева 1862 г. и связанных с ишутинцами организаций фабрики на артельных началах в Московской губернии – эту ошибку допускали даже составители следственных документов⁷⁹. Наконец, простая словарная формулировка о причастности к каракозовскому делу лишь уводит исследователей от реального представления о том, как именно Орфанов стал участником революционной коммуны в Петербурге.

В 1865 г. семья Орфановых переехала из Ставропольской губернии в столицу, где Орфанов познакомился с бывшим студентом В.С. Мамышевым, участвовавшим в 1861 г. в студенческих волнениях. Более ни в чем предосудительном Мамышев замечен не был, в Петербурге он занимался преподаванием и хотел держать кандидатский экзамен. С этой целью он собирался поехать в Москву, и отец Орфанова, хорошо знакомый с Мамышевым, отправил сына, собиравшегося поступать в Московский университет, вместе с ним. Орфанов и Мамышев прибыли в Москву 11 апреля 1866 г., и вскоре к ним на квартиру переехал давний знакомый Мамышева А.В. Белевич-Станкевич⁸⁰.

29 апреля 1866 г. графу Муравьеву пришел анонимный донос с сообщением, что Мамышев причастен к делу 4 апреля⁸¹. Вскоре последовал еще один донос, автор которого советовал следствию спросить Мамышева, «зачем он ездил в Петербург, когда ему запрещено было от полиции туда ездить»⁸², что, как нетрудно заметить, было странным обвинением – Мамышев, не нарушая никаких запретов, постоянно жил в столице и лишь в начале апреля приехал в Москву. Тем не менее, и он, и его соседи были арестованы. Московский обер-полицмейстер генерал-майор Арапов установил, что «все эти лица ведут образ жизни довольно скромный» и что «особых посетителей у них не заметно»⁸³. В итоге Орфанов был выслан в Петербург под надзор полиции⁸⁴. Единственный факт, подтверждающий связь Мамышева с петербургским революционным сообществом – это найденная следствием записка Л.Е. Коведяевой, будущей участницы «Сморгонской академии», с адресом книжного магазина журнала «Русское слово»⁸⁵. Однако это говорит лишь о возможности знакомства товарища Мамышева Орфанова с Коведяевой (а значит, и с подпольными кружками столицы), но совершенно не доказывает наличие у него каких-либо революционных мотивов.

Должно быть, арест и высылка, не позволившие Орфанову поступить в Московский университет, надломили его психику. По сведениям петербургского обер-полицмейстера, в 1867 г. Орфанов «занятий никаких не имел и предавался пьянству»⁸⁶. Пристрастие к алкоголю преследовало Орфанова всю оставшуюся и, возможно, по этой причине короткую жизнь⁸⁷. Он стал общаться с подпольной средой Петербурга, но, как и в случае с писателем Свешниковым, это тесное общение нельзя рассматривать как свидетельство соучастия. Воскресенский показывал, что именно Орфанов познакомил его (и, следовательно, «Сморгонь») с Коведяевой⁸⁸. Сергиевский вспоминал о неплохих отношениях Орфанова и Н.П. Гончарова (о нем чуть ниже)⁸⁹; последний мог стать членом «Сморгони» также через Орфанова. В конце 1867 г., когда сморгонская коммуна располагалась в квартире на Средней Мещанской улице, Орфанов недолгое время в ней жил⁹⁰.

Вместе с вышеперечисленными лицами участниками тайного общества «Сморгонская академия» были люди, не жившие в коммуне:

1, 2. Поручик гвардейской конной артиллерии **Иван Иванович Бобарыков** (р. 1844) и его жена **Юлия Валентиновна** (р. 1844). Полиция, впрочем, считала, что они «не были членами общества, но оказывали ему поддержку»⁹¹, отмечая частое посещение Бобарыковым вечеров, устраиваемых сморгонцами⁹². Как уже было сказано, неясно, как выделить критерии принадлежности к обществу, на каком основании можно считать, что близкое общение и частое участие в вечерах не предполагало обсуждения тех или иных революционных идей, тем более что среди адресатов Бобарыковой в 1867 г. был эмигрант Н.А. Вормс, в прошлом сотрудник «Русского слова», «Дела» и других изданий, связанный с революционным подпольем прошлых лет⁹³. (Интересен текст письма Вормса к Бобарыковой, написанного в октябре 1867 г. и найденного полицией при обыске в Петербурге: «Я помню, вы хотели иметь часики женевской работы. Несмотря на то, что я теперь вне Ж[еневы], я и в настоящее время могу быть полезен вам, так как очень хорошо знаю искусство, добросовестность жен[евских] часовщиков и стоимость вещей. Кроме того, я имею между тамошними работниками знакомых, так что, в случае нужды, вы можете писать по исходящему адресу»⁹⁴. Любопытно, не было ли в этих строчках завуалировано предложение связаться с женевской колонией русских эмигрантов?..) В дальнейшем Бобарыкова по приглашению Черкезова принимала уча-

стие в нечаевской авантюре⁹⁵. Наконец, само III отделение считало, что именно после ареста Бобарыковых «Сморгонская академия» окончательно прекратила свое существование⁹⁶. Таким образом, их роль в деятельности тайного общества была достаточно важной.

Свешников характеризовал Бобарыкова как «хлебосола и либерала», под последним определением подразумевая, скорее всего, свободомыслие молодого офицера. Поясняя же первую упомянутую им черту, писатель вспоминал, что «...к Бобарыкову можно было ходить попить и поесть. Вкусные и сытные его обеды всегда были приправляемы водкой, пивом и другими винами, а к чаю и кофе непременно ставились закуски...»⁹⁷ Широкий круг общения и интерес к революционному сообществу сделали Бобарыкова авторитетным среди петербургской молодежи. Так, во время нечаевского процесса он, не будучи подсудимым, ежедневно приходил на судебные заседания, и его свободная манера общения с сочувствующей нечаевцам публикой убедила наблюдавшего за ним агента III отделения, что «он, кажется, вожак этой компании»⁹⁸. В другом агентурном донесении о нечаевском процессе рассказывается, как судебный пристав Постников впускал в зал лиц, на которых ему указывал Бобарыков, «распоряжающийся в судебной палате, как дома»⁹⁹.

3. Любовь Егоровна Коведяева (р. 1846) из семьи вдовца, служившего на таможне надворного советника Е.Н. Коведяева, была давно знакома с петербургским подпольем. Еще в 1864 г. 17-летняя воспитанница Васильевской женской гимназии, узнав о приговоре Чернышевского к каторжным работам, написала письмо к императору с просьбой «...оказать правосудие Николаю Львовичу (sic!) Чернышевскому. <...> Если уж необходимо кого-нибудь сослать, сошлите лучше меня, а оставьте человека, который своим умом может принести огромную пользу обществу», — писала молодая девушка. Выяснив, что никаких личных связей между Коведяевой и Чернышевским нет, III отделение потеряло к ней интерес¹⁰⁰. Фамилию Коведяевой можно найти в списке членов «Издательской артели», составленном в 1865 г.¹⁰¹, что говорит о её знакомстве с петербургским революционным сообществом. Возможно, уже тогда Коведяева поддерживала отношения с писателем-шестидесятником В.А. Слепцовым: в литературе высказывалось предположение, что она могла посещать научно-популярные лекции для женщин, читаемые им в это время¹⁰².

Напомним, что у знакомого Орфанова Мамышева была найдена записка Коведяевой с адресом магазина «Русское слово»¹⁰³.

Возможно, общий интерес к современной литературе и публицистике свел Коведяеву и Орфанова, а тот познакомил её с обосновавшимися в Петербурге сморгонцами. Коведяева часто посещала коммуны и, как писал Свешников, фактически жила там, «спав вповалку» с остальными¹⁰⁴. Оказавшись под следствием по нечаевскому делу, Коведяева признавалась в принадлежности к обществу сморгонцев¹⁰⁵.

4. Отметим, что в доме надворного советника Коведяева часто гостила молодежь¹⁰⁶. Неизвестно, какие политические убеждения разделял сам Коведяев; возможно, он просто давал свободу своим детям формировать собственные убеждения, и не только его дочь Любовь оказалась вовлечена в революционное движение. Воскресенский упоминал, что через Коведяеву он познакомился с её братом¹⁰⁷. В семье Коведяевых было два брата: Егор Егорович (р. ок. 1847) и **Дмитрий Егорович** (р. ок. 1850).

Первый из них, служивший кассиром в магазине «Русская книжная торговля», должно быть, имел какое-то представление о деятельности сестры и «Сморгонской академии». В 1868 г. полиция обнаружила у его знакомого Я.О. Попова тетрадь с выписками из дела Чернышевского, написанными его рукой. В связи с этим Коведяев был арестован и посажен в Петропавловскую крепость. Он объяснил, что записал подробности дела Чернышевского «как вещь интересную», но не более. В следственных показаниях среди своих знакомых Коведяев указал Бобарыкова: в списке он значился четвертым по счету из двадцати с лишним человек – следовательно, можно говорить об их близком знакомстве¹⁰⁸. Коведяев был вскоре освобожден с учреждением за ним строгого секретного надзора и подпиской, что «впредь ни в каких противозаконных действиях и сношениях» он участвовать не будет¹⁰⁹. В 1875 г., рассматривая его просьбу о получении заграничного паспорта, III отделение не нашло препятствий для её удовлетворения, поскольку ни в чем подозрительном он до этого времени замечен не был¹¹⁰. В 1879 г. Коведяева привлекли к дознанию из-за знакомства с Лопатиным, но после непродолжительного арестапустили¹¹¹. Эти факты говорят о том, что Егор Коведяев интересовался революционным сообществом и имел немало знакомых в этой среде, однако его интерес был пассивным.

Скорее всего, Воскресенский говорил о другом брате Коведяевой, Дмитрие. Последний не только знал, но и, возможно, участвовал в деятельности «Сморгонской академии»: Дмитрий

впоследствии был членом «Народной расправы», будучи введен туда Черкезовым, а на его квартире проводились собрания нечаевцев; в ней же он укрывал Черкезова, Нечаева, Бобарыкову и других участников заговора¹¹².

5. Вклад смоленской мещанки **Евдокии Захаровны Козловской** в общественную деятельность «Сморгонской академии» был значительным. Она содержала кухмистерскую в д. 14 по 3-й линии Васильевского острова, в которой проводились вечера с участием сморгонцев¹¹³. Как показывал на следствии Воскресенский, на этих вечерах он «видел народу очень много, но где этот народ теперь и кто он в настоящее время, я не могу узнать»¹¹⁴. Козловская была гражданской женой астраханского купеческого сына Автонома Ивановича Фортакова¹¹⁵. Он и его брат Андрей были связаны с петербургским подпольем, участвовали в деятельности т. н. «спасательного» отряда первой «Земли и воли», который организовывал побеги известных революционеров. Через Автонома велась конспиративная переписка его брата Андрея с их знакомым по астраханской гимназии А.М. Никольским, близким Худякову деятелем подполья; Никольский и Худяков даже какое-то время жили на квартире Автонома Фортакова. Заключение в Петропавловской крепости в связи с каракозовским делом подорвало его здоровье, и вскоре после освобождения он умер от туберкулеза¹¹⁶.

В записке III отделения о деятельности «Сморгонской академии», составленной на основе агентурных донесений, Козловской уделяется некоторое внимание. Согласно записке, сморгонцы «привлекли в свой круг красавицу-нигилистку, известную в то время под именем Фардяковой (настоящая фамилия её Козловская), сообщили ей свою цель и уговорили её открыть в своей квартире вечера, на которые собирались преимущественно студенты». «Выбор Фардяковой, – отмечало III отделение, – оказался весьма удачным: она была хороша собой, умна и неутомимо развратна; тем она привлекала молодежь на свои вечера, которые сделались многолюдными. Многие, не подозревая вовсе, что за этими вечерами скрывается тайное общество, увлекались Фардяковой и давали ей большие деньги, которые она передавала в кассу общества»¹¹⁷.

Учитывая характерную для агентурных донесений путаницу реальных фактов, домыслов и фактических ошибок, которая позволяет не принимать всерьез заявления о царившем в «Сморгони» разврате, отметим, что Козловская играла важную роль в органи-

зации молодежных вечеров. Воскресенский в своих показаниях писал, что коммуны на 7-й линии Васильевского острова среди прочих посещал некий «Козловский без сестры»¹¹⁸; позволим себе предположить, что именно через неизвестного нам брата Козловской сморгонцы познакомились с Евдокией, после чего стали с ней сотрудничать, устраивая вечера в её кухмистерской. Фамилия «Фардякова», как справедливо предположила Виленская, была искаженной версией фамилии мужа Козловской¹¹⁹. Сергиевский под следствием писал, что фамилию «Фардякова» он никогда не слышал¹²⁰. Возможно, что Козловская могла иногда представляться как жена Фортакова, и данный факт в неточном виде дошел до III отделения.

Стоит отметить, что младшая сестра Евдокии Екатерина Захаровна Козловская также могла принимать участие в «Сморгонской академии», но подобное утверждение не является категорическим. Виленская смело предполагала, что Екатерина вместе с сестрой содержала кухмистерскую; это противоречит заявлениям Воскресенского и Сергиевского, упоминавших лишь одну из сестер, Евдокию, как державшую это заведение¹²¹. (Кстати, именно Екатерину Сергиевский называл «молодой, красивой женщиной»; с учетом того, что авторы записки III отделения путали двух сестер, считая то одну, то другую из них владелицей кухмистерской, не могли ли они по ошибке приписать Евдокии привлекательность Екатерины, из чего следовало рассуждение о развратном характере вечеров «Сморгонии»?) По словам Сергиевского, никаких молодежных вечеров на квартире студента Философова, за которого впоследствии вышла замуж Екатерина Козловская, не проводилось. Вскоре молодая пара уехала в Одессу, где поддерживала отношения с Сергиевским, бывшим у них на венчании шафером¹²². По информации Воскресенского, впоследствии Философов жил в Керчи, открыв там библиотеку¹²³.

6. Студент Медико-хирургической академии, впоследствии перешедший на юридический факультет Петербургского университета, **Илья Львович Шраг** (1847–1919) отличался активной гражданской позицией еще во время учебы в Черниговской гимназии, откуда был исключен в 1865 г. за участие в выступлении против насаждавшейся системы доносительства¹²⁴. Этот эпизод из его биографии, а также дальнейшая активная общественная деятельность Шрага, ставшего депутатом I Государственной думы, а после революции – членом Украинской Центральной рады, ставят под сомнение характеристику III отделения: по мнению

авторов упомянутой чуть выше записки, сморгонцы «...вовлекли в свое общество совершенно бесхарактерного, но зажиточного студента Шрага и даже избрали его своим председателем. Это так польстило его самолюбию, что он, зная всю безнравственность Фардяковой, несмотря на это, женился на ней»¹²⁵. Сведений о какой бы то ни было руководящей роли Шрага в кружке в иных источниках нет. Возможно, он пришел в «Сморгонскую академию» в середине – второй половине 1868 г., т. к. Сергиевский, уехавший до этого времени из столицы, писал, что вовсе не слышал этого имени¹²⁶.

7. Близкой знакомой Коведяевой, часто посещавшей сморгонскую коммуну, была некая «нигилистка» **Тимофеева**¹²⁷. Более ничего о ней неизвестно.

8. Одним из наиболее известных участников «Сморгонской академии» можно назвать оставшковского мещанина **Ивана Ивановича Бочкарева** (1842–1915), но о его личности и судьбе будет подробно рассказано далее.

9. Имя ишутинца **Андрея Николаевича Колачевского** (ок. 1848–1888) уже упоминалось в прошлой главе. Колачевский не был подсудимым на каракозовском процессе, поскольку его роль в ишутинском кружке ограничилась участием в ОБВ. Вслед за сморгонцами он перебрался в Петербург в конце 1867 г., поступив в столичный университет¹²⁸. Моткова в письме Гернету причисляла Колачевского, наряду с Воскресенским, Сергиевским и Черкезовым, к «надежным людям»¹²⁹. Как утверждал Кунтушев, именно от Колачевского Воскресенский получал значительные денежные средства; факт займа денег у Колачевского подтверждал и сам Воскресенский¹³⁰. О тесном общении Колачевского со «Сморгонской академией» и финансовой помощи кружку косвенно говорят агентурные данные III отделения, согласно которым Колачевский якобы «в продолжение одного года истратил на Фардякову более 3000 рублей»¹³¹.

Как утверждали впоследствии Воскресенский и Сергиевский, в 1868 г. Воскресенский и Колачевский в течение нескольких месяцев занимались подрядом рабочих на таманском заводе Новосильцева; и хотя Новосильцев, отвечая на запрос следствия, говорил, что Воскресенского он не встречал, факт сотрудничества с Колачевским им подтверждался¹³². Можно также установить, что в марте 1869 г. Сергиевский отправлял Колачевскому по почте какие-то документы, о чем говорила найденная впоследствии у Сергиевского почтовая квитанция¹³³. В конце января 1869 г.

Колачевский устроился на должность помощника присяжного поверенного, продолжая общение со столичной молодежью: например, в декабре 1870 г. студент Земледельческого института родом из Саратовской губернии Г.А. Софинский рассказывал, как в конце 1868 г. познакомился с Колачевским через Жигмановского (упоминание этого факта через два года в контексте показаний Софинского, перечислявшего своих петербургских знакомых, говорит о том, что это знакомство повлекло за собой относительно продолжительное общение)¹³⁴.

10. К кружку сморгонцев принадлежала сестра Колачевского **Анна Николаевна** (р. ок. 1845), в свою бытность в Москве участвовавшая в швейной мастерской сестер Ивановых и в собраниях ОВВ; в июле 1867 г. по постановлению следственной комиссии она была отправлена в Смоленскую губернию, в имение своих родителей. Надзор за ней был снят в октябре 1867 г.¹³⁵ Судя по всему, вскоре она переехала в Петербург, где проживала на Васильевском острове и посещала собрания «Сморгонской академии», как это было установлено полицией¹³⁶.

11. В кружке была и её сестра **Людмила** (р. ок. 1850), также жившая в это время в Петербурге со своим братом, о чем упоминал Софинский, познакомившийся с ней у Колачевского в конце 1868 г. или в начале 1869 г.¹³⁷ Скорее всего, она была на собраниях сморгонцев гораздо реже брата и сестры, т. к. если бы имело место её активное участие, то лица, сообщавшие о визитах в коммуны Анны, заметили бы и Людмилу. Единственным источником, который подтверждает посещение Л. Колачевской мероприятий кружка, являются её собственные подследственные показания, в которых она не только упоминает свое знакомство с Бобарыковыми, семейством Засулич и сморгонцем Волковым (по её утверждению, знакомство с последним было случайным), но и свидетельствует о том, что «раз два» видела писателя Ткачева в кухмистерской Козловской¹³⁸.

12. Во многом схожим с Колачевскими путем попала в «Сморгонь» **Екатерина Ивановна Засулич** (р. ок. 1850), сестра более известной в истории Веры Засулич. Екатерина, как и А. Колачевская, участвовала в московской артельной швейной мастерской, а после каракозовского дела была выслана на родину (напомним, что породнившиеся семейства Засулич и Колачевских из Гжатского уезда Смоленской губернии знали друг друга еще с детства). В декабре 1866 г. она ходатайствовала о разрешении свободного проживания в Москве и, не получив его, всё равно

покинула провинцию. Согласно сведениям III отделения, какое-то время после этого Засулич находилась в Петербурге, посещая собрания «Сморгони». В 1869 г. она вновь оказалась в Москве, оказавшись затем арестованной по нечаевскому делу¹³⁹.

13. Последним человеком, чье участие в «Сморгонской академии» можно установить по источникам, был **Николай Петрович Гончаров** (р. ок. 1850), студент Технологического института дворянского происхождения, из семьи полковника¹⁴⁰. Сергиевский рассказывал, что познакомился с Гончаровым через Орфанова в то время, когда они жили на Средней Мещанской улице (т. е. в конце 1867 г.)¹⁴¹. Об участии Гончарова в собраниях «Сморгонской академии» было известно III отделению¹⁴². К 1870 г., если верить сообщениям агента III отделения, Гончаров среди своих товарищей пользовался «некоторым авторитетом за твердость своих революционных убеждений»¹⁴³. Впрочем, насколько активным участником собраний «Сморгони» был Гончаров, остается лишь догадываться.

О некоторых других лицах, близких сморгонцам (Мотковой, переехавшей в Петербург и жившей на квартире Бобарыковых¹⁴⁴; саратовских семинаристах Софинском и Горизонтове, хорошо знакомых с «саратовцами» еще в первой половине 1860-х гг. и приехавших в 1868 г. в столицу, где они познакомились с Бобарыковыми, Колачевскими¹⁴⁵; и т. д.), известно слишком мало, чтобы предполагать их участие в столичном кружке. Таким образом, можно утверждать, что в тайном обществе «Сморгонская академия» на протяжении двух лет его существования, с начала 1867 г. по начало 1869 г., успели побывать около 25 человек (или несколько больше, если учитывать, что какие-то лица остались неустановленными).

Деятельность в Петербурге

Главным образом деятельность «Сморгони» была сосредоточена в своей собственной социальной среде (студенты, представители столичной, главным образом разночинной, интеллигенции, также военные среднего звена). Эта среда была хорошо знакома и тесно переплетена с петербургским революционным сообществом, а установить его границы не всегда легко: куда, например, отнести участников «Издательской артели», писателей и издателей Рож-

дественского, Елисеева, Жуковского, Черкесова, которые не могли не знать о сомнительных для правительства целях данного объединения, но при этом словом и делом поддерживали существование этой фиктивной артели?.. На это сообщество и ориентировались сморгонцы, организуя литературно-музыкальные вечера.

Идея использования интеллектуального досуга с целью сбора средств и пропаганды была не новой. Обсуждение политической литературы происходило в саратовском кружке Христофорова. В ишутинском обществе и других московских кружках эта мысль также находила воплощение: например, в кружке Спиридова читали французского философа Ренана; на квартире графини Толстой (группа «брюхатовцев», к которой в разное время относились Соболев и Черкезов) молодежь по вечерам исполняла песни на стихи Некрасова и Рылеева; наконец, в конце января 1866 г., вскоре после создания ОВВ, ишутинцы провели литературно-музыкальный вечер, с которого собрали 330 рублей якобы для помощи поступающим в Петровскую академию¹⁴⁶. Для ишутинцев это не было основным направлением деятельности. Возможно, на это повлияли слабая организованность, не позволявшая вести подобные собрания на регулярной основе, личностный фактор (Ишутин стремился играть роль революционного лидера и вряд ли хотел возглавлять и организовывать культурные мероприятия; да и особой популярностью за рамками собственного кружка он не пользовался) и, наконец, большее увлечение чисто политическими обсуждениями и проектами.

Будущий революционер Гольденберг, учившийся в 1867–1869 гг. в Технологическом институте, получил приглашение на один из интеллектуальных вечеров «Сморгонской академии» на первом общероссийском съезде естествоиспытателей и врачей, который был открыт 28 декабря 1867 г. в актовом зале Петербургского университета. Поскольку съезд привлек, как отмечал Гольденберг, внимание увлеченной естественными науками молодежи, сморгонцы или близкие им люди воспользовались этой возможностью для поиска новой аудитории. Нелегальное собрание проходило в здании бывшей школы писателя А.К. Шеллера (А. Михайлова). Как можно заметить, сморгонцы проводили свои вечера не только в кухмистерской Козловской, что показывает их достаточно обширные знакомства в петербургской общественной среде.

«В этот вечер читал доклад Писарев, а затем некий Крылов (возможно, что это был псевдоним) довольно хорошо читал свой

собственный слабый рассказ, описывавший несчастное положение России того времени и беспощадно критиковавший учреждения страны и её властителей. Здесь я познакомился с некоторыми бывшими каракозовцами, с несколькими молодыми писателями и с принадлежавшими к их кружку женщинами», — вспоминал Гольденберг. После этого его пригласили посетить сморгонскую коммуну, собрания в которой проходили 1–2 раза в месяц¹⁴⁷.

Интересное свидетельство о «Сморгонской академии» оставил писатель, букинист и бродячий книготорговец Свешников. Среди его знакомых были поэт-юморист Ф.А. Орлов (не путайте с другом Нечаева В.Ф. Орловым), печатавшийся в «Будильнике», «Русском слове» и других журналах, и некий «постоянно плакавший или смеявшийся» еврейский юноша В. Шведвенгер, у тетки которого часто гостили известный критик В.В. Чуйко, писатель Г.И. Успенский и другие видные общественные фигуры¹⁴⁸. Через Васю Шведвенгера Свешников познакомился и со сморгонцами, у которых они периодически бывали в гостях. Описание Свешниковым быта «Сморгонской академии», занимавшей маленькую комнатку, где «спали вповалку» вчерашние каракозовцы и гостившие у них «нигилистки» Коведяева и Тимофеева, столь живописно, что стоит привести его полностью:

«Помню, как однажды, придя к ним и не застав никого дома, я взял лежавший над дверью ключ и вошел в квартиру. Я зажег свечку и хотел почитать; но, подойдя к столу, увидел такую массу грязи, что мне, хотя и не привыкшему к комфорту и порядку, и то показалось чересчур неприятно. На середине стола, на подносе, наполненном золою и угольями, стоял буквально черный самовар, около него блюдечки и стаканы с набросанными в них окурками, а весь стол был покрыт какой-то сальной грязью, тут же лежало на бумаге чухонское масло, рассыпанная четвертка табаку и куски хлеба, и всё это было покрыто пылью. На диванах, на стульях, на полу разбросаны были разные вещи и книги, а в кухне весь пол был усыпан угольями.

“Вот, — говорил я сам себе, — все они твердят о необходимости служить друг другу, работать, а как *нет у них старшего* (выделение мое; обратите внимание на отсутствие иерархии в кружке. — В.К.), некому и заставить поработать, так и свою квартиру никто не хочет убирать”, — и, от нечего делать, я принялся за чистку и, проработав полчаса, намел целый угол мусора. Но впоследствии им и самим надоела эта грязь, и они сняли себе две меблированные комнаты в 7-ой линии Васильевского острова»¹⁴⁹.

Свешников также описал вечера, происходившие в кухмистерской Козловской по 3-й линии, куда его приятель Шведвенгер устроился служителем. На этих вечерах пели, танцевали, читали стихи и другие произведения (так, Кунтушев в показаниях упоминал чтения Чернышевского¹⁵⁰) и, наконец, говорили речи «...о свободе, равенстве и братстве; но речи так и оставались речами, – отмечал Свешников, – а для большинства привлекательнее всего был буфет, где в изобилии находились простая водка, пиво и закуски»¹⁵¹. Это примечание крайне важно, чтобы не преувеличивать степень революционности и радикализма участников этих собраний. Среди посетителей Свешников называл Рождественского, Ткачева, поэта Орлова. За посещение вечера участники вносили в общую кассу по пятьдесят копеек, о чем вспоминали Свешников и Воскресенский¹⁵².

Студент Института инженеров путей сообщений серб Маркович, будущий революционер, о чьей близости к «Сморгонской академии» будет сказано и далее, в 1868 г. стал зарубежным корреспондентом газеты «Србия» («Сербия»). В одном из апрельских номеров этой газеты была опубликована заметка Марковича «Литературный вечер» с описанием некоего собрания в Петербурге, проходившего «в большом зале Клуба художника» «в пользу ассоциации, основанной несколькими петербургскими швеями»¹⁵³. Исследователи, сопоставляя общие черты собраний, описанных Марковичем и Гольденбергом, высказывали предположение, что речь может идти об одном и том же событии или, по крайней мере, событиях, исходивших из одной и той же революционной среды¹⁵⁴. В статье Маркович описал посещение вечера петербургскими нигилистами, схожую с вышеприведенными свидетельствами литературно-музыкальную программу, включавшую чтение сатирических стихотворений и доклад Писарева о творчестве Генриха Гейне¹⁵⁵.

Эти скудные мемуарные свидетельства, к сожалению, не позволяют установить все связи изучаемого кружка в петербургском революционном сообществе, а тем более, описать историю развития этих связей. О некоторых других лицах можно немного узнать из архивных материалов. III отделение утверждало, что большую поддержку тайному обществу оказывала артельная типография С.И. Серебrenникова, петербургского студента, эмигрировавшего в 1869 г. Стоит отметить, что типография в это время не использовалась для печати революционной литературы (лишь впоследствии в ней будет напечатана прокламация Ткачева

«К обществу»). С учетом того, что в состав артели входили будущие народники М.П. Сажин и С.Ф. Чубаров, а типография в начале 1869 г. была куплена соратницей Ткачева и его будущей женой А.Д. Дементьевой, предположение о связях сморгонцев и Серебренникова выглядит правдоподобным¹⁵⁶.

Выше уже писалось о студенте Петербургского университета Кипиани, знакомом Черкезова. Кипиани общался и даже какое-то время жил на одной квартире с дочерью коллежского асессора Е.А. Солодовниковой, известной властям «нигилисткой», бывшей распорядительницей школы сельских учительниц, закрытой в 1866 г. по распоряжению графа Муравьева¹⁵⁷. Она и её близкий знакомый, а в дальнейшем муж, В.Ф. Суфшинский, имели широкие знакомства в интеллектуальных и революционных кругах. Так, они состояли в переписке с Элпидиным, общались с подполковником Генерального штаба А.Н. Фалецким, впоследствии вращавшимся в эмигрантских кругах в Женеве и привлеченным к делу о пропаганде среди крестьян, студентом Петербургского университета Езерским, впоследствии участником студенческих волнений, будущим литературным критиком А.М. Скабичевским, композитором А.Н. Серовым и его женой и многими другими¹⁵⁸.

Именно у Солодовниковой в 1868 г. полиция нашла письмо Вормса к Бобарыковой, что подтверждает факт её знакомства со «Сморгонской академией». Сама Солодовникова утверждала, что не знает, кто прислал и кому было адресовано это письмо; по её словам, после получения она просто «бросила его в стол»¹⁵⁹. Знакомство с Солодовниковой подтверждали сморгонцы Воскресенский и Черкезов, а Бочкарев, хотя и говорил, что не знаком ни с ней, ни с Суфшинским, признавался, что видел их мельком у общих знакомых¹⁶⁰.

Круг общения (или условно, кружок) Солодовниковой и Суфшинского несколько отличался от кружка «Сморгонской академии». Между ними не было никакой конфронтации – многие друг друга знали, посещая то одни, то другие встречи и вечера. Однако социальная разница между, с одной стороны, чуть более богемной и, с другой стороны, преимущественно разночинской группами ощущалась современниками. В.С. Серова, хорошо знакомая с Солодовниковой и приглашавшая её на «весьма полезные сходки», проходившие дома у четы Серовой, где композитор играл для гостей свою новую оперу «Вражья сила»¹⁶¹, так характеризовала разницу между этими двумя группами:

«В этом кружке (Солодовниковой. – В.К.) пока всё соответствовало моему вкусу; даже та необходимая подкладка литературного образования, которым юная директрисочка (Солодовникова. – В.К.) была снабжена в достаточной мере и которая требовалась от каждого вновь примкнувшего, меня вполне удовлетворяла. Всего правильнее будет обозвать этот род нигилизма “салонным”, так как тут обращалось внимание на некоторое изящество в туалете, в складе речи, в обстановке. <...> “Салонные” нигилисты (белоручки, как их с презрением называли нигилисты-“пролетарии”) были хорошо осведомлены относительно всего происходившего в политике, в театральном, литературном, адвокатском и прочих мирах»¹⁶².

«Пролетарии» же выглядели для Серовой иначе: «Это были “труженицы науки”. Приятно было видеть красивые головки, склоненные над книжкой, с серьезной складкой около бровей, с плотно сжатыми губами. Времени и средств на изящество неоткуда было брать, волей-неволей ходили они бедно и подчас неряшливо одетыми. Эта группа игнорировала искусство и глядела на меня с полным пренебрежением; между тем тут натуры попадались очень симпатичные и весьма интересные»¹⁶³. Неудивительно, что в кругу, близком «Сморгонской академии», был так популярен Писарев с его отрицанием «чистого искусства».

Своеобразное разделение субкультуры нигилистов на два лагеря проявлялось в течение всей эпохи шестидесятников. Например, участник московского кружка «вертепников» второй половины 1850-х гг. Н.А. Северцев («весьма косматый, нечесаный, в одежде, доходившей до неряшества», как его описывал Д.М. Погодин) был частым посетителем литературно-музыкальных вечеров у графини Е.П. Ростопчиной.¹⁶⁴ (Уточним, что посетители салонов Ростопчиной не были нигилистами, но сосуществование и контакты между разночинской и «салонной» интеллигенцией еще во второй половине 1850-х гг. – факт примечательный.) Сам кружок «вертепников» позиционировал себя «красным» и социалистическим, а самоназвание кружка, иронизирующее над «низким» социальным происхождением его участников, удивительным образом перекликается со схожей шуткой в отношении «Сморгонской академии»¹⁶⁵.

Шестидесятница Е.И. Жуковская, участница известной петербургской Знаменской коммуны, характеризовала «салонных» нигилистов как «нигилистов-аристократов, любивших некоторое щегольство и комфорт», а другое сообщество – как «бурых ниги-

листов», «за их неприглядное неряшливое одяние, лохматость и нетерпимость ко всему, что не подходило под начертанные ими рубрики»¹⁶⁶. «Не случись каракозовского выстрела, перемешавшего карты и свалившего в одну общую кучу и нигилистов-аристократов, и бурых нигилистов, – считала Жуковская, – не преминула бы возгореться борьба между этими двумя лагерями»¹⁶⁷. Эпоха «белого террора», вероятно, помешала вниманию к внутренним разногласиям в среде нигилистической молодежи, и та просто пыталась поддерживать культурную и идейную общность путем кружковой деятельности, что мы и увидели на примере контактов «Сморгонской академии» со столичной молодежью. Но кроме этого, сморгонцы вели и иную деятельность, которая позволяет говорить о ней не только как о простой нигилистической коммуне, но и как о революционном тайном обществе.

Замысел освобождения Чернышевского

Личность Н.Г. Чернышевского и сложившийся в сознании многих современников образ революционно настроенного писателя и борца с самодержавным строем в ряде случаев, пожалуй, имели большее значение для революционного сообщества 1860-х гг., чем собственно творческое наследие писателя. По этой причине в Саратове, где не появилось прямых последователей и учеников Чернышевского и не сложилось никакого подобия школы или направления, связанного с ним, оппозиционный и революционный настрой в общественном движении сохранялся в течение нескольких поколений. Вспомним также пример с наивным обращением Коведяевой к императору: вряд ли 17-летняя девушка, с ошибкой написавшая отчество Чернышевского, всерьез разбиралась в его литературном и публицистическом наследии, но почитание личности писателя передалось и ей.

Многие современники сморгонцев были приверженцами культа Чернышевского, который со стороны может показаться иррациональным и даже комичным. Ишутин утверждал, что в мировой истории было три великих личности – Иисус Христос, апостол Павел и Чернышевский¹⁶⁸. Эмигрант Элпидин считал писателя «...талантом, гением, который может разбудить, расшевелить заснувшую Россию. Об освобождении Чернышевского он говорил

постоянно...»¹⁶⁹, – свидетельствовал современник. Другой эмигрант, близкий Элпидину Н.Я. Николадзе, говорил, что «никогда, никакая страна не производила такого человека, такого таланта, как Чернышевский»¹⁷⁰. В.А. Тихоцкий, участник кружка А.В. Долгушина начала 1870-х гг., вспоминал, как публицист В.В. Берви-Флеровский написал для их подпольной типографии брошюру «О мученике Николае», «в котором подразумевался наш великий учитель Н. Чернышевский, в то время томившийся в сибирской каторге»¹⁷¹.

В 1870-е гг. культовая популярность Чернышевского постепенно угасала. «Его “Что делать?” читалось и комментировалось в кружках молодежи, но лучшие его произведения, вся его яркая, кипучая и благородная деятельность постепенно забывалась по мере того, как истрепывались и становились библиографической редкостью книжки “Современника”. <...> Самостоятельные статьи его не имели уже особенного значения и не были даже замечены», – вспоминал В.Г. Короленко. – «Беда состояла не в том, что он “изменился”... Нет, дело, наоборот, в том, что он остался прежним... тогда как мы пережили за это время целое столетие опыта, разочарований, разбитых утопий и пришли к излишнему неверию в тот самый разум, перед которым преклонялись вначале»¹⁷². Клевенский отметил, что даже в печатном органе второй «Земли и воли» – серьезном и показательном издании эпохи семидесятников – о Чернышевском вспомнили всего один раз¹⁷³.

Но это было позже. А в 1860-е и в начале 1870-х гг. популярность сосланного в Сибирь писателя не раз приводила и к идее его освобождения. Историк Троицкий насчитал восемь попыток организовать побег Чернышевского – и это не считая нескольких предложений и намерений, не дошедших до стадии осуществления¹⁷⁴. Ишутинцы не были исключением из этого ряда: инициативу организации побега в московском тайном обществе взял на себя Странден; его самого, как утверждал Ишутин, мог навести на эту мысль Худяков¹⁷⁵. Учитывая, что именно Странден ввел «саратовцев» в «Организацию», можно предполагать определенную близость взглядов Страндена и сморгонцев по этому пункту.

Редактор «Современника» Г.З. Елисеев, живший в Петербурге, во время визита к нему Ишутина и А.К. Маликова размышлял о том, что «хорошо бы было и Чернышевскому помочь». Впрочем, он же, как говорил на каракозовском процессе Маликов, в ту же встречу «сказал, что положительно к тому нет никаких средств, и засмеялся при этом»¹⁷⁶. Другие ишутинцы (Мотков, Оболенский)

рассказывали следствию, что Елисеев был готов выделить на дело освобождения Чернышевского тысячу рублей; это начинание, насколько им было известно, поддержали и другие сотрудники «Современника»¹⁷⁷. Неясно, интерпретировали ли товарищи Маликова рассказанный им эпизод по-своему или же Маликов просто умолчал о предложении Елисеева оказать финансовую помощь. Так или иначе, в этом случае, как и в случае Худякова, идея освободить Чернышевского шла из петербургского революционного сообщества, в рамках которого в 1867–1868 гг. существовала «Сморгонская академия».

Факт обсуждения в «Сморгони» этого замысла стал известен властям в конце 1869 – начале 1870 гг., в результате ареста Кунтушева, одного из исполнителей задания по подготовке побега. Кунтушев происходил из семьи вольноотпущенных крестьян Саратовской губернии, принадлежавших ранее графу Нессельроде, воспитывался в саратовской гимназии. В 1865 г., в виду смерти графа, который материально поддерживал семью Кунтушевых, будущий сморгонец не смог продолжать оплату обучения в гимназии и потому отправился со своими товарищами Мирославским и П. Секавиным в Москву, с целью поступления в Петровскую академию. Здесь через Секавина Кунтушев познакомился с Полумордвиновым¹⁷⁸. Общался ли Кунтушев с кем-либо из «саратовцев» в это время, неизвестно. Согласно воспоминаниям Борисова, Кунтушев входил в группу гимназистов, близких кружку Христофорова¹⁷⁹, но, должно быть, его интерес к общественному движению был гораздо меньше, чем у остальных. Это подтверждают слова Катин-Ярцева о том, что с Кунтушевым в саратовские времена он вел шапочное знакомство¹⁸⁰. Привлеченные к каракозовскому делу «саратовцы» упоминали о своем общении в Москве с Секавиным¹⁸¹, но фамилия Кунтушева никем не была произнесена. По словам Кунтушева, по причине неимения средств после покушения Каракозова он уехал домой; можно предположить, что дополнительной причиной было нежелание Кунтушева попасть под арест, тем более, что Секавин привлекался к дознанию за участие в ОВВ¹⁸².

Осенью 1867 г. Кунтушев вместе с П.А. Николаевым приехал в Петербург, где они оба поселились в сморгонской коммуне. Кунтушев отмечал, что на собраниях сморгонцев часто читали Чернышевского, и, как он утверждал под следствием, «настоящая цель всех этих собраний заключалась в освобождении Чернышевского, об этом было известно всем, жившим у Воскресенско-

го». Кунтушев и Катин-Ярцев поехали по поручению Воскресенского в Рязань, чтобы там ожидать от него присылки тысячи рублей; эти деньги предполагалось передать в Сибири Чернышевскому. В итоге, прожив примерно полтора месяца в Рязани, они получили перевод в 10 рублей, и Катин-Ярцев уехал в Петербург обсуждать перспективы дела. Кунтушев через неделю получил еще 9 рублей и написал в ответ Катин-Ярцеву, что прекращает с ними всякие отношения. После этого он отправился путешествовать по России, пока за неисправные документы его не выслали в Саратов¹⁸³.

Эти показания Кунтушева часто ошибочно пересказывались следственными органами. В одной из бумаг министерства юстиции сказано, что Кунтушев и Катин-Ярцев отправились в Саратов, а не в Рязань¹⁸⁴. В справке, составленной в III отделении, говорилось о двух тысячах рублей вместо одной, которые ожидал Кунтушев в Рязани; эти деньги, по мнению автора справки, организаторы собирались взять из постоянных сборов денег для Чернышевского, якобы проводившихся в Петербурге и других городах¹⁸⁵. Сами же показания представляются искренними. В них, как и в свидетельствах ишутинцев 1866 г., фигурирует одна тысяча рублей, что наводит на мысль об участии Елисеева или кого-либо из редакции «Современника» в этом замысле. Но даже если подобное обещание или намек были даны сморгонцам, до реализации они не дошли, а при отсутствии денег предпринять отчаянную поездку в Сибирь мог бы только твердо настроенный на это предприятие человек. А как нетрудно заметить, выбор исполнителей ответственного поручения был явно неудачным.

Эту же историю Катин-Ярцев спустя много лет рассказал своему сыну. Записанный со слов отца диалог в «Сморгонской академии» ярко иллюстрирует несерьезный характер предприятия и поэтому будет приведен полностью.

«Я уже упоминал имя студента Воскресенского, с которым некоторое время жил на одной квартире. Однажды он и говорит мне:

- Знаешь ли ты саратовца Василия Ивановича Кунтушева?
- Это какой Кунтушев, вольноотпущенный крестьянин?
- Он самый!
- Лично не знаю, но слыхал, что это очень способный, образованный и идейный человек.
- Правильно! А как ты относишься к Чернышевскому?
- К Николаю Гавриловичу – его имеешь в виду?

– Да. Тебе, конечно, известно, что он сейчас находится в ссылке в Якутской области?

– Слышал и крайне сожалею об этом. Достойнейший человек и прекрасный писатель. Я не раз перечитывал его роман “Что делать”. А к чему спрашиваешь?

– Вот к чему. В нашем кружке был разговор о том, что надо попытаться освободить Чернышевского из ссылки. Погибнет он там. Легко сказать: освободить! А как это сделать? Николай, я знаю тебя как честного человека, готового служить народу. Так вот, сообщу тебе, что решили мы послать в Якутию, где сейчас Чернышевский, двух человек с деньгами. Получив их, Николай Гаврилович сможет бежать за границу.

– А много ли денег, вы думаете, нужно будет?

– Мы прикинули – тысячи рублей хватит!

– Да, деньги большие! А кого же вы думаете послать?

– Мы считаем, что ты и Кунтушев – самые подходящие для этого люди. Оба вы безусловно честные, вам вполне можно доверить такие деньги, да и само поручение. Оба вы решительные и разворотливые, лучше и не подобрать. Ну как, согласен?

– Так сразу и скажи тебе, что согласен! Дело серьезное, подумать надо!

– Думать, что же, подумай. Но всё же скажи: пошел бы ты на такое дело? Подумай только: гибнет человек в ссылке, какой человек!»¹⁸⁶

Впоследствии попытку добраться до Чернышевского предпринял участник первой «Земли и воли», публицист и этнограф П.А. Ровинский по поручению русской секции I Интернационала, данному ему в 1869 г. в Швейцарии. Затея провалилась из-за повышенного контроля в месте ссылки Чернышевского, вызванного информацией о намерении другого революционера, Лопатина, организовать аналогичный побег¹⁸⁷. Эта история интересна для нас тем, что незадолго до этого Ровинский, по предположению историка Гросула, мог иметь контакты со «Сморгонской академией» в Петербурге¹⁸⁸. Не было ли влияния или, можно сказать, преемственности в замысле освобождения Чернышевского между сморгонцами и Ровинским?

Во время одной из этнографических экспедиций в начале 1870-х гг. – быть может, именно в те месяцы, когда Ровинский планировал добраться до Чернышевского – он встретился с Орфановым. Последний в своих автобиографических очерках рассказывал, что, несмотря на их первую встречу (действительно ли

первую?), они с Ровинским «в этот же вечер относились друг к другу как старые знакомые»¹⁸⁹. Очерки предназначались для публикации, и потому в них нельзя было всего сказать ни по цензурным соображениям, ни из-за стиля повествования, однако это – единственная встреча Орфанова с Ровинским, в ходе которой последний мог рассказать о своем замысле освобождения Чернышевского, о чем Орфанов впоследствии сообщал Лопатину¹⁹⁰. Стоит также добавить, что предположение биографа Орфанова Физикова о том, что бывший сморговец уехал в Сибирь в связи с идеей освобождения Чернышевского¹⁹¹, слишком сомнительно – участие Орфанова в «Сморгонской академии» не было продолжительным и столь серьезным, чтобы делать вывод о его желании участвовать в организации побега известного политического ссыльного.

И.И. Бочкарев и его славянские интересы

Историю жизни и деятельности Ивана Ивановича Бочкарева (1842–1915), арестованного полицией в 1868 г. из-за его контактов в Швейцарии с русскими политическими эмигрантами, пожалуй, можно назвать центральным сюжетом монографии Козьмина о «Сморгонской академии». Но, несмотря на подробное изложение историком биографии Бочкарева и данных им показаний о своих поездках за границу, нам также следует обратить внимание на его славянские интересы и связи, анализ которых важен как для истории «Сморгонской академии», так и для понимания некоторых характерных черт русского революционного сообщества в целом. (Здесь и далее под славянскими будут условно подразумеваться те народы, которые в XIX в. проживали на территории Османской империи и Австрии (Австро-Венгрии): польский вопрос, скажем, не смешивался современниками с вопросом славянским, и «славянами» в разговорной речи называли сербов, болгар, чехов – но не поляков.)

В первой половине 1860-х гг. не связанный с революционным движением купеческий сын Бочкарев, приписанный к мещанскому сословию¹⁹², жил у себя на родине в г. Осташкове Тверской губернии, занимаясь торговыми делами, доставшимися ему по наследству от покойного отца, и устройством типографии. (Кстати,

именно в его типографии в 1863 г. – всего через год после первого бесцензурного издания, вышедшего в Петербурге – была выпущена комедия А.С. Грибоедова «Горе от ума» с подписью: «Без пропусков. Издание Ивана Бочкарева. Печатня издателя в Осташкове». Как предполагают исследователи, текст мог быть набран с ходившего по рукам бесцензурного списка, сделанного актером осташковского театра А.М. Герасимовым с копии, подаренной Грибоедовым своему другу А.А. Жандру. Эта пьеса вообще была популярна в местном театре, где какое-то время актерами были отец и брат Бочкарева¹⁹³.)

В начале 1864 г. он переехал в Петербург, сюда же перевел свою типографию и поступил в университет вольнослушателем. Осенью 1866 г. он продал типографию и до конца года жил в Москве¹⁹⁴. Стоит отметить, что уже тогда он был знаком Е.П. Печаткиным, участником студенческих волнений 1861 г., не единожды в шестидесятые годы привлекавшимся к следствию по политическим делам, издателем сочинений Худякова и членом «Издательской артели»¹⁹⁵. Его же супруга, В.И. Печаткина (в девичестве Глушановская), в середине 1860-х гг. организовала в столице женскую переплетную артель, тесно связанную с подпольем¹⁹⁶. Бочкарев не только называл Печаткина близким знакомым, но и пользовался его адвокатскими услугами для помощи в разбирательствах при продаже типографии¹⁹⁷.

Вероятно, в конце 1866 г., во время недолгого пребывания в Москве, Бочкарев познакомился с еще одной участницей революционного движения, М.О. Антоновой, привлеченной впоследствии к нечаевскому делу, в 1871 г. вышедшей замуж за Ф.В. Волховского. Волховский и Лопатин в конце 1860-х гг. создали революционный кружок «Рублевое общество», что позволяет предполагать и непосредственное участие Антоновой в московском подполье¹⁹⁸. Козьмин считал, что Антонова и Бочкарев познакомились только весной 1868 г. в Петербурге – по её свидетельству, тогда в столице она виделась с Ткачевым¹⁹⁹; согласно же их собственным показаниям, они встретились еще до этого, в Москве, у телеграфистки О.П. Бурцевой, по соседству с которой на Дмитровке жил Бочкарев²⁰⁰. Возможно, что в 1868 г. Антонова в Петербурге общалась не только с Ткачевым, но и со сморгонцами, выйдя на них благодаря контактам Бочкарева. К связям Антоновой и «Сморгонской академии» мы еще вернемся.

В начале января 1867 г. Бочкарев уехал в Париж с целью изучения французского языка, осмотра достопримечательностей

и знакомства с типографским делом; по крайней мере, такие причины он называл, оказавшись затем под следствием. В мае через Женеву, Неаполь, Рим и Флоренцию он приехал в Венецию, чтобы встретиться с находившейся там вдовствующей княгиней Черногории Даринкой. Он просил её рекомендаций для поездки в Сербию, и она обещала написать о нем сербскому митрополиту. В Сербии Бочкарев познакомился, как он формулировал, «с интеллигенцией всех партий» и, благодаря рекомендательному письму митрополита Михаила, с духовенством. Совершив двухнедельную поездку по княжеству, он принял участие в оmlадинской скупщине (съезде организации «Объединение сербской молодежи»). Также он познакомился с одним из деятелей Омладины В. Иовановичем, редактором газеты «Застава», побывал в Пеште и Вене. В конце августа или начале сентября 1867 г. Бочкарев вернулся в Петербург²⁰¹.

Когда следственная комиссия Ланского спрашивала Бочкарева о его интересе к славянам, он отвечал, что сочувствовал «нашим угнетенным братьям» и потому решил ознакомиться со славянским вопросом «на месте». Заинтересовался же он этой проблемой в связи с начавшимся в октябре 1866 г. восстанием кандиотов (греческого населения о. Крит, находившегося под управлением Османской империи)²⁰². Следует сказать, что интерес к славянскому вопросу, симпатия к национально-освободительному движению народов Юго-Восточной Европы были не чужды самым разным общественным группам. Так, в 1862 г. между газетами «День» и «Современное слово», занимавшими противоположные политические позиции (славянофилов и западников соответственно), разразилась острая полемика по вопросу оказания помощи Черногории во время её войны с Турцией. Несмотря на разногласия, обе газеты выступали в поддержку черногорцев, как и славян вообще, что было отмечено анонимным автором в журнале «Время», отреагировавшим на этот спор так: «И вышло наконец то, что оба противника сошлись по чувству на одном и том же хорошем деле и, сойдясь, оба тотчас же рассердились друг на друга»²⁰³.

Революционные мыслители также высказывали свое мнение по вопросу славянского освобождения. Еще декабрист И.И. Горбачевский, входивший в «Общество соединенных славян», рассуждал о создании демократического федеративного союза славянских народов²⁰⁴. Представители «старой эмиграции» (Герцен, Огарев, Бакунин) также поддерживали идею создания славянской

федерации, акцентируя внимание на центральном месте России в этом процессе, отчего в историографии их иногда сравнивали со славянофилами, характеризуя их взгляды как «революционный панславизм». Чернышевский и другие шестидесятники революционно-демократической волны, хоть и были настроены бескомпромиссно по отношению к славянофильским и панславистским идеям, не обращая внимания или же отрицая национальный, культурный и религиозный факторы в славянском вопросе, тоже высказывались в пользу освободительной борьбы южных славян²⁰⁵. Таким образом, в революционном движении, при всей разнице между направлениями, можно обнаружить преемственную линию если не славянофильства (данный термин в применении к революционной мысли был бы некорректен), то некой славянофилии, симпатии к национально-освободительному движению балканских народов.

Частично эта симпатия была следствием культурной и языковой близости народов, частично – имела корни в некотором сходстве социально-экономического развития России и региона Юго-Восточной Европы, на что обращали внимание советские исследователи²⁰⁶. Взаимосвязь русского революционного движения и общественно-политических процессов на Балканах отмечали и славянские деятели. В. Гачинович, один из идеологов организации «Молодая Босния», в 1915 г. в своей статье, обращаясь к потенциальному русскому читателю, писал: «Если бы вы внимательно присмотрелись к нашей сербохорватской и вообще югославянской интеллигенции, вы бы нашли там многие черты вашего собственного движения, каким оно было в шестидесятые и семидесятые годы прошлого столетия. А мы знаем вашу идейную историю и любим её, мы её во многом опробовали на себе. Чернышевского, Герцена, Лаврова и Бакунина мы ставим в ряд наших лучших учителей. Мы, если хотите, ваша идейная колония»²⁰⁷.

Одним словом, пример Бочкарева, интересовавшегося славянским вопросом, а впоследствии вступившего в «Сморгонскую академию», органично вписывается в эту тенденцию, между его славянофилией и революционностью нет противоречий. По его собственному свидетельству, его интерес к славянам был подогрет статьёй Герцена «На площади св. Марка» (Колокол. 1867. № 238)²⁰⁸, в которой тот рассуждал о деле освобождения славянских народов. Прочитав эту статью в Париже, Бочкарев сделал заключение, что Герцен хорошо осведомлен в этом вопросе,

вследствие чего он ездил к нему в Швейцарию, а тот перенаправил его к другому эмигранту, Н.И. Утину. Впрочем, ни тот, ни другой не дали ему никаких конкретных рекомендаций по славянскому вопросу²⁰⁹.

«Описать подробно, с кем я встречался в славянских землях, нет никакой возможности, так как я старался встречаться там с каждым “добрым славянином”»²¹⁰, – писал Бочкарев в своих показаниях. В другом месте показаний он перечислял большое количество своих знакомых славян, живущих за рубежом²¹¹. Какова была цель его поездки? Козьмин отметил тот факт, что Бочкарев был первым русским революционером после Бакунина, участвовавшим в работе славянского съезда международного характера (Бакунин принимал участие в славянском конгрессе в Праге в 1848 г.). В связи с этим Козьмин характеризовал визит Бочкарева как «попытку русских революционеров установить связь с югославянскими демократическими и революционными элементами»²¹². Гросул, обращая внимание, что Бочкарев не мог познакомиться со «Сморгонской академией» до своего отъезда, поскольку она еще не успела сложиться, тем не менее, считал, что он действовал «если не по поручению, то с ведома оставшихся на свободе каракозовцев, как московских, так и петербургских»²¹³.

И всё же, несмотря на близость Бочкарева к революционному сообществу, характерную для многих представителей разночинной интеллигенции, говорить о революционных целях оставшегося мещанина в 1867 г. не позволяют имеющиеся в источниках факты. Даже если бы в начале января 1867 г., когда сморгонская коммуна только начала складываться, Бочкарев успел познакомиться с кем-то из её участников, вряд ли можно утверждать, что в это время сморгонцы интересовались славянским вопросом; у них, как, впрочем, и у возможных московских подпольных групп, с которыми была связана Антонова, не было практического интереса в выступлении своего представителя на омладинской скупщине.

Первый, учредительный съезд Омладины («Объединения сербской молодежи»; от сербского «омладина» – «молодежь») состоялся в августе 1866 г. в Нови-Саде (Австро-Венгрия) по инициативе учившихся в Вене сербских студентов. Кроме сербов, в состав Омладины вошли и представители других южнославянских народов с самыми различными политическими взглядами и интересами (от революционно настроенных социалистов до умеренных панславистов и деятелей культуры). Большинство участ-

ников Омладины занимало либеральные позиции (упомянутый выше Иованович и др.). В виду широкой и размытой политической платформы австрийские власти первоначально доброжелательно относились к «патриотическому обществу, поставившему своей задачей просветительскую деятельность» – именно так себя позиционировала Омладина²¹⁴.

Это позволило начать подготовку второго съезда (скупщины), который должен был открыться в августе 1867 г. в Белграде. В России об этом стало известно благодаря приглашениям от сербских делегатов, приехавших на славянский съезд в Москве (май 1867 г.), а также из адреса белградских студентов московским коллегам, опубликованного в газете «Москва» и других печатных изданиях (июль 1867 г.)²¹⁵. Сопоставление этих фактов с датой отъезда Бочкарева из России подтверждает, что его решение посетить омладинскую скупщину было самостоятельным и незапланированным – получить информацию об этом событии он мог только за границей. Скупщина провела всего два заседания, 18 и 20 (6 и 8 по ст. ст.) августа, после чего была закрыта сербскими властями по причинам избрания председателем съезда Е. Груича, находившегося в оппозиции к князю Михаилу Обреновичу, и участия в скупщине австрийских подданных²¹⁶.

Бочкарев не был на этом непродолжительном съезде простым зрителем. Среди его бумаг, изъятых в 1868 г. полицией, можно найти наброски мыслей, которые он хотел высказать на заседаниях скупщины, о чем говорят часто встречаемые в тексте обращения к предполагаемым слушателям²¹⁷. Главными пунктами программы Бочкарева были: создание славянской конфедерации независимых народов, активная общественная деятельность путем создания славянских комитетов во главе с центральным комитетом, учреждение общеславянского журнала, принятие единого «литературно-политического» славянского языка. Эти положения вместе с критикой Бочкаревым «старой Европы» и неназванной им, но очевидной «великой державы», стремившейся «овладеть всеми славянами, Константинополем и чуть не целым светом»²¹⁸, частично перекликаются с позицией революционных деятелей, интересовавшихся славянами (в отношении конфедерации и критики панславизма), а частично – с идеями неревolutionных течений. Так, во время славянского съезда в Москве в 1867 г. делегатами от разных народов обсуждался вопрос о едином общеславянском языке, а в 1868 г. на славянском съезде в Праге русские славянофилы предлагали создать центральный комитет для управления местными славянскими комитетами²¹⁹.

Омладинскую скупщину 1867 г. посетили пять российских подданных: Бочкарев, делегаты от московских студентов В.И. Губин и П. Кутузов, корреспонденты русских изданий Г.С. Веселитский-Божидарович и В. Андреев²²⁰. Губин, несмотря на упоминавшийся ранее факт знакомства с ишутинцами, вряд ли может рассматриваться как потенциальный знакомый Бочкарева или представитель революционного подполья: еще раз напомним, что после покушения Каракозова Губин принимал участие в манифестациях в честь спасения жизни монарха, а ишутинцы называли участников его просветительского кружка «либеральной дрянью». Как отмечал корреспондент газеты «Москва» (скорее всего, это был Андреев), русским гостям «...сербы высказывали любезность и предупредительность вполне братскую... При всех случаях, даже когда другие члены Омладины по необходимости стояли, сербы настаивали, чтобы русские гости сидели и притом постоянно впереди, у самой трибуны»²²¹. Это не единственное свидетельство благосклонного отношения к русским со стороны сербов, болгар и других славянских народов в эту эпоху; в ряде случаев такое отношение способствовало и доверию к русской революционной пропаганде.

Одним из сербов, выбравших революционный путь благодаря русскому влиянию, был общественный деятель, социалист Светозар Маркович, проживавший в 1866–1869 гг. в Петербурге. В мае 1870 г. он писал, что на омладинской скупщине 1867 г. «по предложению одного русского, который приехал на собрание как гость, после коротких дебатов принято, что женщина в Омладине имеет одинаковые права с мужчиною»²²². Без сомнения, этим русским был Бочкарев, что подтверждается набросками его выступления, сохранившимися среди других черновиков. Бочкарев записал следующее: «В первых двух статьях собрание определяет народности, которые должны войти в сербскую Омладину, везде вы говорили о сербах, хорватах и так далее. Важен вопрос, подразумеваются ли здесь одни мужчины, или Омладина может иметь членов без различия пола? Я мыслю, братья, что вы не станете отрицать права женщины на головную работу и на участие ее в делах общественных... Я предлагаю редакцию третьей статьи такую: “Членами Омладины могут быть лица обоих полов и всех возрастов”»²²³. Столь «радикальное» для традиционного в те времена сербского общества предложение вызвало споры и несогласия; тем не менее, в итоговой резолюции было прописано, что «женщины могут по своим силам и средствам оказывать содейст-

вие сербской Омладине»²²⁴. В таком решении, безусловно, была заслуга Бочкарева, что и было отмечено социалистом Марковичем, о чем близком знакомстве с Бочкаревым говорит множество фактов.

Как и при каких обстоятельствах произошло их знакомство? Летом 1866 г., после своего обучения в Высшей школе в Белграде, Маркович был зачислен студентом Института инженеров путей сообщений в Петербурге²²⁵. Вскоре, в 1867 г., он принял участие в создании общества сербских студентов «Община», в которой он был секретарем. С 1 января 1868 г. «Сербская община» стала называться «Югославянской общиной» в виду расширения представительства от других славянских народов²²⁶. Согласно первой статье устава «Сербской общины», сохранившегося в бумагах Бочкарева, это «товарищество, которое поставило себе целью: взаимное сближение всех сербов, находящихся в России; материальное вспомоществование недостаточным своим соотечественникам, прибывшим сюда наук ради, равно как и взаимная поддержка в случаях нужды и болезни»²²⁷.

Славист В.Г. Карасев считал, что знакомство Бочкарева с «Сербской общиной» произошло до его поездки за границу²²⁸. Если исходить из этого предположения, то можно сделать вывод, что решение Бочкарева ознакомиться со славянскими делами «на месте» было мотивировано именно общением с петербургскими сербами. Однако Бочкарев жил в Петербурге до октября 1866 г.; к этому времени Маркович и его товарищи вряд ли успели создать общество и, возможно, даже были плохо знакомы между собой. Так, по данным биографа Марковича И. Скерлича, «Община» была создана только в 1867 г.²²⁹ Покинув столицу, Бочкарев жил в Москве и в начале января 1867 г. уехал за границу (если он и заезжал в Петербург, то вряд ли надолго)²³⁰. Имеются сведения, что Маркович летом 1867 г. «на вакационное время» получил в институте отпуск и посетил омладинскую скупщину²³¹. Скорее всего, знакомство состоялось именно там, а впоследствии, уже по возвращении Бочкарева в конце августа или начале сентября 1867 г.²³² в Петербург, общение с Марковичем продолжилось.

Именно осенью – зимой 1867 г. Маркович написал на русском языке устав «Сербской общины» (с 1 января 1868 г. она называлась иначе, что не позволяет говорить о более поздней датировке написания), и эта рукопись осталась у Бочкарева. После возвращения из Европы Бочкарев, вдохновленный европейскими впечатлениями, должно быть, желал расширить (в т. ч. через Марко-

вича) свои знакомства среди славян. Учитывая теплый прием Бочкарева как «брата руса» в Сербии, неудивительно, что в Петербурге сербы также приняли его как родного. В показаниях Бочкарев писал о своем круге знакомств: «Из славянских знакомых, которых у меня очень много, близок с сербами Марковичем и Груичем в Петербурге»²³³. Из множества знакомых, как мы видим, он назвал именно их.

Маркович в своих статьях того времени неоднократно упоминал так называемые «беседы». «Беседа» в сербском языке означает «увеселительное мероприятие, вечеринка, концерт», и эта форма собраний нередко использовалась сербской молодежью в целях общественно-воспитательного характера²³⁴. В статье «Литературный вечер» Маркович писал, что русский литературный вечер – то же самое, что «беседа», только без танцев²³⁵. Не удивительно, что Бочкарев после общения со славянами перенял и некоторые их понятия: в его бумагах есть некий «Устав Петроградской славянской беседы» в двух экземплярах – судя по всему, черновике и чистовике. Согласно ним, славянская беседа – это «собрание, в котором лица, сочувствующие умственному сближению и взаимности славян (в черновике – “сочувствующие славянам и их словесности”²³⁶), сходятся и обмениваются мыслями и сведениями»²³⁷. Беседа устраивает для членов и гостей семейные, музыкальные и литературные вечера, обеды; разрешаются неазартные игры. Никаких данных о том, что такое общество существовало, нет. Возможно, это был неосуществленный проект Бочкарева, его идея, с помощью которой он хотел привлечь к обсуждению славянского вопроса русскую молодежь.

Общаясь со славянами, Бочкарев посещал некую «славянскую кухмистерскую» (судя по названию, её держали выходцы из южных славян, вероятно, сербы; какая именно кухмистерская подразумевалась Бочкаревым, неизвестно). В ней, согласно его показаниям, он познакомился с Черкезовым²³⁸. Так он вышел на «Сморгонскую академию», уже сложившийся в то время кружок. По сведениям биографа Черкезова анархиста М. Неттлау, Бочкарев свел своих друзей-славян Марковича, Савву Груича и Николаича с Черкезовым, который «открыл им глаза, дал прочесть сочинения Чернышевского, особенно знаменитую критику панславизма»²³⁹. В итоге сербы сблизились с «кружком, где читали Бакунина» – без сомнения, это была «Сморгонь». Этими фактами сведения о контактах сморгонцев и славянской молодежи исчерпываются.

Бликие отношения Марковича и Бочкарева подтверждаются не только найденными среди бумаг Бочкарева автографами серба. Среди них кроме устава «Сербской общины», написанного Марковичем на русском языке, был черновик его статьи (тоже на русском языке) «Сербской оmlадине» («Сербской молодежи») ²⁴⁰. Под оmlадиной здесь подразумевалась не организация, а молодежь, к которой Маркович обращался от лица секретаря петербургской «Сербской общины». В 1868 г. статья была опубликована в газете «Србия» («Сербия»), корреспондентом которой он был. Как отмечал Карасев, эта заметка была одним из первых опубликованных сочинений сербского деятеля; в опубликованной версии текст был отредактирован, в то время как в черновике, сохранившемся у Бочкарева, можно найти более смелые мысли автора, например, фразу о том, что насущная задача сербского народа – «политическое освобождение» ²⁴¹.

После своего отъезда из Петербурга уже определившийся в своих политических взглядах Маркович принял решение отправиться в Швейцарию; одной из причин, по его собственному признанию, было желание «познакомиться с братьями-революционерами» ²⁴². Возможно, это стремление было навеяно опытом швейцарской поездки Бочкарева, хотя та и была неудачной. Находясь в Швейцарии, Маркович стал агентом-корреспондентом русского эмигрантского журнала «Народное дело» ²⁴³, где в мае 1870 г. была опубликована его статья «Политическое и экономическое положение рабочего класса в Сербии», в которой, собственно, и упомянуто выступление Бочкарева на оmlадинской скупщине по женскому вопросу. Сам Маркович в это время дважды писал специальные работы по вопросу женских прав: «Способна ли женщина быть равноправной с мужчиной?» (написана в 1870 г. в Цюрихе и опубликована в оmlадинской газете «Млада Србадия», № 1) и «Освобождение женщин» (предисловие к сербскому переводу книги Милля «Подчиненность женщин», вышедшему в 1871 г.) ²⁴⁴. Это ещё одно свидетельство влияния на известного сербского деятеля как петербургского революционно-го подполья в целом, так и Бочкарева в частности.

Неизвестно, как долго и как тесно общался Бочкарев со «Сморгонской академией», но его связи с ней были далеко не случайными. Проведя несколько месяцев в Петербурге, в начале 1868 г. Бочкарев вторично отправился за границу, на этот раз уже не столько из-за своих личных интересов, сколько по заданию

кружка. Представитель «Сморгонской академии» собирался установить контакт с русскими революционными эмигрантами в Швейцарии.

Внешние связи «Сморго́ни». Швейцарская «миссия» Бочкарева

Сморгонцы, занимаясь преимущественно кружковой деятельностью в Петербурге, всё же стремились вырваться за рамки аморфного столичного кружка, пытаясь завести знакомства и связи с революционными группами в иных местах. Гольденберг упоминал, что «Сморгонь» имела «тайных представителей в высших учебных заведениях Петербурга и других городов»²⁴⁵. С кем же могли контактировать наши герои?

Ранее мы уже останавливались на знакомстве Бочкарева с Антоновой, через которую петербургское тайное общество могло знать Волховского и других москвичей; Бочкарев, кстати, поддерживал личные контакты с Антоновой и после своей ссылки в начале января 1869 г. на родину, в Осташков, о чем свидетельствует его письмо Антоновой, датированное апрелем этого года²⁴⁶.

Какие-то знакомства в молодежной среде мог искать Воскресенский во время его поездки в марте – ноябре 1868 г. по южным областям России. Как говорил Воскресенский следственным органам, он работал приказчиком у нефтепромышленника Новосильцева; сам Новосильцев на запрос следствия отвечал, что в 1868 г. он имел дела с Колачевским, но не с Воскресенским²⁴⁷. В Одессу, где в это время жил Сергиевский, Воскресенский приехал лишь в сентябре 1868 г., и, как утверждал живший там сморгонец, с петербургским гостем он встретился якобы случайно, в театре. Воскресенский, по словам Сергиевского, имел рекомендацию от какого-то керченского чиновника к учителю одесской Ришельевской гимназии Н.А. Короваеву, знакомому Сергиевского и Борисова (последний, кстати, в это время также проживал в Новороссийском крае). Как утверждал Сергиевский, ему было неизвестно, куда именно после встречи с Короваевым, у которого Воскресенский занял немного денег, уехал его товарищ (а он отправился в гости к Борисову в деревню Семеновка Херсонской

губернии; неужели Сергиевский об этом не знал?). Кроме этого, Сергиевский умолчал о встрече Воскресенского с местным студентом Соколовским, который, собственно, и свел петербуржца с Короваевым (этот факт подтверждал сам Соколовский)²⁴⁸.

Вряд ли спустя год после событий допрашиваемый властями Сергиевский мог это забыть. Быть может, он хотел скрыть факты общения Воскресенского с местной молодежью, как и свое пособничество в этом деле? Такие же странные показания давал Борисов, говоря, что ему была неизвестна цель визита Воскресенского. Это странно, ведь они около месяца пробыли вместе в Херсоне. Должны же они были хоть что-то обсуждать! Также Борисов поначалу утверждал, что Воскресенский приехал с Кавказа, где занимался подрядом рабочих (этот факт, как уже сказано, может быть подвергнут сомнению), а потом говорил, что Воскресенский приехал из Одессы²⁴⁹.

По собственному признанию Воскресенского, он пробыл несколько дней в Одессе, потом около десяти дней в деревне у Борисова, после чего через Николаев возвратился в Одессу и уехал оттуда в начале октября. По контексту показаний видно, что он якобы навещал старых знакомых, и не более того. Затем он был в Киеве с 8 по 10 ноября²⁵⁰. В этих показаниях хронологическая неточность (возможно, связанная и с несознательной ошибкой при их записи). Если Воскресенский говорил, что он уехал из Одессы в начале октября и только через месяц, в начале ноября, оказался в Киеве, то он специально сместил даты, скрывая достаточно долгое пребывание как в Херсоне в компании с Борисовым, так и, возможно, в Одессе в компании с Сергиевским. Без сомнения, поездка носила не развлекательный характер. Возможно, Воскресенский пытался завести новые контакты с оппозиционно настроенной молодежью Одессы, Херсона и Киева. Добавим, что даже если эта задача и была выполнена, вряд ли можно говорить о серьезных организационных связях «Сморгонской академии» с революционной молодежью других городов; их наличие, скорее всего, подтверждалось бы иными источниками.

Несмотря на это, руководители «Сморгоны» хотели расширить свои знакомства еще дальше. Об этом говорят контакты со славянами, установленные благодаря Бочкареву. Серьезный опыт поездки в Европу, во время которой Бочкарев был проездом в Швейцарии, участие в омладинской скупщине, а также опасения тайного надзора за вчерашними ишутинцами и близкими им лицами, бывшими под следствием по каракозовскому делу, спо-

собствовали выбору Бочкарева в качестве эмиссара для поездки в Швейцарию и установления связей с русскими эмигрантами. Эта мысль, как и идея освобождения Чернышевского, скорее всего, была напрямую заимствована от предшественников сморгонцев. В данном случае они брали пример с Худякова и его товарища С.Е. Палашковского, участников петербургского революционного сообщества: с августа по ноябрь 1865 г. они, вместе со своими женами, жили в Женеве, встречаясь с Герценом, Огаревым и другими эмигрантами²⁵¹.

(Добавим, что о поездке Худякова в Швейцарию известно достаточно много, однако тот факт, что вместе с ним также ездил Палашковский, в литературе не получил распространения. О принадлежности Палашковского к петербургскому подполью и контактах с эмигрантами еще в 1867 г. писал Ишутин²⁵², но это указание обычно интерпретировалось как встреча с Худяковым за границей, а не совместная с ним поездка²⁵³. Тем не менее, свидетельство эмигранта Николадзе недвусмысленно указывает на факт именно их совместной поездки²⁵⁴. Редкое упоминание имени Палашковского в источниках, вероятно, связано с тем, что он реже контактировал с ишутинцами, и потому следственная комиссия Муравьева не обратила на него внимание.)

«Молодая эмиграция» 1860-х гг. очень сдержанно, а порой и негативно, относилась к Герцену, что было отмечено Худяковым в разговоре со своим знакомым И.В. Ведерниковым: «...Герцен живет богато и не имеет того уважения со стороны эмигрантов, каким пользовался прежде...», – говорил он. Худяков был солидарен с их критикой и называл Герцена «либералом 40-х годов», что, естественно, сблизило его с «молодой эмиграцией»²⁵⁵. Одним из них был Элпидин, в 1863 г. арестованный и осужденный в Казани за распространение антиправительственных воззваний среди крестьян (т. н. дело о «Казанском заговоре»). В июле 1865 г. он бежал из тюрьмы и эмигрировал, незадолго до приезда Худякова обосновавшись в Женеве²⁵⁶. «Элпидин – ярый нигилист-коммунист; для него нет ничего святого. С Герценом, Огаревым и их компанией он не имеет ничего общего, и эти господа не хотят с ним быть знакомы», – так характеризовало этого деятеля III отделение²⁵⁷.

Худяков и Палашковский жили в том же пансионе, где проживал входивший в круг Элпидина Николадзе. С Элпидиным, по свидетельству последнего, они обсуждали заказ типографского шрифта и печать брошюр. «Мы были почти всё время вместе», –

вспоминал Николадзе²⁵⁸. Вскоре была создана типография Элпидина, в которой он, вместе с Л.И. Мечниковым, Николадзе и Ивановским, по формулировке политического сыска, печатал «сперва разные пасквили, грязного содержания брошюры, а затем революционного направления листки: “Подпольное Слово” и “Современность”»²⁵⁹. Вероятно, вместе с Худяковым участники женевской типографии разработали план издания журнала «Подпольное слово»: о некоем «новом русском журнале», готовящемся к изданию, Худяков в начале 1866 г. рассказывал Моткову²⁶⁰. Близким Худякову человеком называл Элпидина Лопатин²⁶¹. Возможно, именно под влиянием Элпидина Худяков поверил в существование Европейского революционного комитета, некоей тайной подпольной организации, поддерживающей и координирующей революционные движения по всей Европе; вернувшись в Россию, Худяков передал сведения о комитете ишутинцам, и миф о несуществующей организации зажил собственной жизнью²⁶².

Обман доверившегося Элпидину Худякова не удивителен, что показывает история череповецкого мещанина Розанова, человека, далекого от революционного движения, в течение полугода жившего в Швейцарии и общавшегося с Элпидиным и другими «молодыми эмигрантами». Подследственный Розанов рассказал немало подробностей о жизни русских изгнанников, в том числе и Элпидина. Из его показаний можно узнать о недоверительном, а порой весьма пренебрежительном отношении эмигранта к окружающим. Он всегда скрывал от других разговоры с лицами, которых считал важными, «говоря, что всякий доверен знать только то, что ему нужно и что его касается, и что он ненавидит праздное любопытство». Например, известного в эмиграции землевольца А.А. Серно-Соловьевича он называл «дрянью», говоря, что они в ссоре из-за какой-то брошюры. Себя же самого Элпидин ценил высоко – как считал Розанов, «он очень тщеславен и считает себя весьма опасным для правительства, первым человеком после Чернышевского»²⁶³. Историки М.К. Лемке и Козьмин считали, что показания Розанова достаточно точно отражают характер этого любопытного деятеля эмиграции²⁶⁴.

И всё же Худяков посчитал Элпидина надежным революционером. Неизвестно, какими путями «Сморгонская академия» получила сведения о нем, равно как и подробности мифа о Европейском революционном комитете: что-то они могли знать еще со времен ишутинского кружка (так, Черкезов получал на свой адрес письма из Петербурга от Худякова, предназначавшиеся

Иштуину²⁶⁵), что-то могли услышать от участников петербургского революционного сообщества. Так или иначе, в конце января 1868 г. Бочкарев выехал из Петербурга с целью связаться с Элпидиным, заехав по пути в Вену, Мюнхен и Цюрих с визитами к знакомым сербам. Будучи впоследствии арестованным, Бочкарев не признавался в целенаправленном знакомстве с Элпидиным, объясняя свое нахождение в Женеве ожиданием «интересных событий на востоке» (видимо, на Балканах) и рассказав историю якобы случайной встречи в женевском «Café du Nord» с Николадзе, которого Бочкарев мельком видел в начале 1860-х гг. в Петербурге²⁶⁶.

После знакомства с Элпидиным Бочкарев поселился в недорогом женевском пансионе мадмуазель Катри и стал общаться с кругом «молодой эмиграции». Чтобы доказать свою причастность к революционному подполью, Бочкарев привез Элпидину тетрадь с переводом текста французского социалиста В. Консидерана и записку с неизвестным нам текстом; эти бумаги, как считается в литературе после догадки Козьмина, были написаны Худяковым²⁶⁷. Недоверчивый Элпидин, узнав почерк, подумал, что бумаги были отобраны у кого-то из революционеров во время обысков в 1866 г., и потому на вопрос Бочкарева, знаком ли ему почерк записки, ответил отрицательно²⁶⁸. Вероятно, автографы Худякова сохранились у кого-то из его знакомых и были переданы сморгонцам. Посланник «Сморгонской академии», не зная о подозрениях Элпидина, рассказывал о своем интересе к славянскому вопросу и желании устроить славянское движение, расспрашивал эмигранта о его знакомстве с Худяковым и с членами Европейского революционного комитета, рассуждал о том, что он и его товарищи «хотя бы завтра» могут произвести в России государственный переворот²⁶⁹.

Элпидин впоследствии писал: «Далее начал он развивать план обанкротить правительство посредством известной системы, которая дает денег легко и много, на которые они закупают американских мониторов, и т. д. Чем больше он говорил, и тем более возбуждал к себе подозрение»²⁷⁰. На людях эмигрант вел себя с Бочкаревым любезно, представлял его как «деятеля в пользу объединения славян» и общался с ним почти каждый день. Но «за глаза», как вспоминал Розанов, Элпидин говорил, что подозревает в Бочкареве шпиона III отделения и «затребовал о нем справки из Парижа и из Петербурга»²⁷¹. (Удивительно, что сам Розанов — человек, волею случая оказавшийся в кругу «молодой эмигра-

ции» и не придерживавшийся революционных убеждений – не вызывал у Элпидина таких подозрений; впрочем, эмигрант поделился с Розановым фантастической историей о масштабном революционном заговоре в России, схожей с рассказами о Европейском революционном комитете, так что и доверием к нему Элпидин не отличался²⁷².)

Желание Бочкарева узнать что-либо о таинственном и в реальности не существовавшем комитете, должно быть, лишь подталкивало Элпидина продолжать свою нехитрую мистификацию. Вот как он описывал свой диалог с Бочкаревым: «“Не можете ли или не дадите ли мне адреса познакомиться с кем-нибудь из членов Европейского революционного комитета?” – спр[осил] Б[очкарев] Ф[оль]ка (псевдоним Элпидина. – В.К.). Последний взаимно спросил того, знает ли он немецкий или французский языки. От[вет]: “Нет”. – “Значит, с рев[олюционн]ым комитетом хотите объясниться мимикой?” – Пауза. “Да, я думаю, что там кто-нибудь есть из русских или поляков?” – “Хотя бы и были, всё же не добились бы никакого толку, при всем вашем желании”, – отвечено»²⁷³. Своим знакомым Элпидин говорил о Бочкареве так: «Я... продолжаю мистифицировать (sic!) его и вру разную чертовщину, да вы, братцы, помогайте»²⁷⁴.

В итоге Элпидин, С.Я. Жеманов, Николадзе, Утин, Розанов и, вероятно, Ивановский, решили обыскать Бочкарева незадолго до его отъезда. В одно из воскресений марта они пришли к нему в гости, но не успели ничего предпринять, как в квартиру зашли двое неизвестных им лиц: мужчина «огромного роста с рыжими бакенбардами и с красноватым, здоровым лицом» и полная женщина 35 лет с темно-русыми волосами. (Двое русских гостей Бочкарева были приезжими братом и сестрой – отставным офицером и женой чиновника, не имевшими отношения к революционному движению; Бочкарев познакомился с ними незадолго до этого в Женеве²⁷⁵.) Женщина среди прочего сказала, что у Бочкарева «рассчитываешь встретить всегда русского». Как писал один из участников обыска Розанов, «присутствие великана с барыней страшно озадачило всех вошедших»; эта формулировка, пожалуй, подчеркивает неуклюжее положение, в которое поставил себя кружок Элпидина. Еле выпроводив пришедших, эмигранты заявили Бочкареву о своих подозрениях и, взяв его вещи, отправились в типографию Элпидина, где и провели обыск²⁷⁶. История не осталась незамеченной в эмигрантской среде, о чем свидетельствует написанная спустя пять лет статья «Русские эмигранты»

жившего тогда в Швейцарии бывшего студента Е.К. Гижицкого, опубликованная в «Московских ведомостях». В вольной интерпретации автора газетной заметки главным антагонистом Бочкарева в этой истории выступал не Элпидин, а Утин, который, по словам Гижицкого, «ворвался к нему в сопровождении своих сеидов, вооруженных револьверами»²⁷⁷. Конечно, никаких револьверов у эмигрантов не было, однако гротеск газетной статьи передает комичность произошедшего события.

В бумагах Бочкарева эмигранты не нашли ничего компрометирующего, кроме списков каких-то знакомых, разделенных на группы, среди которых Элпидин, по его собственным словам, «видел и очень почтенные фамилии»²⁷⁸. Как формулировал Гижицкий в упомянутой статье, бумаги Бочкарева доказывали, что он «действительно был политический агитатор и имел сношения с людьми, хорошо известными русской эмиграции»²⁷⁹. Возможно, речь шла о фамилиях петербургских знакомых Бочкарева и «Сморгонской академии», которые Элпидин мог знать еще со времен общения с Худяковым. Это не убедило его в честности Бочкарева, вследствие чего эмиссар сморгонцев обязался привести из России дополнительные доказательства своего участия в революционном движении. В противном случае эмигранты пригрозили опубликовать фотокарточку Бочкарева с отобранной от него подпиской, где он подтверждал, что навлек на себя подозрения в шпионстве и провокационной деятельности²⁸⁰.

В конце марта 1868 г. Бочкарев вернулся в Петербург, где рассказал Печаткину о случае с эмигрантами, грозившими его убить и отобравшими в залог три билета внутреннего займа. Поскольку Печаткин в начале 1860-х гг. был в числе арестованных по делу о студенческих беспорядках в Петербурге и знал Николадзе и Утина (прямо в своих показаниях он говорил только о знакомстве с первым), Бочкарев попросил его написать Утину письмо. В письме Печаткин уверял, что Бочкарев – совершенно невинная личность²⁸¹. Автор еще одной рекомендации нам неизвестен. Как писал Элпидин своим знакомым, вернувшийся в Женеву Бочкарев привез «...рекомендацию от какого-то Пучатина или Печатова (что-то в этом роде) к одному из моих знакомых У[тину]. <...> Кроме этого, привез письмо от какого-то Антонова, вовсе мне неизвестного»²⁸².

Козьмин предполагал, что этим Антоновым мог быть студент Петербургского университета Н. Антонов, участвовавший вместе с Кипиани в организации кассы взаимопомощи, о которой было

известно Черкезову²⁸³. Но никакого подпольного смысла данная деятельность не несла, и вряд ли рекомендация законопослушного студента имела бы значение для политических эмигрантов. Возможно, Элпидин, искаживший в своем письме (по невнимательности или из-за пренебрежения к Бочкареву) фамилию Печаткина, мог также исказить и фамилию Антоновой, которая, как уже упоминалось выше, как раз весной 1868 г., между двумя «швейцарскими» поездками Бочкарева, была в Петербурге. Один из участников московского «Рублевого общества» Лопатин незадолго до того, в 1867 г., ездил за границу и встречался там с Герценом²⁸⁴. Рекомендация от Антоновой, таким образом, могла иметь вес в глазах Элпидина, если бы не его убежденность в шпионстве Бочкарева.

В ходе своей третьей (второй «швейцарской») поездки, с конца мая до конца сентября 1868 г., Бочкарев посетил Прагу и Цюрих, после чего отправился в Женеву, Лозанну и Берн, где среди прочего посетил заседания конгресса Лиги мира и свободы²⁸⁵. В Женеве Элпидин, посоветовавшись с Утиным, не признал привезенные Бочкаревым доказательства; после долгих препирательств в конце июля Бочкарев всё же получил отобранные у него ранее бумаги²⁸⁶. Черкезов, согласно сведениям, собранным Николаевским, перед поездкой дал Бочкареву 50 рублей, чтобы тот передал их на издание «Что делать?» (типография Элпидина выпускала собрание сочинений Чернышевского)²⁸⁷. О 40 рублях, полученных Бочкаревым якобы от Николадзе, с которым он встретился в Женеве, Бочкарев говорил в своих показаниях следствию: Николадзе якобы просил передать деньги Элпидину, говоря, чтобы они присланы из Петербурга, «от той же руки», что написала рекомендацию, поскольку они с Элпидиным разошлись²⁸⁸. 40 рублей от Черкезова и Воскресенского упоминал и Элпидин²⁸⁹. Вероятно, речь шла об одних и тех же деньгах.

Конгресс Лиги мира и свободы (Конгресс мира), на котором побывал Бочкарев, был одним из известных международных форумов того времени, объединением общественно-политических деятелей разных направлений, выступавших против европейских войн. Так, на первом конгрессе, состоявшемся в сентябре 1867 г., председательствовал Гарибальди, членом комитета конгресса был также Бакунин²⁹⁰. Второй конгресс прошел спустя год в Берне; к этому времени Элпидин с его окружением и сблизившийся с ним Бакунин подготовили издание первого номера журнала «Народное дело», вышедшего 1 сентября 1868 г. Текст журнала был

практически целиком написан Бакуниным²⁹¹. Бочкареву, посетившему собрания конгресса, не удалось встретиться со знаменитым революционером, хотя он всё же привез в Россию первый выпуск «Народного дела»²⁹²; вскоре именно этот экземпляр стал ходить по рукам в студенческой среде Петербурга.

В июле 1868 г., когда Бочкарев требовал от Элпидина возвращения его подписки, фотокарточки и денег, эмигрант поделился подозрениями со своими петербургскими адресатами – Солодовниковой и Суфциным. Как признавалась властям Солодовникова, еще весной 1867 г. она получила длинное письмо из-за границы с извещением о скором издании сочинений Чернышевского²⁹³. Вероятно, это было действительно так: в письме Солодовниковой Езерскому она спрашивала у него: «Не знаете ли Вы, кто была урожденная теперешняя m-me или г. Фольк? <...> Она также не чужда возобновлять старые связи, но я бы была очень рада узнать её происхождение»²⁹⁴. Должно быть, переписка завязалась по инициативе Элпидина, который еще от Худякова или по каким-то иным каналам знал о Солодовниковой.

В письме от 4 (16 по н. ст.) июля, прикрываясь предпринимательской терминологией, он упомянул, что к нему приехал «экскommerсант Бочкарев». Элпидин интересовался у своих адресатов «торговыми делами Вос. и его К^о (подразумевался, безусловно, кружок Воскресенского. – В.К.), насколько он имеет к Вам или Вашим родственникам отношение»²⁹⁵. К письму прилагался отдельный лист с изложенной на ней «Историей начала и конца миссии Бочкарева», в которой ироничным языком излагалась история пребывания сморгонца в гостях у эмигрантов. Вернувшийся из-за границы в конце сентября Бочкарев не мог знать, что в это же время, по случайному совпадению, полиция арестовала Солодовникову, и ей в руки попало письмо Элпидина²⁹⁶. Так начались поиски неизвестного политическому сыску Бочкарева, который был арестован 12 октября²⁹⁷.

В ходе долгих допросов и в виду избобличающих показаний арестованного тогда же Розанова Бочкарев сознался в своем общении с политическими эмигрантами²⁹⁸, однако при анализе показаний становится ясно, что он сглаживал наиболее «опасные» факты своей истории, придумывая для них относительно правдоподобные объяснения. Он описал случайную встречу с Николадзе, упомянул переданные им же, а не петербургским кружком, рукопись Консидерана, записку и 40 рублей, полностью отрицал свое знакомство с революционным подпольем. Свидетельства Элпи-

дина и Розанова о его революционных и противоправительственных взглядах он либо отвергал, утверждая, что это выдумки Элпидина, либо пытался интерпретировать их в ключе славянских интересов.

Так, на вопрос, кого Бочкарев подразумевал под словом «мы», говоря о соединении «нашего» движения со славянским, он отвечал: «Легко могло случиться, что я говорил Элпидину, что полное освобождение всех славянских народов и образование славянской федерации будет иметь влияние и на правильное развитие у нас гражданской свободы. Если я употреблял “мы”, то подразумевал тех славян, с которыми мне приходилось сходиться»²⁹⁹. Или, скажем, списки людей, среди которых Элпидин, согласно фразе из письма, увидел «очень почтенные фамилии», состояли, по словам Бочкарева, из его знакомых славян и «литераторов разных направлений»³⁰⁰.

Очные ставки с Розановым и Печаткиным не поколебали его тактику отрицания³⁰¹. Следствие не смогло добиться от Бочкарева чего-то большего. Просидев в заключении в Петропавловской крепости, в конце декабря 1868 г. он был выслан административным порядком на родину в Осташков, с учреждением за ним полицейского надзора³⁰². В следственных материалах не единожды подчеркивалось «упорство» арестованного³⁰³. Участие Бочкарева в революционном движении на этом закончилось.

Любопытно, что ровно за день до ареста Бочкарева, 11 октября, на допрос в следственную комиссию был вызван Черкезов, в виду разбирательства о кассе взаимопомощи, в которой участвовал Кипиани³⁰⁴. Успел ли Бочкарев узнать о том, что на допросе был его товарищ? Возможно, да. По крайней мере, это объясняет, почему он не скрывал своего знакомства с Черкезовым и в то же самое время не выдал более ни одного из участников «Сморгонской академии». (Нет никаких сомнений на основании других источников и упоминаний, что Бочкарев выдавал себя за «члена революционных обществ», в том, что он ездил за границу не по индивидуальному поручению Черкезова, даже если инициатива миссии принадлежала лишь молодому грузинскому князю.) Бочкарев, возможно, предполагал, что Черкезова могут допросить на предмет их знакомства друг с другом, и потому скрывать этот факт было бы опасно. 14 октября, давая показания, в которых Бочкарев перечислял своих знакомых, он писал, что знаком с Черкезовым по «славянской кухмистерской»³⁰⁵.

Исследователи отмечали, что благодаря стойкому поведению Бочкарева под следствием «Сморгонская академия» так и не была раскрыта³⁰⁶. С этим выводом нельзя не согласиться. Арест Бочкарева, произошедший вскоре по возвращении его из-за границы, мог также насторожить петербургское тайное общество и заставить его отказаться от идеи наладить связи с революционной эмиграцией. Также возможно, что к этому времени они уже не придавали большого значения или же вовсе перестали верить мифу о Европейском революционном комитете, с членами которого настойчиво пытался познакомиться Бочкарев. Другими причинами, по которым сморгонцы не предпринимали новых попыток выйти на связь со швейцарскими эмигрантами, могли быть их разочарование в личности Элпидина или иные устремления, цели и задачи, которые они ставили перед собой на рубеже 1868–1869 гг. — времени, когда недолговременное затишье эпохи «белого террора» сменилось волной студенческих волнений и последовавшим за ней нечаевским делом.

Радикализм, которого не было?..

Изложенные ранее факты жизни и деятельности участников кружка резко контрастируют с приведенными во введении выводами ряда исследователей о значительной роли радикальных взглядов в тайном обществе «Сморгонская академия». Это недоумение, напомним, вызвано как недостатком данных о русском революционном движении второй половины 1860-х гг. и истории «Сморгоны» в частности, так и историографической традицией рассмотрения революционного сообщества как полноценной контрсистемы с высоким организационным и идейным уровнем. В виду этой традиции квазирадикализм обычно воспринимался не отдельным и самостоятельным явлением в общественной мысли, а доказательством и фоном действительного революционного радикализма.

Еще одной причиной, повлекшей перенос на сморгонцев не присущих им радикальных взглядов, было представление об идейной связи ишутинского кружка (о спорности радикализма которого уже говорилось в первой главе) и нечаевского дела. Как писал Клевенский, «Нечаев в произведениях конца 60-х гг. гово-

рит об ишутинцах, как о своих непосредственных предшественниках, как о революционерах, которые до известной степени послужили для него образцом. Он имел право так говорить, — идеологическое и психологическое родство ишутинцев с нечаевцами несомненно»³⁰⁷. В «Сморгонской академии», расположенной хронологически между двумя этими явлениями, состояли как бывшие ишутинцы, так и будущие нечаевцы, что приводило исследователей к тезису о единой преемственной линии в революционном движении времен «белого террора».

Но так ли это было? Участие ряда сморгонцев в ишутинском кружке было во многом эпизодическим элементом в их биографии. Примеры влияния идей, обсуждаемых в ишутинском обществе, были приведены ранее, однако ни следственные материалы, ни воспоминания современников не позволяют говорить, что кто-либо из сморгонцев пытался повторить опыт Каракозова или же создать какое-либо подобие ишутинского «Ада». Нестабильность личного состава различных кружков и групп, размытость границ революционного сообщества и переплетение личных связей позволяют приписать практически любому участнику революционного подполья участие в обсуждении радикальных идей — лишь на том основании, что он мог несколько раз встречаться с кем-либо, кто эти идеи точно обсуждал. Да и сам факт обсуждения нередко мог сводиться к безобидным квазирадикальным высказываниям.

Козьмин при исследовании «Сморгонской академии» пришел к выводу, что «мысль о цареубийстве в 1868–1869 гг. носилась в воздухе»³⁰⁸. Таковым ли был воздух в тайном обществе «Сморгонь»? Следственные показания Кунтушева, согласно которым в коммуне сморгонцев собиравшаяся молодежь читала сочинения Чернышевского, проводила попойки и обсуждала каракозовское покушение, следует воспринимать критически. По его словам, «одни ругали Каракозова, другие находили в его поступках ту пользу, что молодежь, вместо того, чтобы заботиться лишь о собственной пользе, стала выставлять план пользе общества»³⁰⁹. Даже основываясь на этой формулировке, сложно говорить об одобрении — тем более единогласном — действий Каракозова; скорее речь шла о жертвенности, способности думать не только о «собственной пользе». Стоит также вспомнить, что Кунтушев в этих же показаниях утверждал, что «настоящей целью» всех собраний «Сморгонской академии» была подготовка освобождения Чернышевского³¹⁰, и при этом уровень реализации этой

идеи не позволяет доверять его словам о принципиальной важности этой мысли для сморгонцев, отправивших на исполнение поручения почти случайного человека (т. е. самого Кунтушева). Может быть, услышанные им обсуждения каракозовского покушения были также неверно интерпретированы? И это, подчеркнем, единственное прямое свидетельство обсуждения террористических идей в «Сморгонской академии» – и как же далеко ему до обвинений в создании крупнейшей террористической организации второй половины 1860-х гг.!

Пример, показывающий, по мнению Козьмина, характер разногласий в среде революционной молодежи по вопросу о цареубийстве³¹¹, почерпнут из разговора бывшего сморгонца Гончарова с агентом III отделения, состоявшегося в 1870 г. Не подозревая о работе собеседника на политический сыск, Гончаров «...на вопрос агента, в каких сношениях Сергиевский был с Каракозовым, сказал: “Сергиевский, подобно мне, всегда был против цареубийства, и однажды, заспорив об этом с Каракозовым, отваял его нагайкою. Теперь дураки опять кричат, что надо убить царя; и ведь целую теорию придумали; говорят, что пока нынешний царь жив, то народ ни на какую революцию не пойдет, потому что народ слишком любит этого царя”»³¹². Эпизод с нагайкой, наверное, являлся выдумкой – сложно представить подобные отношения между едва знакомыми в начале 1866 г. Сергиевским и Каракозовым. Тем не менее, услышанное агентом мнение Гончарова является подтверждением того, что и Гончаров, и Сергиевский (оба – члены «Сморгонской академии») считали скорее правильным «отвалять нагайкой» цареубийцу, чем согласиться с его предложениями.

Исследователи нередко оценивают позицию беспринципности, неразборчивости в средствах для достижения революционной цели как свидетельство радикализма. Тот факт, что Бочкарев во время общения с Элпидиным, по словам Розанова, часто выставлял себя «ярким революционером, соглашался на всякие средства»³¹³, позволил Гросулу сделать вывод, что Бочкарев, даже будучи «душевно чистым, гуманным человеком», придерживался принципа «цель оправдывает средства». Это было, как считал историк, следствием «обстановки, порожденной “белым террором”, что побуждало ряд революционеров переходить на “крайние средства”»³¹⁴. Подобное рассуждение кажется сомнительным. Бочкарев, напомним, говорил Элпидину, что он и его товарищи готовы «хотя бы завтра» произвести государственный перево-

рот³¹⁵. Что же это, как не свидетельство показной революционности, попытки войти в доверие к эмигранту, тянувшему время и не желавшему знакомить посланника из России с Европейским революционным комитетом? Оценивать эти фразы как реальные взгляды Бочкарева неверно.

В исторической литературе также распространена точка зрения, согласно которой важную роль в руководстве «Сморгонской академии» играл Ткачев, оказавший влияние на якобинские (бланкистские, заговорщические) взгляды кружка и на его радикальное направление в целом. Отдельно хотелось бы задать вопрос: какие конкретно взгляды мог пропагандировать Ткачев в конце 1860-х гг., могли ли они полностью совпадать с четко сформулированной заговорщической концепцией времен «Набата»? Козьмин считал, что хотя Ткачев в 1860-е гг. «обладал уже твердо установившимся и в общих чертах законченным мирозерцанием», «восстановить это мирозерцание в полном объеме — дело весьма нелегкое», что объясняется как цензурными условиями легальной публицистики, так и ограниченным кругом вопросов, которые затрагивались Ткачевым в его в основном литературных работах³¹⁶. Как нетрудно заметить, подобные «белые пятна» оставляют простор для самых различных предположений о конкретных идеях, которые мог высказывать известный революционер до своего знакомства и сотрудничества с Нечаевым.

Но гораздо важнее отсутствие свидетельств, которые бы позволяли говорить о руководящей роли Ткачева в «Сморгонской академии», а значит, и о преимущественном влиянии его идей, какими бы они в тот момент не были. Имя Ткачева в источниках, описывающих собрания «Сморгоны», фигурирует нечасто: популярного деятеля на вечерах в кухмистерской Козловской видел Свешников, об этом же упоминала в следственных показаниях Л. Колачевская (не уточняя, что эти вечера организовывала «Сморгонская академия»)³¹⁷. Косвенно о связях Ткачева со сморгонцами могут говорить и рассмотренные выше факты его контактов с Антоновой или типографией Серебренникова. Но с ним же, например, был знаком и лидер «умеренной партии» студенческих волнений Езерский: будучи подследственным по нечаевскому делу, Езерский говорил, что ценил «знакомство литературное для своих выгод» и потому был пару раз в гостях у Ткачева, обсуждая с ним литературные вопросы и приглашая его на университетский бал³¹⁸; вокруг Езерского даже ходили слухи, что он мог сотрудничать с Ткачевым по студенческому вопросу, совмест-

но организуя кассу «страхования» пострадавших за участие в студенческом движении³¹⁹. Этого, однако, недостаточно, чтобы считать Езерского сторонником революционных и заговорщических взглядов или предполагать, что он каким-то образом был ведомым в общественном движении со стороны Ткачева – почему же подобная логика применима к «Сморгонской академии»?

Напомним, что на одном из вечеров «Сморгонии» выступал Писарев – вероятно, его критика «чистого искусства» импонировала сморгонцам. Вместе с тем не стоит считать их безусловными поклонниками творчества этого писателя. Так, говоря об ишутинском кружке, Черкезов вспоминал, что, несмотря на хорошие, «личные и литературные», отношения ишутинцев с «людьми писаревского реализма», эти отношения были «всегда с оттенком дружественной иронии»³²⁰. Ишутинец Николаев выражался еще конкретнее, вспоминая, что «мы не только не были поклонниками Писарева, но даже его яркими врагами, так как в его деятельности видели значительное отклонение от основных идей Чернышевского о службе народу и, главным образом, крестьянству»³²¹. Возможно, это мнение ряда ишутинцев разделяли и сморгонцы. Скепсис и ирония Писарева по отношению к интересу общества к народной жизни (как он утверждал, «изучать народное мирозерцание или, проще, народное суеверие нет никакой надобности»³²²) вряд ли могли бы понравиться поклонникам Чернышевского, а сморгонцы ими, разумеется, были.

Тем не менее, Писарев в качестве знаковой и влиятельной общественной фигуры был приглашен сморгонцами на их собрание, поскольку они стремились развивать свою кружковую деятельность, а не создавать законспирированную тайную организацию узкой направленности. Так что прямое отождествление взглядов сморгонцев с идеями деятелей, посещавших их интеллектуальные вечера (исходя только из подобного косвенного доказательства), не выдерживает критики. Ранее уже упоминался московский кружок «вертепников» второй половины 1850-х гг.: на его собраниях частым гостем был известный славянофил А.С. Хомяков, чье присутствие нужно было для развития различных «философских споров» и дискуссий³²³; считать «вертепников» на этом основании поклонниками славянофильства, пожалуй, было бы странно. Визиты в «Сморгонскую академию» практически в одно и то же время Писарева и Ткачева – свидетельство размытости политической платформы сморгонцев, при которой было бы невозможно серьезное обсуждение и, тем более, претворение

в жизнь радикальных взглядов. Привлечение к собраниям кружка представителей разных течений способствовало разнообразию обсуждаемых тем и популярности кружка, обеспечивало приток новых людей.

«Таких социалистов на один час, социалистов не по убеждению, а по чувству, у нас больше чем где-нибудь, и ошибочно было бы видеть в них врагов общественного устройства», – писал участвовавший в нечаевском процессе адвокат К.К. Арсеньев. По его мнению, «социалистические тенденции часто составляют только эпизод в жизни молодого человека и проистекают из искреннего чувства любви к народу»³²⁴. Возможно, некоторые из лиц, увиденных Арсеньевым среди нечаевцев и их близких, бывали в 1867–1869 гг. на собраниях «Сморгони». В ряде случаев, конечно, революционная деятельность сморгонцев длилась дольше «одного часа», растягиваясь на много лет, но большинство из них всё же остались в истории эпизодическими фигурами. Созданная ими «Сморгонская академия» не была оформленной революционной организацией; она объединяла «революционеров по чувству», а не по конкретным (бланкистским, анархистским или иным) взглядам. Отдельные проявления более серьезной конспиративной деятельности, рассмотренные в данной главе, были плохо организованы и бессистемны. Некоторые сморгонцы, увлекшись подъемом общественного движения на рубеже 1868–1869 гг., не могли удовлетвориться этими рамками и стали искать новые формы деятельности, что предопределило самороспуск тайного общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 434. Ч. 1. Л. 85–85 об.

² ГА РФ. Ф. 109. Оп. 153 (3 эксп., 1868 г.). Д. 181. Л. 33, 79. Подробнее об участии Пеньковского в казанском деле см.: *Козьмин Б.П.* Революционное подполье в эпоху «белого террора». – М., 1929. С. 11–16.

³ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 434. Ч. 2. Л. 3 об., 194.

⁴ Там же. Ч. 1. Л. 84.

⁵ Там же. Л. 84–85, 291.

⁶ Там же. Д. 427. Л. 123; Там же. Д. 430. Л. 56.

⁷ Там же. Д. 430. Л. 56.

⁸ См., например: Покушение Каракозова. Стенографический отчет по делу Д. Каракозова, И. Худякова, Н. Ишутина и др. Т. 2. – М.; Л., 1930. С. 97–99.

⁹ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 430. Л. 77 об.

¹⁰ Там же. Л. 56.

¹¹ Там же. Д. 434. Ч. 2. Л. 194; Там же. Д. 430. Л. 77–77 об.; *Свешников Н.И.* Воспоминания пропавшего человека. – М., 1996. С. 80. Адреса уточнены по следующему изданию: Всеобщий календарь на 1869 г. С приложением таблицы домов и улиц Санкт-Петербурга, новейшего плана Санкт-Петербурга и планов Санкт-петербургского и московского театров и стенного календаря. – СПб., 1868.

¹² *Свешников Н.И.* Указ. соч. С. 80.

¹³ *Золотоносов М.Н., Калиновский Ю.Ю.* Бронзовый век: Каталог памятников, памятных знаков, городской и декоративной скульптуры Ленинграда – Петербурга 1985–2003 гг. – СПб., 2005. С. 421.

¹⁴ *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений. В 30 т. Т. 7: Преступление и наказание. Рукописные редакции. – Л., 1973. С. 207.

¹⁵ Там же. С. 196. Также см. комментарии к этим фрагментам: Там же. С. 322–323.

¹⁶ Деятели революционного движения в России: Биобиблиографический словарь. От предшественников декабристов до падения царизма. Т. 1. Ч. 2. – М., 1928. Стб. 49; ГА РФ. Ф. 109. Оп. 154 (3 эксп., 1869 г.). Д. 104. Ч. 1. Л. 95–95 об.

¹⁷ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 434. Ч. 1. Л. 84, 85; Там же. Ч. 2. Л. 194 об. Деятели революционного движения. Т. 1. Ч. 2. Стб. 198–199.

¹⁸ *Виленская Э.С.* Революционное подполье в России (60-е годы XIX в.). – М., 1965. С. 305, 362, 390 и др.

¹⁹ Покушение Каракозова. Т. 1. – М., 1928. С. 41.

²⁰ Цит. по: *Евгеньев В.* Дело Каракозова и редакция «Современника» (По неизданным материалам) // Заветы. 1914. № 6. С. 84.

²¹ *Лопатин Г.А.* Воспоминания об И.А. Худякове // Герман Александрович Лопатин (1845–1918). Автобиография. Показания и письма. Статьи и стихотворения. Библиография. – Пг., 1922. С. 139.

²² Там же.

²³ *Виленская Э.С.* Революционное подполье в России. С. 305.

²⁴ *Баренбаум И.Е.* «Издательская артель» И.А. Рождественского и П.В. Михайлова и революционное подполье середины 60-х гг. XIX в. // Федоровские чтения 1975. История революционной печати. Сборник научных трудов. – М., 1977. С. 77–87; *Виленская Э.С.* Революционное подполье в России. С. 363–371. См. также архивные дела Путятты, Михайлова и Рождественского с их показаниями и документами артели: ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 214, 220, 246.

²⁵ Деятели революционного движения. Т. 2. Вып. 2. – М., 1930. Стб. 198–199.

²⁶ [*Комарова А.А.*] Одна из многих. Из записок нигилистки. – СПб., 1881. С. 61.

²⁷ Там же. С. 67.

²⁸ Покушение Каракозова 4 апреля 1866 г. // Красный архив. 1926. № 4 (17). С. 109.

²⁹ *Черевин П.А.* Записки П.А. Черевина (Новые материалы по делу каракозовцев). – Кострома, 1918. С. 25; *Худяков И.А.* Записки каракозовца. – М.; Л., 1930. С. 128–130.

- ³⁰ Худяков И.А. Указ. соч. С. 109.
- ³¹ Письма М.А. Мотковой к Н.А. Гернету (1867–69 гг.) // Каторга и ссылка. 1933. № 4–5 (101–102). С. 99–100.
- ³² Деятели революционного движения. Т. 1. Ч. 2. Стб. 255.
- ³³ Там же. Стб. 67.
- ³⁴ Письма М.А. Мотковой к Н.А. Гернету. С. 99.
- ³⁵ Там же. С. 98, 101.
- ³⁶ См., например: Козьмин Б.П. Революционное подполье в эпоху «белого террора». С. 135, 162.
- ³⁷ См., например, анализ показаний Петерсона, Юрасова, Ишутина: Филиппов Р.В. Революционная народническая организация Н.А. Ишутина – И.А. Худякова (1863–1866). – Петрозаводск, 1964. С. 36–37.
- ³⁸ Тайные общества // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 32а (64). – СПб., 1901. С. 503–504.
- ³⁹ Бокова В.М. Эпоха тайных обществ. Русские общественные объединения первой трети XIX в. – М., 2003. С. 611.
- ⁴⁰ См. подробнее: Некрылова А.Ф. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища. Конец XVIII – начало XX века. – СПб., 2004. С. 57–59.
- ⁴¹ Водовозова Е.Н. На заре жизни. Т. 2. М.; Л., 1964. С. 217, 338, 339, 544.
- ⁴² Свешиников Н.И. Указ. соч. С. 80.
- ⁴³ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 434. Ч. 2. Л. 130–130 об., 196.
- ⁴⁴ Там же. Л. 130 об.
- ⁴⁵ Там же. Л. 194–194 об.
- ⁴⁶ Там же. Д. 430. Л. 56 об.
- ⁴⁷ Там же. Д. 427. Л. 254.
- ⁴⁸ Гольденберг Л.Б. Воспоминания // Каторга и ссылка. 1924. № 3 (10). С. 99–100.
- ⁴⁹ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 434. Ч. 1. Л. 84.
- ⁵⁰ Деятели революционного движения. Т. 1. Ч. 2. Стб. 72.
- ⁵¹ Покушение Каракозова. Т. 2. С. 89–93.
- ⁵² ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 430. Л. 56 об.; Там же. Д. 427. Л. 119; Свешиников Н.И. Указ. соч. С. 80.
- ⁵³ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 430. Л. 56 об.; Николаевский Б. Варлаам Николаевич Черкезов (1846–1925) // Каторга и ссылка. 1926. № 4 (25). С. 224.
- ⁵⁴ См. подробнее: Козьмин Б.П. Революционное подполье в эпоху «белого террора». С. 23–24, 167–169.
- ⁵⁵ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 427. Л. 123–123 об.
- ⁵⁶ Там же. Л. 102.
- ⁵⁷ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 153 (3 эксп., 1868 г.). Д. 181. Л. 17 об.–18, 22 об., 25.
- ⁵⁸ Найденное полицией письмо Кипиани Черкезову датируется 18 ноября 1867 г., а допросы полицией Кипиани и Черкезова, подтвердившие, что в это время они уже не общались, происходили осенью 1868 г. (Там же. Л. 19 об.). Соответственно, их отношения ухудшились где-то между этими событиями.
- ⁵⁹ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 427. Л. 91 об., 101 об.; Нечаев и нечаевцы. Сборник документов / Подгот. к печати Б.П. Козьмин. М.; Л., 1931. С. 76.
- ⁶⁰ Деятели революционного движения. Т. 1. Ч. 2. Стб. 369–370; ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 430. Л. 56 об.

⁶¹ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 434. Ч. 1. Л. 86 об.

⁶² Там же. Л. 238.

⁶³ Там же. Ч. 2. Л. 194 об.; ГА РФ. Ф. 109. Оп. 154 (3 эксп., 1869 г.). Д. 104. Ч. 1. Л. 171.

⁶⁴ *Рашковский А.Л.* Вятский изобретатель А.А. Полумордвинов // Герценка: Вятские записки. Научно-популярный альманах. Вып. 7. Киров, 2004. С. 93; *Его же.* Изобретатель цветного телевидения и читатель Герценки. К юбилею библиотеки. Александр Аполлонович Полумордвинов. Трагическая судьба вятского гения // Вятский наблюдатель. Информационно-аналитический еженедельник. 01.10.2012. URL: <http://www.nabludatel.ru/new/2012/10/01/k-yubileyu-biblioteki-3> (дата обращения: 27.06.2016). Об Обреимове, Тетюшиновой и Павленкове см. подробнее: Деятели революционного движения. Т. 1. Ч. 2. Стб. 301–302; Там же. Т. 2. Вып. 3. – М., 1931. Стб. 1067; Там же. Т. 2. Вып. 4. – М., 1932. Стб. 1696.

⁶⁵ *Свешников Н.И.* Указ. соч. С. 80.

⁶⁶ Деятели революционного движения. Т. 1. Ч. 2. Стб. 381.

⁶⁷ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 430. Л. 55, 77.

⁶⁸ ГА РФ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 19. Л. 144; Деятели революционного движения. Т. 1. Ч. 2. Стб. 161.

⁶⁹ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 154 (3 эксп., 1869 г.). Д. 104. Ч. 1. Л. 202–202 об.; Нечаев и нечаевцы. С. 205.

⁷⁰ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 430. Л. 55 об., 77 об.

⁷¹ Там же. Л. 54–56 об., 77; Там же. Д. 434. Ч. 1. Л. 236 об., 237; Там же. Ч. 2. Л. 194 об., 195 об.

⁷² Там же. Д. 430. Л. 55 об.; Там же. Д. 434. Ч. 1. Л. 55, 85; Там же. Ч. 2. Л. 132.

⁷³ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 154 (3 эксп., 1869 г.). Д. 104. Ч. 1. Л. 203 об.

⁷⁴ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 430. Л. 55–55 об., 56 об., 77; Деятели революционного движения. Т. 1. Ч. 2. Стб. 274; Нечаев и нечаевцы. С. 212.

⁷⁵ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 430. Л. 55 об., 56 об.; Там же. Д. 434. Ч. 2. Л. 194 об.

⁷⁶ Там же. Д. 430. Л. 54; Там же. Д. 434. Ч. 2. Л. 194 об.; *Свешников Н.И.* Указ. соч. С. 80.

⁷⁷ См., например: *Меламед Е.И.* Орфанов Михаил Иванович // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 4. – М., 1999. С. 452.

⁷⁸ *Физиков В.М.* Материалы к научной биографии М.И. Орфанова // Фольклор и литература Сибири. Омск, 1980. С. 108–109.

⁷⁹ См., например: ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 434. Ч. 1. Л. 243–243 об.; ГА РФ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 71. Л. 8 об.

⁸⁰ ГА РФ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 71. Л. 12, 13–13 об., 24–24 об.

⁸¹ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 276. Л. 1.

⁸² Там же. Л. 6.

⁸³ ГА РФ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 71. Л. 33–33 об.

⁸⁴ *Меламед Е.И.* Указ. соч. С. 452.

⁸⁵ ГА РФ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 71. Л. 27 об.

⁸⁶ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 430. Л. 55.

⁸⁷ *Меламед Е.И.* Указ. соч. С. 453.

⁸⁸ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 434. Ч. 2. Л. 195 об.

⁸⁹ Там же. Л. 132–132 об.

⁹⁰ Этот факт устанавливается свидетельством Свешникова, писавшего, что Щербатов и Орфанов присоединились к коммуне, когда она «разрослась» и переехала на Среднюю Мещанскую (*Свешников Н.И.* Указ. соч. С. 80). Напомним, что Щербатов жил в Петербурге в ноябре – декабре 1867 г. По сведениям полиции, в квартире на 7-й линии Васильевского острова Орфанов не проживал (ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 430. Л. 55 об.).

⁹¹ Там же. Д. 434. Ч. 1. Л. 237 об., 238 об.

⁹² Сергиевский в своих показаниях говорил, что Бобарыкова он «случайно встречал несколько раз», а его жену и вовсе не знает. Впрочем, на этой же странице им сказано, что знакомство с Колачевским состоялось уже в 1868 г., когда они собирались ехать на юг (Там же. Ч. 2. Л. 132 об.). Это странно, ведь Сергиевский не мог не видеть Колачевского на собраниях ОВВ в 1866 г.! Должно быть, в этом месте он намеренно преуменьшал круг своих знакомств, что коснулось и свидетельства о Бобарыковых.

⁹³ *Козьмин Б.П.* Революционное подполье в эпоху «белого террора». С. 21–22.

⁹⁴ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 427. Л. 259.

⁹⁵ Нечаев и нечаевцы. С. 174.

⁹⁶ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 434. Ч. 1. Л. 238 об.

⁹⁷ *Свешников Н.И.* Указ. соч. С. 82.

⁹⁸ Нечаев и нечаевцы. С. 174.

⁹⁹ Там же. С. 178.

¹⁰⁰ См. подробнее: *Стеклов Ю.* Вокруг процесса Н.Г. Чернышевского. (Обзор новых документов) // Красная новь. 1927. № 4. С. 150–151.

¹⁰¹ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 214. Л. 45 об.

¹⁰² *Евстигнеева Л.А.* Роман Л.Ф. Нелидовой «На малой земле» как источник для биографии Слепцова // Литературное наследство. Т. 71. – М., 1963. С. 508.

¹⁰³ ГА РФ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 71. Л. 27 об.

¹⁰⁴ *Свешников Н.И.* Указ. соч. С. 80.

¹⁰⁵ *Козьмин Б.П.* Революционное подполье в эпоху «белого террора». С. 136.

¹⁰⁶ *Стеклов Ю.* Вокруг процесса Н.Г. Чернышевского. С. 150–151.

¹⁰⁷ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 434. Ч. 2. Л. 195 об.–196.

¹⁰⁸ Там же. Д. 424. Л. 95.

¹⁰⁹ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 153 (3 эксп., 1868 г.). Д. 161. Ч. 1. Л. 124; ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 424. Л. 109, 113.

¹¹⁰ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 153 (3 эксп., 1868 г.). Д. 161. Ч. 2. Л. 16–18.

¹¹¹ Деятели революционного движения. Т. 2. Вып. 2. Стб. 606.

¹¹² Там же. Т. 1. Ч. 2. Стб. 174; Нечаев и нечаевцы. С. 22.

¹¹³ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 430. Л. 56.

¹¹⁴ Там же. Д. 434. Ч. 2. Л. 195 об.

¹¹⁵ *Виленская Э.С.* Революционное подполье в России. С. 327.

¹¹⁶ Деятели революционного движения. Т. 1. Ч. 2. Стб. 430; Революционная ситуация в России в середине XIX века. Коллективная монография / Под

ред. М.В. Нечкиной. – М., 1978. С. 412; *Виленская Э.С.* Революционное подполье в России. С. 306, 325–326.

¹¹⁷ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 434. Ч. 1. Л. 237–237 об.; *Козьмин Б.П.* Революционное подполье в эпоху «белого террора». С. 138.

¹¹⁸ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 434. Ч. 2. Л. 195 об.

¹¹⁹ *Виленская Э.С.* Революционное подполье в России. С. 327.

¹²⁰ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 434. Ч. 2. Л. 131 об.

¹²¹ Там же. Л. 131 об., 196; *Виленская Э.С.* Революционное подполье в России. С. 327.

¹²² ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 434. Ч. 2. Л. 131–132.

¹²³ Там же. Л. 196.

¹²⁴ *Чмырь С.Г.* Шраг Илья Людвигович // Государственная дума Российской империи. 1906–1917. Энциклопедия. – М., 2008. С. 706.

¹²⁵ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 434. Ч. 1. Л. 238; *Козьмин Б.П.* Революционное подполье в эпоху «белого террора». С. 138–139.

¹²⁶ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 434. Ч. 2. Л. 131.

¹²⁷ *Свешников Н.И.* Указ. соч. С. 80; ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 434. Ч. 2. Л. 195 об.–196.

¹²⁸ Деятели революционного движения. Т. 1. Ч. 2. Стб. 177.

¹²⁹ Письма М.А. Мотковой к Н.А. Гернету. С. 105.

¹³⁰ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 154 (3 эксп., 1869 г.). Д. 104. Ч. 1. Л. 24 об.; Нечаев и нечаевцы. С. 30.

¹³¹ Цит. по: *Козьмин Б.П.* Революционное подполье в эпоху «белого террора». С. 138.

¹³² ГА РФ. Ф. 109. Оп. 154 (3 эксп., 1869 г.). Д. 104. Ч. 1. Л. 120–120 об.

¹³³ Там же. Л. 200 об.–201.

¹³⁴ Деятели революционного движения. Т. 1. Ч. 2. Стб. 177; ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 434. Ч. 1. Л. 55.

¹³⁵ Деятели революционного движения. Т. 1. Ч. 2. Стб. 176; ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 430. Л. 64 об., 66 об.; *Виленская Э.С.* Революционное подполье в России. С. 245, 271, 277, 280.

¹³⁶ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 430. Л. 56 об.

¹³⁷ Там же. Д. 434. Ч. 1. Л. 55.

¹³⁸ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 154 (3 эксп., 1869 г.). Д. 112. Ч. 2. Л. 67, 127; Там же. Ч. 3. Л. 159–160 об.

¹³⁹ Деятели революционного движения. Т. 1. Ч. 2. Стб. 272; ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 430. Л. 56–56 об.

¹⁴⁰ Деятели революционного движения. Т. 2. Вып. 1. – М., 1929. Стб. 294–295.

¹⁴¹ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 434. Ч. 2. Л. 132–132 об.

¹⁴² Там же. Ч. 1. Л. 236 об.–237.

¹⁴³ *Козьмин Б.П.* Революционное подполье в эпоху «белого террора». С. 147.

¹⁴⁴ Письма М.А. Мотковой к Н.А. Гернету. С. 109.

¹⁴⁵ О них см. подробнее: Деятели революционного движения. Т. 1. Ч. 2. Стб. 89; Там же. Т. 2. Вып. 4. Стб. 1584. Также см. показания Софинского о его знакомствах в Петербурге: ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 434. Ч. 1. Л. 51–55 об.

- ¹⁴⁶ Виленская Э.С. Революционное подполье в России. С. 223, 229, 393.
- ¹⁴⁷ Гольденберг Л.Б. Указ. соч. С. 99–100.
- ¹⁴⁸ Свешиников Н.И. Указ. соч. С. 79–80, 295.
- ¹⁴⁹ Там же. С. 80.
- ¹⁵⁰ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 430. Л. 77.
- ¹⁵¹ Свешиников Н.И. Указ. соч. С. 81.
- ¹⁵² Там же; ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 434. Ч. 2. Л. 196.
- ¹⁵³ Маркович С. Избранные сочинения. – М., 1956. С. 50.
- ¹⁵⁴ Козьмин Б.П. По страницам книг и журналов. Любен Каравелов и Светозар Маркович и их связи с русскими революционерами // Каторга и ссылка. 1933. № 4–5 (101–102). С. 154; Карасев В.Г. Светозар Маркович // Маркович С. Избранные сочинения. – М., 1956. С. 16.
- ¹⁵⁵ Маркович С. Избранные сочинения. С. 50–51.
- ¹⁵⁶ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 434. Ч. 1. Л. 238–238 об. См. подробнее: Козьмин Б.П. Революционное подполье в эпоху «белого террора». С. 139; Деятели революционного движения. Т. 2. Вып. 4. Стб. 1471–1472.
- ¹⁵⁷ О факте жительства Кипиани у Солодовниковой см.: ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 427. Л. 91 об. О ней см. подробнее: Козьмин Б.П. Революционное подполье в эпоху «белого террора». С. 18–20. Также см. характеристику Солодовниковой в документах III отделения: ГА РФ. Ф. 109. Оп. 153 (3 эксп., 1868 г.). Д. 181. Л. 23 об., 98–98 об.; ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 427. Л. 33.
- ¹⁵⁸ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 427. Л. 37, 39, 64; Деятели революционного движения. Т. 2. Вып. 4. Стб. 1797–1798; ГА РФ. Ф. 109. Оп. 153 (3 эксп., 1868 г.). Д. 181. Л. 16; Козьмин Б.П. Революционное подполье в эпоху «белого террора». С. 22, 165–166.
- ¹⁵⁹ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 427. Л. 46.
- ¹⁶⁰ Там же. Л. 123, 140; Там же. Д. 434. Ч. 2. Л. 195 об.
- ¹⁶¹ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 153 (3 эксп., 1868 г.). Д. 181. Л. 2; ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 427. Л. 37.
- ¹⁶² Серова В.С. Александр Николаевич Серов. Праздники и будни в нашей совместной жизни. Главы XII–XIII // Русская мысль. 1913. № 4. С. 9–10.
- ¹⁶³ Там же. С. 11.
- ¹⁶⁴ Погодин Д.М. Из воспоминаний // Исторический вестник. 1892. № 4. С. 52–54.
- ¹⁶⁵ Подробнее о кружке «вертепников» см., например: Клевенский М. «Вертепники» // Каторга и ссылка. 1928. № 10 (47). С. 18–43.
- ¹⁶⁶ Жуковская Е.И. Записки. – М., 2001. С. 257.
- ¹⁶⁷ Там же. С. 258.
- ¹⁶⁸ Стеклов Ю.М. Н.Г. Чернышевский. Его жизнь и деятельность. 1828–1889. Т. 2. М.; Л., 1928. С. 216.
- ¹⁶⁹ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 424. Л. 38 об.
- ¹⁷⁰ Там же.
- ¹⁷¹ Тихоцкий В. Подпольная типография долгушинского кружка // Огонек. 1925. № 22 (113). С. 7.
- ¹⁷² Короленко В.Г. Воспоминания о Чернышевском // Короленко В.Г. Собрание сочинений. В 5 т. Т. 3. Л., 1990. С. 519.
- ¹⁷³ Клевенский М.М. Н.Г. Чернышевский в нелегальной литературе 60–80-х гг. // Литературное наследство. Т. 25–26. – М., 1936. С. 558.

¹⁷⁴ См. подробнее: *Троицкий Н.А.* Восемь попыток освобождения Н.Г. Чернышевского // Вопросы истории. 1978. № 7. С. 122–141.

¹⁷⁵ См., например: Покушение Каракозова. Т. 1. С. 122, 129; ГА РФ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 16. Л. 424 об.; Там же. Д. 18. Л. 12 об.

¹⁷⁶ Покушение Каракозова. Т. 2. С. 237.

¹⁷⁷ Там же. Т. 1. С. 96; *Виленская Э.С.* Революционное подполье в России. С. 356, 360; *Филиппов Р.В.* Указ. соч. С. 180.

¹⁷⁸ Нечаев и нечаевцы. С. 52; ГА РФ. Ф. 109. Оп. 154 (3 эксп., 1869 г.). Д. 104. Ч. 1. Л. 24 об.

¹⁷⁹ *Ракитникова И.* Памяти Ф.А. Борисова // Каторга и ссылка. 1929. № 4 (53). С. 189.

¹⁸⁰ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 154 (3 эксп., 1869 г.). Д. 104. Ч. 1. Л. 202 об.–203.

¹⁸¹ ГА РФ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 18. Л. 8 об.–9 об.; Там же. Д. 20. Л. 28.

¹⁸² Нечаев и нечаевцы. С. 52, 216.

¹⁸³ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 430. Л. 77–78.

¹⁸⁴ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 154 (3 эксп., 1869 г.). Д. 104. Ч. 1. Л. 24 об.

¹⁸⁵ *Стеклов Ю.* Вокруг ссылки Н.Г. Чернышевского // Каторга и ссылка. 1927. № 4 (33). С. 191.

¹⁸⁶ *Грачев А.* «Прикосновенный к делу...» // Глубинка. Литературно-художественно-публицистический альманах. – Омск, 1998. № 3–4. С. 341–342.

¹⁸⁷ См. подробнее: *Михайлов-Другопольский Е.В.* Ровинский Павел Аполлонович // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 5. – М., 2007. С. 306–307; *Чернышевская-Быстрова Н.* Одна из попыток освобождения Н.Г. Чернышевского // Каторга и ссылка. 1931. № 5 (78). С. 126–127.

¹⁸⁸ *Гросул В.Я.* Российские революционеры в Юго-Восточной Европе (1859–1874 гг.). Кишинев, 1973. С. 306, 318–319. Версия историка проанализирована мной в отдельной статье (Под литерой «Р»). Из истории русского революционного подполья 1860-х гг. // Клио. 2014. № 8. С. 133–137), опубликованной также в приложении к данной книге.

¹⁸⁹ *Орфанов М.И.* В дали (Из прошлого). Рассказы из вольной и невольной жизни. – М., 1883. С. 21.

¹⁹⁰ Письма Г.А. Лопатина к В.Г. Короленко (из неопубликованной переписки) // Советские архивы. 1972. № 3. С. 95.

¹⁹¹ *Физиков В.М.* Указ. соч. С. 111–113, 116.

¹⁹² Бочкарев характеризовался в источниках как «осташковский мещанин», в то время как его мать, Т.Ф. Бочкарева была «купеческой вдовой» (ГА РФ. Ф. 109. Оп. 153 (3 эксп., 1868 г.). Д. 181. Л. 132–133).

¹⁹³ *Краснов П.С., Фомичев С.А., Тархова Н.А.* А.С. Грибоедов. Жизнь и творчество. Альбом. – М., 1994. С. 165, 171; *Преображенская И.С.* Судьба актрисы // *Орлова-Савина П.И.* Автобиография. – М., 1994. С. 26–27.

¹⁹⁴ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 427. Л. 131.

¹⁹⁵ Деятели революционного движения. Т. 1. Ч. 2. Стб. 314; Русско-польские революционные связи. Т. 2. – М., 1963. С. 547.

¹⁹⁶ Деятели революционного движения. Т. 1. Ч. 2. Стб. 315; *Виленская Э.С.* Революционное подполье в России. С. 333.

¹⁹⁷ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 427. Л. 132 об., 135 об., 158.

¹⁹⁸ См. подробнее: Деятели революционного движения. Т. 2. Вып. 1. Стб. 43–44, 220–221.

- ¹⁹⁹ Козьмин Б.П. Революционное подполье в эпоху «белого террора». С. 175.
- ²⁰⁰ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 427. Л. 132; ГА РФ. Ф. 109. Оп. 154 (3 эксп., 1869 г.). Д. 112. Ч. 1. Л. 235.
- ²⁰¹ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 427. Л. 134–135 об.
- ²⁰² Там же. Л. 137.
- ²⁰³ См. подробнее: Хитрова Н.И. Реакция русской периодической печати на черногорско-турецкую войну 1862 г. // Славяне и Россия: к 70-летию со дня рождения С.А. Никитина. – М., 1972. С. 130–137.
- ²⁰⁴ См. подробнее: Выдурин Р.И. Национальный вопрос в русском общественном движении // Голос минувшего. 1915. № 1. С. 111–112.
- ²⁰⁵ См., например: Никитин С.А. Русское общество и вопросы балканской политики России. 1853–1876 гг. // Славяне и Россия: к 110-летию со дня рождения С.А. Никитина. – М., 2013. С. 250–263, 269–270; Ерихоннов Л.С. Русские революционные демократы и общественная мысль южных славян в 60–70-х годах XIX века. – М., 1950. С. 36–45.
- ²⁰⁶ См., например: Билунов Б.Н., Бычваров М. Влияние Н.Г. Чернышевского на болгарскую общественную мысль // Болгария и Россия. Сборник трудов Б.Н. Билунова. – М., 1996. С. 218–219.
- ²⁰⁷ Перович Л. Магия русского бунта. О влиянии русских радикалов на сербов // Родина. 2001. № 1–2. С. 122.
- ²⁰⁸ См. текст статьи: Герцен А.И. Собрание сочинений. В 30 т. Т. 19: Статьи из «Колокола» и другие произведения 1866–1867 годов. – М., 1960. С. 231–232.
- ²⁰⁹ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 427. Л. 173–173 об.
- ²¹⁰ Там же. Л. 135 об.
- ²¹¹ Там же. Л. 132 об.–133.
- ²¹² Козьмин Б.П. Революционное подполье в эпоху «белого террора». С. 40.
- ²¹³ Гросул В.Я. Российские революционеры в Юго-Восточной Европе. С. 290–291.
- ²¹⁴ См., например: Омладина // Советская историческая энциклопедия. Т. 10. – М., 1967. Стб. 552; Карасев В.Г., Конобеев В.Д. О связях русских, сербских и болгарских революционеров в 60–70-х годах XIX века. – М., 1966. С. 8; Виктор-Топоров В. Светозар Маркович (страница из истории общественных движений в Сербии) // Голос минувшего. 1913. № 3. С. 33–34; [Маркович С.] Политическое и экономическое положение рабочего класса в Сербии // Народное дело. 1870. № 3. С. 4.
- ²¹⁵ Козьмин Б.П. Революционное подполье в эпоху «белого террора». С. 43–44.
- ²¹⁶ Там же. С. 45–46; Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского. 40–80 годы XIX века. – М., 1975. С. 149.
- ²¹⁷ Оригинал здесь: ГА РФ. Ф. 95. Оп. 2. Д. 353. Часть из них опубликована Козьминым: Козьмин Б.П. Революционное подполье в эпоху «белого террора». С. 48–52.
- ²¹⁸ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 2. Д. 353. Л. 4.
- ²¹⁹ Никитин С.А. Славянские комитеты в России в 1858–1876 годах. – М., 1960. С. 211–212, 235–237.

- ²²⁰ Козьмин Б.П. Революционное подполье в эпоху «белого террора». С. 45.
- ²²¹ Цит. по: Там же. С. 46.
- ²²² [Маркович С.] Политическое и экономическое положение рабочего класса в Сербии. С. 4.
- ²²³ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 2. Д. 353. Л. 14.
- ²²⁴ Цит. по: Козьмин Б.П. Революционное подполье в эпоху «белого террора». С. 51.
- ²²⁵ Карасев В.Г. Светозар Маркович. С. 12.
- ²²⁶ Викторов-Топоров В. Указ. соч. С. 37; Карасев В. Два новых автографа Светозара Марковича // Славяне. 1956. № 9. С. 38.
- ²²⁷ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 2. Д. 354. Л. 1.
- ²²⁸ Карасев В.Г. Светозар Маркович. С. 14.
- ²²⁹ Карасев В. Два новых автографа Светозара Марковича. С. 38.
- ²³⁰ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 427. Л. 131, 134.
- ²³¹ Пушкиревич К.А. Светозар Маркович в Петербурге (Материалы к биографии) // Труды Института славяноведения Академии наук СССР. Вып. I. – Л., 1932. С. 348–349.
- ²³² ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 427. Л. 135 об.
- ²³³ Там же. Л. 132 об.
- ²³⁴ Маркович С. Избранные сочинения. С. 862.
- ²³⁵ Там же. С. 50.
- ²³⁶ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 2. Д. 354. Л. 5.
- ²³⁷ Там же. Л. 13.
- ²³⁸ Там же. Оп. 1. Д. 427. Л. 132 об.
- ²³⁹ Цит. по: Козьмин Б.П. Революционное подполье в эпоху «белого террора». С. 118.
- ²⁴⁰ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 2. Д. 354. Л. 3–4 об.
- ²⁴¹ Маркович С. Избранные сочинения. С. 859.
- ²⁴² Воронкова И. Разбуженный Герценом? Светозар Маркович в России и на Западе: мифы и реальность // Родина. 2009. № 8. С. 100.
- ²⁴³ Карасев В.Г. Светозар Маркович. С. 20.
- ²⁴⁴ См.: Маркович С. Избранные сочинения. С. 182–194, 216–220.
- ²⁴⁵ Гольденберг Л.Б. Указ. соч. С. 100.
- ²⁴⁶ См. текст письма и комментарии: Козьмин Б.П. Революционное подполье в эпоху «белого террора». С. 175–176.
- ²⁴⁷ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 434. Ч. 2. Л. 194; ГА РФ. Ф. 109. Оп. 154 (3 эксп., 1869 г.). Д. 104. Ч. 1. Л. 120 об.
- ²⁴⁸ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 154 (3 эксп., 1869 г.). Д. 104. Ч. 1. Л. 120 об.–122, 162.
- ²⁴⁹ Там же. Л. 51, 120, 151 об.
- ²⁵⁰ Там же. Л. 162 об.
- ²⁵¹ См., например: Виленская Э.С. Революционное подполье в России. С. 371–376; Её же. Худяков. – М., 1969. С. 87–96.
- ²⁵² Русско-польские революционные связи. Т. 2. С. 629.
- ²⁵³ Виленская Э.С. Революционное подполье в России. С. 346.
- ²⁵⁴ Из переписки Н.Я. Николадзе с русскими и зарубежными литературно-общественными деятелями. – Тбилиси, 1980. С. 249–250.

²⁵⁵ ГА РФ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 13. Л. 88; *Базанов В.И.* А. Худяков и покушение Каракозова // *Русская литература.* 1962. № 4. С. 154. Подробнее об отношениях Герцена и «молодой эмиграции» см.: *Козьмин Б.П.* Герцен, Огарев и «молодая эмиграция» // *Козьмин Б.П.* Из истории революционной мысли в России. – М., 1961. С. 483–577.

²⁵⁶ Деятели революционного движения Т. 1. Ч. 2. Стб. 481–482.

²⁵⁷ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 427. Л. 222 об.

²⁵⁸ Из переписки Н.Я. Николадзе... С. 249.

²⁵⁹ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 427. Л. 222–222 об.

²⁶⁰ ГА РФ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 14. Л. 373 об.

²⁶¹ *Лопатин Г.А.* Указ. соч. С. 142.

²⁶² См. подробнее мою статью, в которой выдвигается гипотеза о преимущественном влиянии Элпидина на легенду о Европейском революционном комитете (ЕРК. Версии мифа // *Родина.* 2014. № 4. С. 71–73).

²⁶³ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 153 (3 эксп., 1868 г.). Д. 161. Ч. 1. Л. 25, 28.

²⁶⁴ [*Лемке М.К.* Дело Розанова] // *Герцен А.И.* Полное собрание сочинений и писем / Под ред. М.К. Лемке. Т. 20. М.; Пг., 1923. С. 288; *Козьмин Б.П.* Революционное подполье в эпоху «белого террора». С. 79.

²⁶⁵ ГА РФ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 18. Л. 71.

²⁶⁶ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 427. Л. 135 об., 174.

²⁶⁷ Там же. Л. 174 об., 253; *Козьмин Б.П.* Революционное подполье в эпоху «белого террора». С. 121–122.

²⁶⁸ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 427. Л. 195–195 об.; *Козьмин Б.П.* Революционное подполье в эпоху «белого террора». С. 92.

²⁶⁹ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 427. Л. 253.

²⁷⁰ Там же.

²⁷¹ Там же. Л. 143.

²⁷² См. подробнее: *Козьмин Б.П.* Революционное подполье в эпоху «белого террора». С. 58–61.

²⁷³ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 427. Л. 253.

²⁷⁴ Там же. Л. 144.

²⁷⁵ Там же. Л. 175 об., 177 об..

²⁷⁶ Там же. Л. 144–144 об.

²⁷⁷ [*Гижицкий Е.В.*] Русские эмигранты // *Московские ведомости.* 1873. 18 янв. С. 3.

²⁷⁸ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 427. Л. 253 об.

²⁷⁹ [*Гижицкий Е.В.*] Указ. соч. С. 3.

²⁸⁰ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 427. Л. 253 об.

²⁸¹ Там же. Л. 135 об., 158 об.–159.

²⁸² Там же. Л. 254 об.

²⁸³ *Козьмин Б.П.* Революционное подполье в эпоху «белого террора». С. 36.

²⁸⁴ *Гросул В.Я.* Российские революционеры в Юго-Восточной Европе. С. 286–287.

²⁸⁵ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 427. Л. 135 об.–136.

²⁸⁶ Там же. Л. 176 об.–177 об.

²⁸⁷ *Николаевский Б.* Указ. соч. С. 224.

²⁸⁸ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 427. Л. 176 об.

²⁸⁹ Там же. Л. 254 об.

²⁹⁰ См., например: *Гросул В.Я.* Международные связи российской политической эмиграции во 2-й половине XIX века. – М., 2001. С. 159.

²⁹¹ См., например: *Рудницкая Е.Л.* Русская революционная мысль. Демократическая печать. 1864–1873. – М., 1984. С. 129; *Пинаев М.Т.* М.К. Эллидин – революционер, издатель и пропагандист наследия Н.Г. Чернышевского // Некоторые вопросы русской литературы. Ученые записки Волгоградского государственного педагогического института им. А.С. Серафимовича. Вып. 21. Волгоград, 1967. С. 20–21; *Козьмин Б.П.* Герцен, Огарев и «молодая эмиграция». С. 550.

²⁹² *Николаевский Б.* Указ. соч. С. 224; ГА РФ. Ф. 109. Оп. 153 (3 эксп., 1868 г.). Д. 181. Л. 1006–1006 об.

²⁹³ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 427. Л. 47–47 об.

²⁹⁴ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 153 (3 эксп., 1868 г.). Д. 181. Л. 9.

²⁹⁵ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 427. Л. 254.

²⁹⁶ Там же. Л. 131 об.; ГА РФ. Ф. 109. Оп. 153 (3 эксп., 1868 г.). Д. 181. Л. 44.

²⁹⁷ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 153 (3 эксп., 1868 г.). Д. 181. Л. 62.

²⁹⁸ См. подробнее его показания: ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 427. Л. 173–190 об.

²⁹⁹ Там же. Л. 181.

³⁰⁰ Там же. Л. 189.

³⁰¹ Там же. Л. 167, 204.

³⁰² ГА РФ. Ф. 109. Оп. 153 (3 эксп., 1868 г.). Д. 181. Л. 84–84 об., 94.

³⁰³ Там же. Л. 81 об., 84.

³⁰⁴ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 427. Л. 119.

³⁰⁵ Там же. Л. 132 об.

³⁰⁶ *Козьмин Б.П.* Революционное подполье в эпоху «белого террора». С. 163; *Гросул В.Я.* Российские революционеры в Юго-Восточной Европе. С. 313.

³⁰⁷ Покушение Каракозова. Т. 1. С. V.

³⁰⁸ *Козьмин Б.П.* Революционное подполье в эпоху «белого террора». С. 147.

³⁰⁹ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 430. Л. 77.

³¹⁰ Там же. Л. 77 об.

³¹¹ *Козьмин Б.П.* Революционное подполье в эпоху «белого террора». С. 147.

³¹² ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 434. Ч. 1. Л. 9–9 об.

³¹³ Там же. Д. 427. Л. 195.

³¹⁴ *Гросул В.Я.* Российские революционеры в Юго-Восточной Европе. С. 351.

³¹⁵ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 427. Л. 253.

³¹⁶ *Козьмин Б.П.* П.Н. Ткачев и революционное движение 1860-х годов. – М., 1922. С. 51–52.

³¹⁷ *Свешиников Н.И.* Указ. соч. С. 81; ГА РФ. Ф. 109. Оп. 154 (3 эксп., 1869 г.). Д. 112. Ч. 3. Л. 160 об.

³¹⁸ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 154 (3 эксп., 1869 г.). Д. 112. Ч. 3. Л. 239–239 об.

³¹⁹ Там же. Л. 143.

³²⁰ *Колосов Е.* Молодое народничество 60-х годов. Ст. II // *Сибирские записки.* 1917. № 3. С. 127.

³²¹ Цит. по: *Козьмин Б.П.* «Раскол в нигилистах» (Эпизод из истории русской общественной мысли 60-х годов) // *Козьмин Б.П.* Из истории революционной мысли в России. – М., 1961. С. 63.

³²² Там же. С. 42.

³²³ См., например: *Деркачев И.П.* Из московских студенческих воспоминаний // *Воспоминания о студенческой жизни.* – М., 1899. С. 230–231.

³²⁴ *Арсеньев К.К.* Политический процесс. 1869–1871 гг. // *Вестник Европы.* 1871. № 11. С. 301.

Глава 3

ПОСЛЕ

«ВЫПУСКА ИЗ “АКАДЕМИИ”»

На заре новых движений
(конец 1868 – начало 1869 гг.)

Отношение управляющего III отделения в комиссию Ланского от 14 декабря 1870 г. в конце своего краткого описания кружка сморгонцев сообщало следующие сведения: «С начала нечаевского дела члены общества “Сморгонь”, боясь арестов, прекратили свои действия. К тому же Воскресенский, получив по протекции князя Гагарина какое-то место, вышел из общества, Шраг же с женою отправился жить в имение. Окончательно же общество закрылось со времени ареста Бобарыковых, которые, хотя не были членами общества, но оказывали ему поддержку. Сестра Фардяковой, Козловская, содержавшая на Васильевском острове кухмистерскую, уехала, как выше сказано, в Одессу»¹. (Напомним, что в Одессу уехала не Евдокия Козловская, заведовавшая кухмистерской, а её младшая сестра Екатерина, вышедшая замуж за студента Философова.) Цитируя этот единственный известный нам источник, свидетельствовавший о роспуске общества, Козьмин отмечал, что под началом нечаевского дела подразумевался март или апрель 1869 г., и делал вывод, что «Сморгонская академия» существовала до марта этого года². Последующая историография не прибавила к этому выводу никаких новых фактов.

Данных сведений недостаточно для завершения истории «Сморгонской академии». Во-первых, в следственных документах уже было отмечено немало неточностей, ошибок и домыслов, и потому фрагмент, приведенных выше, нуждается в критике. Во-вторых, простая констатация факта роспуска во время нечаевской истории позволяет трактовать место и роль сморгонцев в этом процессе в зависимости от предпочтений и догадок исследователя.

Хотелось бы восстановить общественную ситуацию в Петербурге на рубеже 1868–1869 гг. и попытаться рассмотреть в этом контексте судьбу отдельных сморгонцев и всего общества в целом.

Современники отмечали, что протестные настроения в молодежной среде после некоторого затишья времен «белого террора» стали проявляться осенью 1868 г. Наблюдавшая эти настроения в столице В.И. Засулич писала: «Не знаю, кому первому пришла идея затеять студенческие волнения, вероятно, многим сразу в таких-то кружках, о которых я только что говорила; в особенности [у] являвшихся в Петербург на второй год и уже успевших разочароваться в нем идея студенческих волнений должна была встретить живейшее сочувствие. Конечно, это не “дело”, не работа для “блага народа”, не “революция”, но хоть “что-нибудь”, какая-нибудь “жизнь”. Уже в начале осени 1868 года во многих студенческих кружках можно было слышать, что к рождеству непременно будут студенческие волнения, что будут требовать касс и сходок»³. Можно предположить, что к активным действиям в большей степени стремился новый поток молодежи, который не испытал страха перед преследованиями и арестами после покушения Каракозова, но при этом страстно желал нарушить наступившее после 1866 г. общественное затишье.

Безусловно, политические и революционные идеи не были единственным фактором студенческого движения – среди других можно отметить и внутренние, «академические» причины (усиление надзора за студентами, запреты на организацию касс и обществ, сокращение численности вольнослушателей), и, как считается в исследовательской литературе, сильный голод зимой – весной 1868 г. в ряде губерний, отразившийся на социальном положении и настроении выходцев из провинции⁴.

Более «старой» молодежи оставалось либо поддержать порыв студентов, либо остаться в стороне. Анализируя состав «Сморгонской академии», нельзя не заметить, что их ядро, бывшие каракозовцы, в большинстве своем не стремились к активной общественной борьбе: Сергиевский, Полумордвинов и Борисов уже не жили в Петербурге, фактов же поддержки Воскресенским студенческих волнений и нечаевского дела нет. Информация III отделения, согласно которой Воскресенский вышел из общества, когда нашел место службы, подтверждает его незаинтересованность в студенческом движении. Исключение представлял лишь Черкезов, на протяжении существования «Сморгоны» активно знакомившийся с молодежью и следивший за их интересами. Вот

что он писал впоследствии об осени 1868 г. (именно тогда из-за границы, посетив Конгресс мира, вернулся Бочкарев): «Легко теперь понять, с какою радостью приветствовали мы программу Бакунина и весь первый номер его журнала “Народное дело” (1868). Получив один экземпляр в Петербурге, мы целый месяц сентябрь переписывали и распространяли его, рассылали в Москву и в провинцию. Мы нашли, наконец, в печати ясно сформулированными наши мысли, наши заветные стремления»⁵.

Тексты Бакунина в «Народном деле», привезенные Бочкаревым, а затем распространенные сморгонцами, стали некоторым катализатором роста оппозиционных настроений молодежи в 1868–1869 гг. Они оформили эти настроения в конкретные идеи, придали им форму. «Путь освобождения народа посредством науки для нас загражден; нам остается поэтому только один путь, путь революции. Пусть освободится наш народ, а когда он будет свободен, он сам захочет и сумеет всему научиться. Наше же дело приготовить всенародное восстание путем пропаганды», – писал Бакунин в статье «Постановка революционных вопросов. Наука и народ»⁶. О популярности на рубеже 1868–1869 гг. почерпнутых из «Народного дела» призывов к просвещению народа и обсуждению идей «бросить науку» и «отправиться в самую гущу народную» свидетельствовал будущий революционер С.Л. Чудновский, в те годы студент Медико-хирургической академии⁷. Влияние идей и формулировок Бакунина подтверждали и исследователи⁸.

Пожалуй, распространением «Народного дела» вклад «Сморгонской академии» в активизацию общественного движения 1868–1869 гг. исчерпывается. Это позволяет поставить под сомнение традиционный для историографии вывод о влиянии «Сморгони» на последующие события революционного движения. Влияние было лишь косвенным: сморгонцы в 1867–1868 гг. сохраняли мировоззренческую общность и связи внутри революционного сообщества, но вряд ли эти действия можно считать сознательным и серьезным шагом в развитии революционных процессов.

Факты студенческих волнений 1868–1869 гг. подтверждают отсутствие прямого влияния на них и, тем более, какого бы то ни было руководства со стороны сморгонцев. Их история началась со схода студентов-«медиков» (Медико-хирургической академии) в ноябре 1868 г.: студент академии Н. Василевский был исключен из-за столкновения с новым инспектором полковником

Смирновым, и бурные сходки, вынудившие руководство академии пойти на переговоры со студенческими депутатами, требовали восстановления Василевского и после соответствующего обещания начальства прекратились⁹. И хотя различные собрания новых кружков начались и до ноября, это событие можно считать первым в ряду волнений; впоследствии именно «медиков» будут называть «зачинщиками» движения¹⁰.

В его рамках начал свою неоднозначную деятельность С.Г. Нечаев: он знакомился с молодежью, советовал им «не просить, а требовать» решений о кассах и сходках и объединять усилия студентов нескольких учебных заведений. Ряд свидетельств говорит о том, что посещать какие-то сходки Нечаев стал еще в октябре; в ноябре, после инцидента с Василевским, его интерес к волнениям возрос. Студент-«медик» Е.В. Аметистов вспоминал, что к декабрю его сосед по квартире Нечаев стал гораздо реже появляться дома, часто посещал университет и просил «заняться вместо него с учениками»¹¹. Вероятно, в ходе многочисленных молодежных собраний Нечаев посетил и «Сморгонскую академию», но источники не позволяют установить подробности этих визитов – в контексте студенческого движения или нечаевского дела интересующее нас тайное общество просто не упоминается.

Гольденберг писал: «Насколько я помню, Нечаев был в этой „Академии“»¹². Сын сморгонца Катин-Ярцева записал слова отца, что именно в «Сморгони» тот встретился с Нечаевым и что собрания также посещали М.А. Натансон и В.М. Александров¹³, создавшие впоследствии Вульфовскую коммуну (она, в свою очередь, затем вошла в кружок чайковцев¹⁴). Если сведения Катин-Ярцева были записаны точно, то посещение будущими народниками «Сморгони» могло быть не ранее осени 1868 г. – именно тогда они поступили в Медико-хирургическую академию и переехали в Петербург. Натансон, оставивший перед смертью конспект ненаписанных им воспоминаний, не отметил в нем ни названия исследуемого нами общества, ни фамилий никого из сморгонцев: слова из конспекта о «первых сходках» и «знакомствах с революционными группами», происходивших на рубеже 1868–1869 гг.¹⁵, могут скрывать за собой и «Сморгонскую академию», но отсутствие её конкретного упоминания говорит о том, что она не имела никакого значения для расширявшегося студенческого движения и просто терялась среди множества других событий. Скорее всего, сморгонцы даже не пытались поднимать студенческий вопрос: Гольденберг, познакомившийся со сморгонцами в это время,

писал впоследствии лишь о культурно-развлекательном характере их собраний.

В этих условиях каждый участник тайного общества выбирал свой путь в общественном движении. Наиболее активную позицию занял ставший затем нечаевцем Черкезов, хотя нельзя утверждать, что он попал под влияние Нечаева. В 1870 г. Черкезов писал другому нечаевцу, бывшему студенту Медико-хирургической академии И.Н. Лихутину: «Нечаев в моих глазах человек не с особенно ясным и широким развитием, человек, не могущий не только дать направление, – куда ему! – но даже быть представителем какой бы то ни было серьезной и последовательной политической агитации. Но он имеет одно качество – решительность, доходящую до изуверства, любовь к работе на народное дело и привязанность к нему, равносильную фанатизму»¹⁶. По словам Черкезова, личность Нечаева имела для него «одно значение – посредник между отдельными недовольными личностями», и не более того¹⁷. Учитывая неплохой опыт работы в подполье и давний серьезный настрой Черкезова, можно предполагать, что это – действительное его мнение, а не попытка оправдаться; вряд ли его можно отнести в разряд наивных юношей, поддавшихся психологическому воздействию и мистификаторским приемам Нечаева.

(Подобным образом, к слову, нередко характеризуют и короткое сотрудничество Ткачева с Нечаевым. «Несмотря на свой радикализм, Ткачев был интеллигентом, носителем определенного пласта русской культуры, тогда как Нечаев до конца своих дней оставался едва тронутым культурой фанатиком. Ткачев не был ни “нечаевцем”, ни членом “Народной расправы”. Возможно, Петр Никитич ценил Нечаева за преданность делу, организаторские способности и неумную энергию, но слишком разным был их политический вес, чтобы Ткачев позволил собой руководить. К тому же, по свидетельству очевидца, между ними были серьезные разногласия», – пишет современный исследователь А.Н. Худолеев¹⁸.)

Черкезов попытался использовать практические возможности всплеска студенческого движения. 27 декабря 1868 г. он отметил-ся выбывшим на Кавказ¹⁹, однако в реальности отправился в Москву. Как свидетельствовал студент Петровской академии В.И. Лу-нин, Черкезов в Москве говорил «всем и каждому, что всё это студенческое дело поднято другими людьми, ищущими людей для организации»²⁰. Очевидно, что после его ухода из «Сморгон-

ской академии» тайное общество потеряло самого активного участника. Сопоставление взглядов сморгонцев позволяет предполагать, что Черкезову уже давно было тесно в рамках «Сморгони»; возможно, с этим был связан его переезд в другую квартиру (адрес Черкезова, фигурирующий в полицейских документах октября 1868 г., не совпадает с адресом сморгонской коммуны²¹).

Добавим, что решение Черкезова уехать в Москву было самостоятельным и не связано с деятельностью возглавляемой Нечаевым «радикальной партии» студенческого движения (сотрудничать с нечаевцами он стал позже, во второй половине 1869 г., вербуя в «Народную расправу» московскую молодежь²²). «Радикальная партия», сложившаяся в конце 1868 г., предлагала приобщить к движению университеты других городов, устраивать демонстрации, и Нечаев не скрывал своего желания выработать из студенчества «действительных революционеров», даже ценой их ссылок и тюремных заключений²³. Участник этой партии, студент Медико-хирургической академии Ралли ни в следственных документах, ни в мемуарах ничего не говорил о сотрудничестве с Черкезовым. Более того, в показаниях Ралли вспоминал, что, услышав о какой-то деятельности Черкезова в Москве, он просил студента Лунина «передать этому господину, выдавшему себя депутатом от петербургского студенчества, чтоб он говорил от себя... но отнюдь не от массы»²⁴.

Напомним, что другой руководитель «Сморгонской академии», Воскресенский, с марта по ноябрь 1868 г. ездил по южным губерниям России, а с момента возвращения в Петербург до февраля 1869 г., по его словам, «искал места»; 11 февраля он устроился на службу в департамент неокладных сборов министерства финансов²⁵. И без того условное и некрепкое объединение распалось на глазах. Кроме желавших более активных действий в революционном направлении или же, напротив, терявших интерес к деятельности, в «Сморгони» были и сторонники умеренной общественной позиции.

В ходе студенческих волнений подобную позицию занимала т. н. «умеренная партия» во главе со студентом Петербургского университета С.В. Езерским. Как впоследствии говорил сам Езерский, его решение принять активное участие в сходках было достаточно спонтанным: он отметил для себя демонстративный характер и необдуманность требований «радикальной партии» и решил «остановить движение в том виде, какой оно имело»²⁶. «Умеренные» не хотели придавать движению межвузовский

характер и идти на конфронтацию с властями, были сторонниками ходатайств и переговоров для решения студенческих вопросов и, по различным источникам, старались избегать сходов и лишнего внимания, а свои собрания проводили гораздо реже «радикалов»²⁷. Из сморгонцев сторонником Езерского был Шраг; также к его партии примкнул знакомый Черкезова и Солодовниковой Кипиани²⁸.

Участник «Сморгони» Катин-Ярцев, открыто рассуждавший, что студенты «должны протестовать, расходиться не иначе, как после третьего залпа», участвовал в сходках «радикальной партии»; Ралли под следствием приводил его в качестве примера «людей более горячих», «больных», часто говоривших «речи, не основанные ровно ни на чем»²⁹. Судя по всему, сморгонец выделялся среди окружающих излишней нетерпеливостью и радикальностью в рассуждениях. Сам Катин-Ярцев вспоминал, что в то время был «горячим сторонником Нечаева и Бакунина»³⁰. Впрочем, эту «радикальность» стоит воспринимать как мимолетное увлечение, пример квазирадикализма: после того, как весной 1869 г. Катин-Ярцев был исключен из Медико-хирургической академии и выслан в Саратов, в революционном движении он не участвовал.

В марте 1869 г. сходки и обсуждения, называемые иногда «подготовительным» периодом студенческих волнений, перешли в открытые выступления (6–20 марта) в нескольких учебных заведениях. Вряд ли можно говорить о политической направленности и руководстве этими событиями со стороны «радикалов»: еще в январе сторонники Нечаева оказались в меньшинстве, столкнувшись с серьезными оппонентами как в Петербурге (где им противодействовала не только группа Езерского, но и, например, Натансон), так и в Москве (кружок Волховского); в конечном итоге подчинить себе движение «радикальной партии» не удалось, и Нечаев в конце января покинул Петербург³¹. Прокламация Ткачева «К обществу», которую нередко упоминают в контексте мартовских выступлений, была распространена уже в 20-х числах марта, после всплеска сходов, и содержала лишь краткие требования касс и собраний и отмены «унизительной полицейской опеки»³²; её скорее можно назвать следствием выступлений, реакцией на них, но не наоборот.

Таким образом, факт участия в стихийно возникших массовых выступлениях не позволяет сделать однозначных выводов о по-

литической позиции тех или иных студентов. Из сморгонцев в столичных беспорядках участвовали «медик» Волков и студент университета Жигмановский. Волков был арестован в середине марта³³, и следственные материалы III отделения, внимательно следившего за списками исключенных и высланных из Петербурга студентов, не содержат более никакой информации о его судьбе. Судя по всему, его участие в волнениях было незначительным, и в столице Волков на какое-то время остался: в ноябре 1869 г. у него был проведен обыск в связи с нечаевским делом, не повлекший, однако, дальнейших преследований³⁴. По частным сведениям, собранным политическим сыском в декабре 1869 г., Волков к тому времени уехал в Саратовскую губернию³⁵. Жигмановский по решению университетского суда 21 марта был исключен из числа студентов с лишением права поступать в какой-либо из других русских университетов и 25 марта был выслан на родину, в Новочеркасск; этот наиболее суровый приговор был вынесен т. н. «первой категории участников беспорядков» («главным виновникам») – 13 студентам, среди которых также были Езерский, Кипиани и Шпраг³⁶.

В исследовательской литературе можно встретить упоминание о том, что участником неких студенческих волнений в Технологическом институте в январе 1868 г. (т. е. за год до событий весны 1869 г.) был сморгонец Гончаров³⁷, но они не имели ничего общего со студенческим движением 1868–1869 гг., и поэтому историю Гончарова не следует рассматривать вместе с примерами Катин-Ярцева, Жигмановского, Шпрага и других. Как свидетельствует справка III отделения, в январе 1868 г. в институте произошли волнения «...вследствие исключения из одного студента Шлавстовича за пьянство и буйство на пивоваренном заводе “Бавария”, куда он был командирован для осмотра завода». Гончаров и некоторые другие студенты, требовавшие от директора объяснений и восстановления Шлавстовича, были исключены из института³⁸.

Этими несколькими именами сморгонцев исчерпывается участие петербургского тайного общества в студенческих волнениях 1868–1869 гг. Добавим, что сморгонцы могли опасаться арестов не только из-за подавления студенческих беспорядков. Арестованный осенью 1868 г. Бочкарев в конце декабря был выслан административным порядком на родину в Осташков, с учреждением над ним полицейского надзора³⁹. Несмотря на то, что он не выдал имен своих товарищей, сморгонцы могли предполагать,

что расследование его дела может привести и к их коммуне. Вероятно, из-за опасений ареста эмигрировал студент Серебренников, хозяин петербургской типографии, оказывавшей поддержку «Сморгонской академии» (он контактировал с Ткачевым, Нечаевым и «радикальной партией» студенческого движения, о чем говорит упоминание его фамилии И. Лихутиным в показаниях по нечаевскому делу⁴⁰). В конце марта 1869 г. были арестованы Ткачев и Дементьева, и властям стало известно о типографии Серебренникова, которую тот ранее продал Дементьевой; в типографии была напечатана прокламация «К обществу»⁴¹. Эти факты также могли привести к раскрытию «Сморго́ни».

К этому времени состав кружка успел серьезно поменяться, а активность свелась практически к нулю. Возможно, к весне 1869 г. оставшиеся участники коммуны решили разъехаться, и квартира перешла к другим жильцам (это лишь предположение, основанное на исчезновении сведений об общей квартире сморгонцев в 1869 г.). Интерес Воскресенского к организации интеллектуальных вечеров пропал, да и продолжать эту деятельность в условиях преследований оппозиционной молодежи было опасно. Часть сморгонцев была выслана из столицы, часть – арестована. С отъездом Козловской, вероятно, закрылась и кухмистерская по 3-й линии Васильевского острова. Так за несколько месяцев конца 1868 – весны 1869 гг. прекратила свое существование «Сморгонская академия»; установить более точную дату не представляется возможным.

Постепенно сложившись на основе общего быта коммуны, старых знакомств со времен Саратова или ишутинского общества, общего мировоззрения и социального происхождения, «Сморгонская академия» так же постепенно распалась, когда перечисленные причины её создания перестали играть решающую роль. Указанный в документе III отделения факт ареста Бобарыковых в конце 1869 – начале 1870 гг., рассматриваемый властями как окончательная дата истории «Сморго́ни», говорит лишь о том, что супружеская чета продолжала поддерживать контакты с теми сморгонцами, кто остался в Петербурге. Но таким же образом сморгонцы общались друг с другом и в других местах, и в столице после ареста Бобарыковых, так что не стоит «продлевать» историю тайного общества до рубежа 1869–1870 гг. на основании гипотезы из следственных документов. После весны 1869 г. в Петербурге от «Сморгонской академии», вероятно, могли остаться лишь относительно связанные между собой кружки знакомых.

«Елизаветградское дело» (вторая половина 1869 – начало 1870 гг.)

«Елизаветградское дело», имевшее место уже после самоликвидации «Сморгонской академии», часто рассматривалось в литературе как сопутствующий сморгонцам сюжет. Это связано с тем, что все участники этого дела либо состояли в петербургском кружке в прошлом, либо были хорошо знакомы с его участниками. В виду того, что характеристика «Елизаветградского дела» отражалась и на оценке взглядов и деятельности «Сморгоны», необходимо остановиться на материалах этого дела. Еще современникам-следователям не удалось ответить на множество поставленных перед ними вопросов; историки же, увы, упустили значительное количество фактов из архивных источников, что не могло не отразиться на их выводах. К сожалению, первоначальные показания, описания обысков и записки следователей остались в архивах жандармского управления Одессы и одесской судебной палаты и при написании этой книги были недоступны; да и неизвестно, сохранились ли они вообще. Тем не менее, даже материалы, отложившиеся в архивах III отделения и следственной комиссии Ланского, позволяют совершенно иначе оценить дело о несостоявшемся покушении на императора Александра II.

28 октября 1869 г. полицмейстер уездного города Херсонской губернии Елизаветграда М.И. Пашенко получил в почтовой конторе письмо, датированное 26 октября и подписанное неким агентом петербургской полиции Константином «Клоч...» (окончание неразборчиво)⁴². Агент сообщал, что в городе недавно поселились два молодых человека, «имеющие целью крайне нехорошее дело», а именно сделать подкоп под железной дорогой и взрыв во время проезда императорского поезда. (Глава государства должен был прибыть в Елизаветград для смотра войск⁴³.) Но покушение провалилось, так как царь «миновал этот путь». К ним, как говорилось в письме, в предыдущий день, 25 октября, приезжал из Одессы их товарищ, предлагавший взорвать почтовый поезд. Одному из них товарищ также советовал бежать за границу, отчего автор письма предполагал, что тот был беглым преступником. Анонимный автор был свидетелем этого разговора, ведущегося на французском языке и происходившего, судя по тексту письма, где-то в публичном месте на улице. Он проследил

за двумя молодыми людьми, один из которых отправился в гостиницу Ветцеля, а другой – в дом Потемкиной. Со вторым из них автор письма встречался и раньше, и тот представлялся Труневским, говоря, что не имеет никаких занятий. Письмо заканчивалось сообщением, что агент уже докладывал об этих подозрительных лицах одесскому полицмейстеру; сам же он не явился в полицию, так как на следующий день по написанию письма планировал уехать⁴⁴.

В гостинице Ветцеля никого из указанных личностей Пашенко обнаружить не удалось. В доме Потемкиной, как выяснила полиция на следующее утро, 29 октября, уже две недели снимали квартиру два человека, занимавшиеся письмоводством. Дом в течение дня находился под секретным наблюдением, пока полиция не убедилась, что на месте находился лишь один из двух жильцов, который и был арестован⁴⁵. Арестованным оказался бывший сморгонец Кунтушев. Ранее говорилось, что после непродолжительного путешествия по России Кунтушев из-за неисправных документов был выслан в Саратовскую губернию. В первой половине 1869 г., проживая в Саратове, он вновь сошелся с Катин-Ярцевым (вероятно, обида на «Сморгонскую академию» была не столь сильной, чтобы прекратить общение со старым знакомым), и они жили на одной квартире. К Катин-Ярцеву нередко приходили в гости другие высланные из Петербурга студенты, а также старые товарищи по гимназическому кружку – Борисов, Николаев и Троицкий⁴⁶. Сын чиновника дворянского происхождения М.П. Троицкий, учившийся в разное время в саратовской и казанской гимназиях и Казанском университете и уже попадавший под суд за «имение запрещенных книг»⁴⁷, предложил Кунтушеву поехать на юг России. Первоначально Кунтушев под следствием утверждал, что они собирались поступить в Новороссийский университет, но, оказавшись в Одессе и осознав свое сложное финансовое положение, переехали 29 августа в Елизаветград, поскольку там дешевле жить⁴⁸.

В результате обыска в квартире Кунтушева и Троицкого были обнаружены несколько исписанных стенографическими знаками листов, руководства к стенографии (Кунтушев объяснил, что занимался стенографией с научным интересом) и большой железный молоток. У Кунтушева почти не было вещей и вообще не было денег. Хозяйка показала, что квартиранты появились у неё около недели назад, в свою комнату не пускали, а Троицкий часто куда-то отлучался. 29 октября, в день ареста Кунтушева, он с утра

ушел, сказав, что ненадолго идет к прачке, и взял с собой небольшую сумку и что-то завернутое в белом подмышку⁴⁹. Было установлено, что он уходил из дома не один, а вместе с Кунтушевым⁵⁰. Также квартирная хозяйка и другие свидетели добавили, что среди вещей постояльцев был небольшой, но туго набитый и тяжелый чемодан, которого не обнаружили при обыске⁵¹. Такой же чемодан видела у подследственных прислуга гостиницы в Одессе, где они останавливались до переезда в Елизаветград⁵². Кунтушев показал, что ему неизвестно, куда и зачем уехал Троицкий, и что никакого чемодана у них не было⁵³.

Дело об организации покушения на императора не могло не привлечь пристального внимания властей. 3 ноября 1869 г. канцелярия новороссийского и бессарабского генерал-губернатора П.Е. Коцебу запросила III отделение, не находился ли в Елизаветграде агент полиции Ключь, Ключков «или какой-нибудь другой», и вскоре получила телеграмму из Петербурга с отрицательным ответом⁵⁴. 4 ноября расследование дела было передано товарищу прокурора одесской судебной палаты Пржецлавскому, и он лично отправился знакомиться с подробностями в Елизаветград и даже предлагал поехать вместе с ним начальнику одесского жандармского управления полковнику Кнопу, но тот отказался, т. к. Елизаветград не входил в район, вверенный его наблюдению; также жандармского полковника смущала неопределенность отношений органов политической полиции и новых судебных учреждений⁵⁵. 23 ноября капитан Сердюков, начальник елизаветградского отделения жандармского полицейского управления Киево-Одесской железной дороги, отрапортовал начальству, что участок от Балты до Елизаветграда был обследован и никаких признаков подготавливаемого покушения, равно как и подозрительных лиц, не обнаружено⁵⁶.

Между тем 5 ноября в той же Херсонской губернии, но уже в городе Николаеве, на имя местного полицмейстера пришло анонимное письмо⁵⁷. В нем неизвестный автор, в целях безопасности не указавший свое имя, сообщал, что недавно попал в преступное общество, имевшее целью низвергнуть существующий строй, «не пренебрегая никакими средствами». Двое из членов общества находились на момент написания письма, 5 ноября, в Николаеве: один из них – «бежавший из казанского тюремного замка арестант Ялпидин», проживавший под документами Михаила Троицкого, а другой называл себя Кузнецовым. Ялпидин якобы только что приехал из-за границы с множеством изданий своей

типографии; сообщалось, что он жил на постоялом дворе гостиницы «Севастополь» и собирался помочь перебраться за рубеж своим товарищам. Автора письма Ялпидин хотел привлечь к ограблению почты. Незвестный информатор писал, что добровольно уклониться «от всякого сношения с этим обществом» он не может, так как боится их подозрений. Также говорилось, что, возможно, Ялпидин отправил письмо в Одессу на имя некоего Сергиевского⁵⁸.

Николаевский полицмейстер на следующий день арестовал Троицкого, действительно жившего на постоялом дворе, указанном в письме⁵⁹. Но в нем, напомним, было ясно сказано, что эта личность – никакой не Троицкий, а бежавший «Ялпидин»; вследствие этого полицмейстер подумал, что арестованный – недавно бежавший из одесской тюрьмы некий Лимпиди. Полиция, имевшая в распоряжении фотокарточку Лимпиди, убедилась, что Троицкий на него не похож, да и приметы задержанного соответствовали его документам, вследствие чего он был освобожден. Полицейстер, полагая эпизод ничтожным недоразумением, не стал сообщать о нем ни прокурорскому надзору, ни жандармскому управлению, и об этом факте в Одессе узнали только 18 ноября от херсонского губернатора⁶⁰. Впоследствии выяснилось, что Троицкий прожил в городе всего несколько дней, с 4 по 8 ноября; по показаниям хозяина постоялого двора, он был одет бедно и грязно и, как показалось хозяину, в Николаев пришел пешком (в то время как в Елизаветграде Троицкий одевался прилично, и деньги у него имелись). После своего ареста и освобождения 6 ноября Троицкий два дня не мог уехать из города, поскольку задолжал хозяину 40 копеек⁶¹.

Пока Троицкий находился в бегах, Кунтушев продолжал давать показания, постепенно раскрывая подробности своей прошлой жизни. Признания в знакомстве с каракозовцами, жительстве в сморгонской коммуне и даже участии в попытке организации побега Чернышевского были подробными и, судя по всему, добровольными – конкретно об этих фактах его никто не спрашивал. Но сведения о пребывании в Одессе и Елизаветграде становились путанными и часто менялись. Сначала Кунтушев говорил, что отправиться на юг с целью поступления в Новороссийский университет ему предложил Троицкий, но затем стал утверждать, что это сделал Борисов⁶². Борисов после своего отъезда из Петербурга и непродолжительной службы в Торжке Тверской губернии в конце 1867 г. приехал в Одессу и примерно полтора года рабо-

тал домашним учителем сына помещицы Херсонской губернии Соколовской, проживая в её имении в деревне Семеновка. В 1869 г. сын Соколовской поступил в одесскую Ришельевскую гимназию, и Борисов продолжал обучать его в Одессе⁶³. По словам Кунтушева, уже по дороге на юг Борисов предложил Троицкому и Кунтушеву ограбить Соколовскую, а при необходимости и убить, для чего был припасен найденный при обыске молот. В Елизаветград же Троицкий и Кунтушев поехали, чтобы познакомиться там с другим сыном Соколовской (не тем, учителем которого был Борисов), служившим в городе юнкером, и благодаря знакомству устроить Кунтушева лакеем к помещице. Награбленные деньги они хотели использовать для открытия народных школ в Саратовской губернии⁶⁴. Следствие было убеждено, что Кунтушев «маскирует частным преступлением» более серьезные антиправительственные цели, однако вплоть до поимки и признания Троицкого в конце декабря 1869 г. Кунтушев продолжал утверждать «с тупым упорством», как сказано в донесении Кнопа, что целью поездки было убийство Соколовской⁶⁵.

Сообщения Кунтушева о знакомствах с бывшими фигурантами каракозовского дела придавали следствию еще большее значение. Но, несмотря на передачу бумаг «Елизаветградского дела» III отделению из министерства юстиции и первоначальное решение императора рассмотреть дело в следственной комиссии Ланского, сама комиссия решила, что, поскольку каждый день в Одессе раскрываются новые обстоятельства дела, было бы неудобно и даже вредно перенести следствие в столицу⁶⁶. Комиссия предполагала отправить в Одессу своего члена, действительного статского советника Переяславцева, чтобы он на месте взял дело под свое руководство в соответствии с порядком комиссии, «на основании коего прокурорский надзор не вправе вмешиваться в её действия и распоряжения»; следствие должно было производиться при участии местного жандармского управления. Данное распоряжение было дано Переяславцеву 4 декабря, но не успел он уехать, как на следующий день, 5 декабря, император изменил свою волю и поручил продолжить следствие «на точном основании Устава уголовного судопроизводства члену одесской судебной палаты, при участии товарища прокурора оной»; представитель следственной комиссии мог лишь оказывать содействие в дознаниях, да и то в присутствии членов прокурорского надзора⁶⁷.

Старавшийся принимать участие в дознаниях полковник Кноп, начальник жандармского управления Одессы, в своих до-

несениях в III отделение не раз отмечал «неопределенность и натянутость наших с новыми судебными учреждениями отношений». Некоторые члены судебной палаты, по его словам, были крайне недовольны тем, что ему, Кнопу, вообще известен ход следствия⁶⁸. В январе 1870 г. он уже не скрывал своего недовольства и писал в Петербург, что товарищ прокурора Пржецлавский – «человек надменный, напыщенный своим величием, горячий и нетерпеливый» и вредит расследованию тем, что своим красноречием убеждает подозреваемых в слабости уличающих их фактов; а следователь Крушинский, член палаты, человек пожилой и ленивый, «страдает мигренями, коль скоро не обедает в определенное время или не поспит после обеда». Кноп настаивал начать производство отдельного дела о намерении освободить Чернышевского, но одесская судебная палата уклонялась от положительного решения⁶⁹. Его же надежды на перенесение следствия в Петербург не оправдались.

Любопытно, что донесения прокурора одесской судебной палаты министру юстиции рисуют несколько иную картину следствия: товарищ прокурора Пржецлавский, напротив, не тормозил следствие, а хотел придать ему больший вес, присовокупив к нему расследование участия Кунтушева в организации побега Чернышевского. Крушинский же, ссылаясь на судебные уставы, настаивал на раздельном следствии в Одессе и Петербурге, т. к. существенная связь между двумя делами, по его мнению, не была подтверждена⁷⁰.

Разногласия между ведомствами дошли до открытых разбирательств на общем собрании судебной палаты, в ходе которых Кнопу заявили, что знакомые Кунтушева по «Сморгонской академии» согласно закону могут быть лишь допрошены по месту жительства. Кноп считал, что нужно не «останавливаться на препирательствах и толкованиях параграфов устава, а смотреть на дело со взглядом более широким», считая, что в «Елизаветградском деле» есть связь с недавно раскрытой в Москве нечаевской организацией. Так и не дождавшись волевого решения из столицы, Кноп в конце января из конфиденциального разговора со старшим председателем одесской судебной палаты Шахматовым узнал, что раскрытый в Москве заговор будет расследоваться под контролем сенатора кассационного департамента Я.Я. Чемодурова; одесский жандарм предположил, что ведомство юстиции сохранит за собой контроль и за «Елизаветградским делом», а потому, явно расстроившись, в своем донесении шефу жандармов

31 января писал, что настоящее дело можно считать оконченным⁷¹.

Это небольшое отступление показывает, что в условиях реформы судопроизводства в империи на следствие по политическим делам нередко накладывались как ведомственные споры, так и сложности применения нового законодательства; возможно, в этом кроются некоторые причины как неясных выводов следствия по «Елизаветградскому делу», так и обрывочных сведений о нем в архивах различных органов.

Но вернемся к обстоятельствам самого дела. В ноябре 1869 г. в Одессе был арестован Борисов. У него были найдены 5 тысяч рублей билетами Херсонского земского банка, которые, по его словам, принадлежали учителю латинского языка одесской Ришельевской гимназии Н.А. Короваеву (в литературе и источниках также «Караваев»), у которого он снимал квартиру⁷². Вскоре он сознался, что деньги принадлежат ему, и либо не сознавался в их происхождении, либо утверждал, что получил их в дар от помещицы Соколовской на неопределенный срок и без расписки⁷³. Осталось невыясненным, откуда у него такая сумма: жалование Борисова, получаемое им от помещицы, в имении составляло 700 рублей в год, а в Одессе — 350 рублей⁷⁴. Следствие предположило, что эти деньги принадлежали не Борисову, а обществу, собиравшемуся вести пропаганду среди крестьян, а Борисов — «кассир этого общества на юге, выдающий пособия агентам»⁷⁵. Также начались поиски упомянутого во втором анонимном письме Сергиевского, к которому «Ялпидин» (т. е. Троицкий) отправлял письмо в Одессу и о принадлежности которого к «Сморгонской академии» стало известно от Кунтушева. Выяснилось, что Сергиевский действительно жил в Одессе, и в результате обыска у него было найдено письмо от бывшего учителя по семинарии Орлова, в котором был упомянут Воскресенский⁷⁶.

Таким образом, многие нити дела стали переплетаться между собой. Постараемся восстановить и частично дополнить сведения, полученные в ходе расследования, а также понять, какое отношение к «Елизаветградскому делу» имела «Сморгонская академия»...

Сперва в Одессе поселился бывший учитель саратовской гимназии Короваев, которого за вредный, с точки зрения властей, образ мыслей и влияние на учеников в 1862 г. перевели из Саратова сначала в Самару, а затем в Одессу, в Ришельевскую гимназию⁷⁷. Никаких неблагоприятных в политическом отношении сведений

о Короваеве с тех пор не поступало⁷⁸. По донесению Кнопа, Короваев много работал (кроме преподавания в гимназии, он был приват-доцентом в университете и давал частные уроки), зарабатывая более двух тысяч в год, отличался благотворительностью и добродушием – отсюда, по Кнопу, могло происходить его благосклонное отношение к землякам, политические цели которых он мог и не поддерживать⁷⁹.

Борисов уехал в Одессу в августе 1867 г. для завершения университетского образования (по крайней мере, так он утверждал); также одной из причин, по его словам, была смена климата. Короваев был учителем Борисова в Саратове, и он вместе с бывшим студентом, учителем херсонской гимназии Соколовским (не родственником помещицы Соколовской) помог Борисову устроиться в Семеновку; также следствию было известно, что за два месяца до ареста Борисов и его ученик (сын Соколовской) вдвоем снимали квартиру у Короваева⁸⁰.

Сергиевский уехал из Петербурга 3 мая 1868 г.⁸¹ сначала в Саратов, а вскоре после этого в Одессу. Согласно показаниям, он «надеялся не сгинуть» там, где сможет найти хоть одного своего знакомого⁸². Кроме Борисова, таким знакомым был и Короваев, у которого Сергиевский также на какое-то время «из милости» нашел приют⁸³. В Одессе он работал в редакции «Ведомостей общественного управления», а затем в «Новороссийских ведомостях», издаваемых П. Гроссулом-Толстым⁸⁴. Как можно заметить, разъезжаясь, старые знакомые со схожими интересами вновь стремились друг к другу: так было проще устроиться в новом месте, найти заработок и т. п.

О том, что подобные метания не носили тайной революционной цели, говорят и поздние воспоминания Борисова: он действительно отправился в Одессу, чтобы устроиться там жить, и лишь потом, в 1869 г., его «потянуло к старым друзьям в Саратов»⁸⁵. На допросах он поначалу утверждал, что всего лишь хотел пожить на родине, повидать сестру, «заняться хлебопашеством», но, осознав, что он «это дело не понимает», он возвратился на юг⁸⁶. 10 декабря 1869 г. Борисов вызвался дать чистосердечное показание, в котором объяснил, что инициатором поездки в Одессу был Троицкий. Он хотел будущей весной 1870 г. поехать за границу к Элпидину, бывшему его знакомым по Казанскому университету, и «посоветоваться с ним о лучшем способе ввозить в Россию, для распространения, преимущественно французских сочинений о социализме». Троицкий действовал самостоятельно, без связей

с какими-либо обществами, а в Елизаветград поехал, чтобы «в обществе кавалерийских офицеров изучить французский разговорный язык», а также потому, что там дешевле жить⁸⁷.

11 декабря 1869 г. в Керчи был задержан Троицкий⁸⁸. Избежав по чистому везению ареста в Николаеве, он получил травму во время бури – ему на голову упала черепица, и в больнице по приметам была установлена его личность⁸⁹. Доставленный в Одессу 20 декабря, Троицкий вскоре сознался в своей переписке с Элпидиным; по его словам, эмигрант предлагал ему открыть в России подпольную типографию. С Борисовым Троицкий обсуждал идею создания рабочих артелей на юге, где можно было бы также заниматься образованием рабочих; Борисов предлагал выделить на это дело 1200 рублей. Для этих целей они и поехали из Саратова в Новороссийский край, договорившись для конспирации покинуть город порознь: сначала Борисов отправился в Царицын, а потом туда же прибыли Троицкий и Кунтушев, сказав всем в Саратове, что они уехали в Нижний Новгород. Судя по всему, между ними были разногласия: Троицкий стал предлагать Борисову использовать капитал не для создания артелей, а для своей поездки к Элпидину – Борисов отказался, хотя позже присылал деньги Троицкому в Елизаветград. В последний город Троицкий и Кунтушев переехали, поскольку первому он казался удобным местом для создания склада запрещенных изданий. Издания то ли должны были переправляться из-за границы, то ли, согласно предложению Элпидина, печататься тут же. Кунтушев, по словам Троицкого, считал, что в случае ареста нужно оговорить себя в другом, уголовном преступлении, чтобы отвести подозрения в подпольной деятельности⁹⁰.

Лишь в феврале 1870 г. Кунтушев отказался от своей тактики и подтвердил показания Борисова и Троицкого. Он говорил, что Елизаветград был выбран с целью организовать там «пункт для распространения женеvских изданий» и что Троицкий получил от Элпидина в Елизаветграде четыре письма, которые по прочтению сжигал, и потому Кунтушев их не читал. Троицкий передавал слова Элпидина, что тот послал к ним «особого агента», который на границе должен войти в сношения с контрабандистами и потом приехать в Елизаветград. Но агент не появился, и Троицкий просил Борисова достать ему заграничный паспорт, но Борисов отказался. Причины же исчезновения Троицкого из Елизаветграда Кунтушеву, как он утверждал, не были известны⁹¹. Воспоминания Борисова подтверждают пропагандистскую версию поездки⁹².

Наконец, судя по сведениям, собранным саратовским судебным следователем в феврале 1870 г., трое товарищей в свою бытность в Саратове не были замечены в какой-либо политической неблагонадежности⁹³, а стало быть, их решение отправиться на юг носило скорее спонтанный характер.

Итак, непосредственных террористических планов елизаветградцы не строили. Но кто написал два анонимных письма? Кто приезжал к Кунтушеву и Троицкому из Одессы и предлагал взорвать почтовый поезд? Или этот эпизод был выдумкой Константина Клоча? Является ли случайным исчезновение Троицкого из Елизаветграда, больше напоминавшее бегство, и если нет, то откуда ему стало известно о готовившемся аресте? (Троицкий утверждал, что у него закончились денежные средства, и он «думал приискать таковые какою-либо должностью в Николаеве или в другом месте», к тому же он разочаровался в Елизаветграде как месте для организации склада; Кунтушеву о своем намерении уехать он не говорил⁹⁴. Это странно: ведь утром 29 октября они вышли из дома вместе, и Троицкий унес с собой какие-то вещи⁹⁵. Какой смысл скрывать от товарища факт своего невинного отъезда?) Наконец, главный вопрос: в чем правда, а в чем вымысел подметных писем? Пусть не было реальной организации покушения, но могли же быть разговоры, приведшие к подобным доносам?

Ответов на эти вопросы следствие не получило. В начале мая 1870 г. под конвоем жандармов Троицкий, Кунтушев и Борисов были отправлены в Петербург⁹⁶; производство по «Елизаветградскому делу», как уже упоминалось ранее, было слито с нечаевским делом, расследованием которого с января 1870 г. занималась специальная комиссия под руководством сенатора Чемодурова⁹⁷. Согласно докладу министра юстиции по нечаевскому делу, окончательный вердикт следствия относительно елизаветградской истории гласил, что сведение о покушении на императора «не подтвердилось ни одним фактом и было скорее плодом вымысла», а целью подследственных были сношения с женеvскими эмигрантами, ввоз и распространение сочинений⁹⁸. Трое елизаветградцев по решению Сената были освобождены из-под ареста 10 мая 1871 г. и высланы в Кострому под надзор полиции⁹⁹. Вывод следствия гласил, что Троицкий, «задумав создать ложную причину необходимости будто бы побега своего из Елизаветграда от преследований полиции, написал сам вышеприведенное письмо (елизаветградское анонимное письмо. – В.К.) к полицмейстеру, указав на несуществующее злоумышление»¹⁰⁰. Но если причину

побега из Елизаветграда и можно было оправдать доносом на самого себя, то какой смысл подводить себя под реальный арест впоследствии в Николаеве?

Еще при первых допросах Кунтушев показал, что в Елизаветграде они с Троицким первоначально останавливались в гостинице Лебедева. В домовую книгу была найдена запись за комнату, почерк которой полиция определила как почерк Кунтушева; он же был, по мнению следствия, «тождественен» почерку анонимного письма¹⁰¹. Одним словом, первоначально доносчиком вообще считали Кунтушева, хотя понятно, что второе письмо ни он, ни, допустим, Борисов, написать не могли, поскольку уже находились под арестом. При сравнении же письма с записью Троицкого в другой одесской гостинице, гостинице Илькевича, следователями было высказано предположение о том, что автором письма был Троицкий¹⁰². После ареста Троицкий заявил, что «даст полное, откровенное сознание, для чего просил предоставить ему бумагу и перо»¹⁰³. Вероятно, эти или какие-то другие его показания сопоставили с записью в книге гостиницы Илькевича (что дало положительный результат – запись сделана Троицким) и с анонимными письмами (что дало отрицательный результат – письма написаны не им). Экспертам удалось установить лишь тот факт, что два письма – елизаветградское и николаевское – написаны одной рукой¹⁰⁴. Автор же так и остался неизвестным.

Можно ли установить его сейчас, спустя полтора века? Любопытно, что в показаниях арестованных ни разу не было упомянуто имя Нечаева. Между тем в конце 1869 г. властями было установлено, что Нечаев после нескольких месяцев эмиграции вернулся в Россию через южную границу и останавливался в Одессе. Следствие заинтересовалось, не мог ли он видиться на юге с участниками «Елизаветградского дела». Проверить эту версию в феврале 1870 г. было поручено прокурору одесской судебной палаты Орлову. По данным министерства юстиции, Нечаев мог приехать в Россию с паспортом на имя московского мещанина Николая Николаева, прописанного в румынском городе Браиле. Полковник Кноп со свойственным ему энтузиазмом высказал мнение, что Нечаев – это тот самый агент Элпидина, которого ждал Троицкий (по словам Троицкого, агент должен был войти в сношения с контрабандистами именно в Браиле)¹⁰⁵. Орлов также связывал фигуры «агента Элпидина» и Нечаева, но при этом предполагал, что Нечаев, «вероятно, миновал Елизаветград»¹⁰⁶.

В ходе допросов никто из троих елизаветградцев не признался в том, что знал Нечаева или кого-либо из его соратников, и каких-либо фактов, опровергавших это незнание, у следствия не было¹⁰⁷. Тем не менее, подозрение оставалось. В ходе следствия по нечаевскому делу в бумагах участника «Народной расправы» П.Г. Успенского было найдено имя некоего Николая Собещанского, жившего в с. Попушай Аккерманского уезда Бессарабской губернии: по словам Нечаева, у Собещанского можно было найти приют. Собещанский был арестован и рассказал, что 31 августа 1869 г. по дороге в Одессу он случайно познакомился с неким сербом по фамилии Катарошанец, который ехал в Россию, чтобы устроиться работать на железной дороге. Они остановились в гостинице, и там серб рассказал, что его преследует русское правительство, рассуждал о недовольстве народа и говорил, что у него есть товарищи в разных городах, среди которых он называл Елизаветград: среди упомянутых людей Собещанский запомнил фамилии Борисова и Троицкого. Как-то раз серб ушел и возвратился сильно недовольным, сказав, что не застал в Овидиопольском дворе Борисова, с которым хотел повидаться. Пробыв потом несколько дней у Собещанского в Попушае, серб уехал, сказав, что сначала едет в Елизаветград, а затем в Москву. Собещанский по фотокарточке опознал в сербе Сергея Нечаева¹⁰⁸.

Следствие сопоставило даты: 29 августа Троицкий и Кунтушев въехали в гостиницу Лебедева в Елизаветграде, что подтверждалось записью в книге гостиницы, а Нечаев прибыл в Одессу на пару дней позже. Придя к выводу, что увидятся в Одессе они не могли, власти на этом остановились¹⁰⁹. Почему-то упоминание Нечаева о том, что он собирался ехать в Елизаветград, не было принято во внимание. Но благодаря сведениям Борисова мы можем узнать, что в Елизаветград Нечаев заезжал: Троицкий и Кунтушев, как сформулировано в воспоминаниях, написанных со слов Борисова И. Ракитниковой, «...столкнулись с Нечаевым, с которым решили действовать вместе. Но крайняя неразборчивость Нечаева в средствах оттолкнула от него Борисова и его товарищей. Вскоре, по невыясненным обстоятельствам, вся компания подверглась преследованиям полиции; Борисова и Кунтушева арестовывают, Нечаеву и Троицкому удалось скрыться»¹¹⁰. Эта цитата позволяет предположить, что встреча с Нечаевым была незапланированной – революционеры «столкнулись» с ним и какое-то время общались. Возможно, о пребывании в Елизаветграде подпольщиков Нечаев узнал в среде революционной моло-

дежи в Одессе и, предложив им поначалу свою помощь, тут же призвал их к каким-то иным действиям, отличавшимся «крайней неразборчивостью» (например, взорвать почтовый поезд?).

Учитывая, что двумя предложениями ранее процитированного отрывка в воспоминаниях Борисова сказано, что Троицкий и Кунтушев поехали в Елизаветград «на поиски контрабандистов», можно утверждать, что не Нечаев был агентом Элпидина, иначе бы Борисов прямо назвал Нечаева ожидаемым контрабандистом. Приведенное выше предположение Кнопа, с которым впоследствии согласился и Гросул¹¹¹, представляется необоснованным. К тому же, по различным свидетельствам, Нечаев и Элпидин весьма пренебрежительно относились друг к другу. Так, Нечаев говорил Успенскому, что Элпидин с ним и Бакуниным «не имеет ничего общего, так как занимается вздором – изданием книг»¹¹². А сам Элпидин в начале XX в. вспоминал, что виделся с Нечаевым всего один раз и «сохранил от встречи с ним неблагоприятное впечатление»¹¹³.

Некоторые сведения, связанные с планами Элпидина по организации перевоза запрещенных изданий в Россию, можно почерпнуть из показаний отставного поручика Н.А. Шевелева, встречавшегося во второй половине 1860-х – начале 1870-х гг. с Элпидиным в Швейцарии. Летом 1869 г. Шевелев в разговоре с эмигрантом слышал, что заграничные издания нужно перевозить «только до Одессы к одному лицу, фамилию которого он не сказал, и уже оттуда будут развозиться в разные места России, – что они (Элпидин и его окружение. – В.К.) уже запаслись там дельным человеком»¹¹⁴. Элпидин предлагал Шевелеву распространять литературу среди проживавших на юге молочан, и с этой целью Шевелев осенью 1869 г. пересек границу, встретившись по рекомендации эмигранта с неким «Николаем Ивановичем» в молдавском селе Чучьма (его реальная личность так и осталась неизвестной) и доктором-поляком в Измаиле¹¹⁵. Неясно, мог ли Шевелев быть предполагаемым агентом, о котором Элпидин писал Троицкому (никаких фактов, связывающих его поездку с «Елизаветградским делом», нет), был ли кто-то еще, кого он по той же схеме хотел отправить в южные губернии или же, в виду своего подозрительного характера, Элпидин и вовсе дал Троицкому ложную надежду, не собираясь в реальности с ним сотрудничать.

Тот факт, что Нечаев не сотрудничал с Элпидиным, подтверждается и сведениями Шевелева. После случайной, как утвер-

ждал Шевелев, встречи с Нечаевым в Одессе, он получил выговор от «Николая Ивановича» за нарушение требования Элпидина вступать в контакт только «с теми, о ком он вам скажет или напишет». На возражение Шевелева о том, что он наблюдал, как ему показалось, «дружеские отношения» между Элпидиным и Нечаевым, «Николай Иванович» ответил, что Элпидин характеризовал Нечаева как «мальчика», а о деятельности этого «молодца» и «искателя приключений» ему, «Николаю Ивановичу», ничего от Элпидина неизвестно¹¹⁶.

Итак, согласно Борисову, вскоре после встречи с Нечаевым компания «подверглась преследованиям полиции». Троицкий и Нечаев, «...скрываясь от ареста, сели на пароход, но полиция усиленно разыскивала их; всюду разосланы были их приметы и обещана награда за их поимку. На пароходе против обоих беглецов почему-то возникли подозрения. Тогда они, воспользовавшись ночью, отвязали лодку от парохода и скрылись в херсонских камышах», – говорилось в публикации воспоминаний¹¹⁷. Не этим ли объясняется странное появление Троицкого в Николаеве? Николаев стоит на устье реки Ингул, и на этой же реке расположен Елизаветград. Из-за скорого побега с парохода Троицкий мог или забыть, или потерять свои вещи, из-за чего он остался без денег, и до Николаева ему пришлось добираться пешком. Воспоминания Борисова подтверждают ряд фактов, упомянутых в анонимных письмах: в первом письме указан человек, приехавший к Троицкому и Кунтушеву из Одессы и предлагавший взорвать поезд (Нечаев?); во втором письме сказано, что в Николаеве находятся Ялпидин (т. е. Троицкий) и Кузнецов (Нечаев?).

Кто мог написать донос в Елизаветграде, не подорвав доверия Троицкого и Кунтушева, а затем знать о том, что Троицкий и Нечаев, сбежав вдвоем из Елизаветграда, оказались в Николаеве, чтобы уже на следующий день по их прибытии в город сообщить об этом местному полицмейстеру? Этим человеком мог быть только сам Нечаев! Он же и рассказал Троицкому о вероятном аресте, способствуя его побегу. Возможно, тем самым он надеялся и слегка отомстить елизаветградцам за отказ сотрудничать, и получить при этом доверие Троицкого, толкнув его к более радикальной позиции. Становится ясно, почему в письмах реальные факты (имена и адреса людей, хорошо известные автору) перемешивались с явным вымыслом (террористическими планами, идеей ограбления почты, представлением Троицкого в качестве опасного политического эмигранта), что должно было быстро

привлечь внимание политического сыска, но при этом имя Нечаева осталось неназванным.

Напомним, что еще во время студенческих волнений Нечаев проявил интерес к манипулятивному воздействию на молодежь: так, он был недоволен, узнав, что его товарищ Ралли уничтожил записку вольнослушателя Технологического института Г.П. Енишерлова, в которой последний предлагал свое участие в возможном акте цареубийства¹¹⁸; после того, как подписной лист с одной из студенческих сходок, руководимой Нечаевым, оказался в руках полиции, среди студентов ходили достаточно убедительные слухи, что этот документ должен был держать «опрометчивых молодых людей в кулаке», а в полиции он оказался не без помощи самого Нечаева¹¹⁹.

К сожалению, оригиналы анонимных писем, почерк которых можно сравнить с каким-нибудь автографом Нечаева, в центральных архивах не сохранились. Тем не менее, гипотеза о нечаевском следе в «Елизаветградском деле» показывает склонность его фигурантов к мирным формам подпольной деятельности и её низкому организационному уровню. Ту же картину можно было наблюдать и в истории «Сморгонской академии»: результаты поездки Троицкого и Кунтушева в Елизаветград были столь же неудачными, как и миссия Бочкарева в Швейцарию или попытка сморгонцев освободить Чернышевского.

Судьбы неизвестные

Наверное, те из читателей, кто ожидал увидеть на страницах этой книги увлекательную историю о террористах и радикалах, поклонниках Каракозова и соратниках Нечаева, остались немного разочарованными. Дороги сморгонцев, как может показаться, случайно пересеклись и также случайно разошлись в стороны. Но не стоит воспринимать калейдоскоп их едва заметных биографий как сборник несвязных повествований – именно через эту личностную мозаику можно понять характерное для русского революционного сообщества второй половины 1860-х гг. смешение разнородных людей, чье разнообразие взглядов, способностей и предпочтений вряд ли может быть охарактеризовано скупыми энциклопедическими терминами. Попробуем завершить рассказ

описанием «бездельных судеб» сморгонцев после их «выпуска из «Академии»».

К моменту распада тайного общества «Сморгонская академия» весной 1869 г. студенческие волнения в столице были подавлены, но активность революционного сообщества только нарастала. Не прекращались и преследования властей, пытавшихся найти виновников произошедших событий. Как докладывал впоследствии министр юстиции императору, «собранные при расследовании их (беспорядков – В.К.) сведения привели к убеждению... что учащаяся молодежь со своими заявлениями была не более, как орудием в руках людей, преследовавших совсем иные цели и бывших главным образом причиною беспорядков»¹²⁰. Даже те сморгонцы и близкие им люди, которые не были настроены на заговор и политическую борьбу, могли попасть под подозрение в виду тесных связей и знакомств в революционной среде.

Среди таких лиц был А.Н. Колачевский, ранее оказывавший финансовую поддержку кружку сморгонцев. Колачевский весной 1869 г. служил помощником петербургского присяжного поверенного А.М. Унковского, который за свою протестную позицию в ходе крестьянской реформы десятилетней давности продолжал находиться под полицейским надзором. Бывший сморгонец 13 апреля 1869 г. случайным образом пришел в квартиру Е.Х. Томиловой, жены отставного подполковника, арестованной в связи с нечаевским делом (она состояла в переписке с находившимся тогда в Женеве Нечаевым), и также был арестован. Вскоре после объяснений, выявивших общих знакомых Томиловой и Колачевского (в частности, семейства Засулич), он был освобожден¹²¹.

В конце года, однако, его знакомства в петербургском обществе вновь повлекли за собой неприятности. Вернувшийся в Россию Нечаев поручил своему петербургскому стороннику И. Лихутину вынудить Колачевского подписать вексель на 6 тысяч рублей, чтобы в дальнейшем шантажировать его этим документом. В октябре 1869 г. Иван Лихутин при встрече с Колачевским передал ему некие конспиративные документы; на выходе из квартиры его брат Владимир, переодетый в жандармского офицера, и сопровождавший его П.К. Дебогорий-Мокриевич инсценировали задержание Колачевского и заставили его выписать вексель¹²². Вероятно, не желая брать ответственность за уголовное преступление, братья Лихутины сожгли полученный вексель; как говорил И. Лихутин под следствием, «мы не ожидали даже, что он даст, а думали просто попутать»¹²³. По мнению близкого

знакомого Колачевского М.Ф. Негрескула, эта история была местью Нечаева, поскольку Колачевский, как и сам Негрескул, вредили Нечаеву распространением негативных слухов¹²⁴. 5 декабря в связи с нечаевским делом Колачевского вновь арестовали, но в августе 1871 г. петербургская судебная палата его оправдала. (Как можно заметить, далеко не все участники процесса нечаевцев были действительными нечаевцами.) В дальнейшем имя Колачевского не было связано с революционным движением. В 1880-е гг. он какое-то время издавал в Москве журнал «Эпоха» и умер в 1888 г.¹²⁵

Любопытно, что 13 апреля 1869 г. на квартире Томиловой был арестован не только Колачевский, но и М.О. Антонова, о которой не раз упоминалось в контексте московских связей «Сморгонской академии». Ни Колачевский, ни Антонова не знали о состоявшемся в тот же день аресте Томиловой и пришли к ней в гости¹²⁶. Неясно, был ли их визит совместным – следственные документы не дают ответа на этот вопрос. Тем не менее, III отделение еще больше заинтересовалось делом, и в ходе выяснения связей Томиловой, Антоновой и многих других 3 мая под арест попала и сестра Колачевского Людмила – её подозревали в посредничестве в отношениях различных петербургских и московских революционных кружков, в т. ч. сторонников Нечаева. Впоследствии Успенский показал, что Л. Колачевская перевозила в Москву некий типографский шрифт. Следствие не смогло доказать её активного участия в деятельности нечаевцев и решило, что «её молодость и легкомыслие заставляют скорее предполагать, что она в данном случае была не более, как слепой исполнительницей чьего-нибудь приказа». В январе 1870 г. она была освобождена из-под ареста и в дальнейшем проживала на родине в Смоленской губернии¹²⁷.

За её сестрой Анной, также посещавшей ранее собрания «Сморгоны», в июле 1869 г. был учрежден полицейский надзор в виду близких отношений с различными подозрительными лицами; в ноябре этого же года она была обыскана в Москве. Впрочем, Анна не была уличена в противозаконных действиях. Это позволило ей в 1871–1873 гг. легально выехать в Швейцарию, где, по сведениям III отделения, она вела себя «как в нравственном, так и в политическом отношении крайне предосудительно»¹²⁸. После этого А. Колачевская жила в Петербурге и Смоленске¹²⁹.

Схожей была судьба Е.И. Засулич. Весной 1869 г. она была арестована из-за сведений о собраниях на её квартире, где некие молодые люди обсуждали, как «избавиться от государя». Собранных сведений не хватило для дальнейшего следствия, и в июне 1870 г. она была освобождена на поруки. Несмотря на то, что до студенческих волнений революционно настроенная молодежь имела о ней понятие «как о самостоятельной и крайней радикалке» (как писал её будущий муж Л.П. Никифоров)¹³⁰, Екатерина не повторила путь своей младшей сестры Веры. Вскоре после освобождения она вышла замуж за участника «радикальной партии» студенческих волнений Никифорова, и в 1872 г. они были выслааны в г. Солигалич Костромской губернии. Имя Никифоровой теряется со страниц истории, а её муж к умеренной политической деятельности вернулся лишь в начале XX в., вступив в партию эсеров. Известно, что Никифорова пережила мужа, умершего в 1917 г.¹³¹

Эти примеры показывают, как трудно провести границу между теми, кого можно однозначно причислить к деятелям революционного движения, и теми, кто жил, общался и обсуждал общие идеи вместе с ними, но фактически никаких противоправительственных действий не предпринимал. Простое знакомство могло послужить достаточной причиной для ареста. Возможно, это побудило жившего какое-то время в сморгонской коммуне М.И. Орфанова покинуть столицу. В его изданных (и следовательно, подцензурных) очерках можно найти лишь несколько смутных фраз об отъезде из Петербурга. Упомянув, что к 1869 г. он прослушал три курса на юридическом факультете (в качестве вольнослушателя или студента, не уточнялось), Орфанов писал, что в первой половине года он, «...еще юношей, 20-ти лет, по разным обстоятельствам, должен был бросить университет и самый Питер и удалиться куда-нибудь подальше. Случай сделал то, что, в июне того же года, я очутился в отвратительном городишке Чите, считающемся главным городом Забайкалья, в качестве помощника столоначальника областного правления»¹³².

Биограф Орфанова Физиков предполагал, что Орфанов уехал в Сибирь в связи с идеей освобождения Чернышевского. В качестве доказательства этого тезиса он привел несколько аргументов: Чита была расположена недалеко от Александровского завода, где в это время жил Чернышевский; историк Е.Е. Колосов еще до революции высказывал мнение, что Загibalов, Шаганов и другие ишутинцы, находившиеся в ссылке, могли через Орфанова

пересылать за границу свои рукописи; наконец, Физиков обратил внимание на послужной список Орфанова, согласно которому он успел побывать стряпчим и секретарем полицейского управления и даже чиновником по особым поручениям при управлении Нерчинской каторги¹³³. Несмотря на эти косвенные доводы, вывод о том, что «служба Орфанова в Сибири – это, видимо, еще одна попытка каракозовцев через официальные каналы войти в окружение ссыльного Н.Г. Чернышевского с целью освободить его», представляется сомнительным¹³⁴.

То, что нам известно об ишутинцах и сморгонцах, не позволяет говорить о сколько-нибудь запланированных и долговременных действиях подпольных групп второй половины 1860-х гг. Скорее всего, речь шла лишь о самостоятельной инициативе Орфанова, который посвятил семь лет своей жизни знакомству с Восточной Сибирью и, возможно, помощи сосланным туда революционерам. Подобный выбор мог быть мотивирован как его личным энтузиазмом, так и желанием покинуть Петербург из-за опасений ареста. Последнее, в виду острой характеристики Читы в очерках Орфанова, вероятнее. Возможно, у Орфанова также было желание познакомиться с Чернышевским или с условиями его жизни, но имеющихся фактов слишком мало, чтобы говорить о настрое на организацию побега. Выйдя в отставку в 1876 г., Орфанов жил в Москве и Петербурге, публикуя свои нелегальные очерки о жизни Сибири в «Русской мысли», «Отечественных записках» и других изданиях. Он общался с народническими кругами, и обнаружение его адреса в записной книжке арестованного Лопатина привело к лишению его права на жительство в столице в 1880 г. Писатель умер в 1884 г. в Москве, в Мариинской больнице для бедных¹³⁵.

Во второй половине 1869 г. несколько бывших сморгонцев стали участниками нечаевской авантюры. Из них в первую очередь следует отметить Черкезова, проживавшего в это время в Москве. Непосредственным членом «Народной расправы» он стал в конце октября – начале ноября по приглашению А.К. Кузнецова. Любопытно отметить, что, несмотря на свою энергию и опыт, Черкезов не был в числе тех лиц, кто вошел в центральный кружок «Народной расправы»: Нечаев лично сказал ему, что «по распоряжению центра он, Черкезов, должен состоять в кружке Кузнецова и с ним сноситься»¹³⁶. (Вероятно, среди своих непосредственных подчиненных Нечаев предпочитал видеть менее опытных и более податливых лиц.) Среди прочих Черкезов при-

влек в общество своих знакомых по «Сморгонской академии»: Бобарыкову, брата и сестру Коведяевых. В ходе следствия ряд нечаевцев показывали, что «...князь Черкезов был одним из самых деятельных членов общества; так, он жертвовал в пользу общества деньги, которыми также снабжал организатора общества, Нечаева, и способствовал ему уехать за границу, причем преступная цель поездки Нечаева была ему известна. Склоняя к поступлению в общество разных лиц, Черкезов распространял между ними прокламации преступного содержания, устраивал притоны для лиц, принадлежащих к обществу, ездил в Петербург и Тулу для сношения с разными лицами...»¹³⁷.

Черкезов был арестован 29 декабря 1869 г. и на процессе нечаевцев причислен ко второй группе обвиняемых, куда в основном вошли участники второстепенных кружков «Народной расправы» (т. е. подчиненных членам главного кружка). 6 августа 1871 г. он был приговорен к лишению всех прав и привилегий и ссылке в Томскую губернию с запретом выезда в другие губернии в течение 5 лет. Отметим, что это был самый строгий приговор среди второй группы подсудимых нечаевцев, состоявшей из 33 человек. Находясь в московской пересыльной тюрьме, Черкезов вел политическую пропаганду среди уголовных преступников. В январе 1876 г. ему удалось бежать за границу, где он какое-то время работал в редакции газеты «Вперед!» в Лондоне. Переехав в Женеву, он сблизился с бакунистами, а затем с П.А. Кропоткиным и другими анархическими группами¹³⁸.

С тех пор Черкезов не изменил своим анархическим взглядам: он был сотрудником таких анархических изданий как «Le Revolté» («Бунтовщик»), «Freedom» («Свобода»), «Le Temps Nouveaux» («Новое время»), писал работы, критиковавшие марксизм с анархических позиций, вызвавшие полемические ответы Каутского, Плеханова и даже молодого Сталина; в начале XX в. он участвовал в работе Группы русских анархистов за границей и женевского журнала «Хлеб и воля». В 1903 г. в Париже Черкезов был делегированным от анархистов оппонентом при обсуждении доклада Ленина об аграрной проблеме. В последние годы жизни он симпатизировал грузинскому национальному движению; переехав в Грузию после революции и не признав её присоединения к советской России, Черкезов вернулся в Лондон, где умер в 1925 г.¹³⁹ Современные анархисты считают Черкезова одним из выдающихся представителей либертарного социализма¹⁴⁰.

Ко второй группе обвиняемых на процессе нечаевцев был отнесен Д.Е. Коведяев. На суде он сознался в том, что в ноябре 1869 г. по приглашению Черкезова вступил в «Народную расправу», где его определили в кружок И.Г. Прыжова. Собрания кружка проводились в т. ч. на квартире Коведяева в Москве; там же какое-то время жили Черкезов, Нечаев, Бобарыкова, Н.Н. Николаев и другие лица¹⁴¹. Коведяев по решению суда был приговорен к тюремному заключению на два месяца и полицейскому надзору на 5 лет. Дальнейшая его судьба неизвестна¹⁴².

Его сестра, Л.Е. Коведяева, предположительно в конце 1860-х гг. фиктивно вышедшая замуж за дворянина Воронцова¹⁴³, также была арестована из-за нечаевского дела в феврале 1870 г.¹⁴⁴ На суде она отказалась от адвоката и защищала себя сама¹⁴⁵. По её словам, в начале ноября 1869 г. она, находясь в Москве, получила анонимное письмо, приглашавшее её на встречу с неизвестным человеком — этим человеком был нечаевец Кузнецов. Через Кузнецова она, якобы так же случайно, познакомилась с Нечаевым и узнала устав тайного общества, куда её пригласили вступить. Нечаеву в ходе разговора Воронцова рассказала о своих знакомых в столице, которых она могла бы склонить к вступлению в общество. По возвращении в Петербург Воронцова «убедилась, что действия вышеупомянутых московских незнакомцев смешны» и прервала всякие контакты с ними¹⁴⁶. Подобная история, конечно, вызывает сомнение; должно быть, Воронцова познакомилась с нечаевцами через посредство своего брата или Черкезова. Так или иначе, на этом её участие в нечаевской истории исчерпывалось. Отнесенная к третьей группе обвиняемых, включавшей в основном петербургских сторонников Нечаева, Воронцова была оправдана и продолжала жить в Петербурге под негласным надзором¹⁴⁷.

Писатель Слепцов, знакомый с Воронцовой еще с 1860-х гг., сообщал своей матери в 1873 г., что «совсем больная» Воронцова уехала в Волынскую губернию «работать на железной дороге и лечиться». Сохранились свидетельства, что Воронцова способствовала отношениям Слепцова и Л.Ф. Нелидовой и продолжала оставаться близким другом их семьи до конца 1870-х гг.¹⁴⁸ Она работала «повивальной бабкой» в с. Рудакове Новгородской губернии и в Симбирске, а во время русско-турецкой войны служила в лазарете Красного Креста в Сызрани. Вернувшись в Петербург, Воронцова какое-то время жила с инженером А.Н. Тверитиновым, давним участником революционного сообщества (так,

в 1870 г. его обыскали в виду знакомства с Д. Коведяевым, а впоследствии не единожды привлекали к следствию из-за контактов с различными революционерами, включая Лопатина). Сама Воронцова в 1879 г. также была обыскана и арестована по обвинению в хранении типографского шрифта и связях с подпольем, но вскоре отпущена¹⁴⁹.

Воронцова в 1890–1892 гг. училась в Бернском университете, получив там звание доктора медицины. Российским властям было известно, что за границей она посещала семью Герцена, общалась с социал-демократом П.Б. Аксельродом и другими эмигрантами. Впоследствии Воронцова жила в Тверской губернии. Узнав в 1898 г., что её сын способствует рабочему движению в Петербурге, она писала Аксельроду: «Сердце радуется, видя это новое поколение, уже с ранних лет поставившее себе осуществить серьезную и трудную задачу»¹⁵⁰. В том же году Воронцова устроилась фельдшерницей в Солншевскую больницу близ станции Лопасня в Московской губернии, где тогда работал А.П. Чехов; в связи с этим исследователи полагают, что они могли быть знакомы¹⁵¹. Дальнейшая судьба Воронцовой неизвестна.

Ю.В. Бобарыкова виделась с Черкезовым в Петербурге в конце ноября – декабре 1869 г. На её квартире проходила встреча Черкезова и других нечаевцев (Николаева, А. де Тейльса и В.В. Александровской). Черкезов пригласил её приехать в Москву, где она получила от Николаева зашифрованную записку для передачи Нечаеву в Женеве¹⁵². Эту записку в Петербурге Бобарыкова отдала своей близкой подруге А.Н. Луканиной, чтобы та отвезла её в Швейцарию. Муж Луканиной, Ю.А. Луканин, ранее работавший в конторе журналов «Русское слово» и «Дело», не стал скрывать от властей подозрительного письма и заявил об этой истории III отделению. Следствие разрешило Луканину показать записку поручику Бобарыкову, чтобы тот выяснил у жены содержание письма и обстоятельства её участия в истории. После этого записка исчезла, что привело к обвинению Бобарыкова в уничтожении улики. Бобарыков при этом 29 декабря 1869 г. сам привел жену в III отделение, что не спасло от ареста в середине января 1870 г. ни его, ни чету Луканиных¹⁵³.

Власти в дальнейшем не смогли обвинить Бобарыкова ни в принадлежности, ни в знании о нечаевском обществе, а уничтожить записку, как они предполагали, мог и Луканин. Бобарыков в мае 1871 г. был освобожден¹⁵⁴. Его жена, как и Воронцова, была причислена к третьей группе обвиняемых и оправдана¹⁵⁵. Агент

III отделения, наблюдавший за судебным процессом, писал в служебной записке, что оправдательный приговор был неожиданным, поскольку Бобарыкова «ревностно пропагандировала в Петербурге тайное общество; у неё собирались члены общества, от неё они отправлялись на сходки»¹⁵⁶. Вероятно, он был прав: о больших симпатиях Бобарыковой к нечаевцам и революционных убеждениях говорит её письмо Успенскому января 1872 г., в котором она называла главных фигурантов процесса нечаевцев Успенского, Николаева, Кузнецова и Прыжова «честными мучениками за свободу и народ», и писала, что «вера и убеждения наши сильнее и III отделения, и крепости, и т. д., и, может быть, еще и до вас дойдет слух, что ваши мучения даром не пропали»¹⁵⁷.

На этом число привлеченных к нечаевскому делу сморгонцев заканчивается. Несколько индивидуальных историй не позволяют сделать вывод, нередко встречавшийся в исторической литературе, согласно которому «Сморгонская академия» и нечаевская организация были преемственными явлениями. Ни в «Сморгони», ни, тем более, в «Народной расправе» перечисленные лица не составляли большинство. Яркий пример деятельного Черкезова контрастирует с судьбами тех, кто вместе с ним основал петербургское общество, но при этом не продолжил революционную деятельность. Так, сосланный в г. Слободской Вятской губернии Полумордвинов служил там секретарем уездной земской управы. В прошлой главе уже говорилось, что, по некоторым данным, его жена поддерживала контакты с рядом участников революционного сообщества, сосланных на Вятку; следовательно, можно утверждать и об общении с ними её мужа. Незадолго до рождения сына в 1874 г. или вскоре после него он умер. Его сын Александр впоследствии стал инженером-изобретателем, чьи разработки способствовали созданию цветного телевиденья¹⁵⁸.

Но если Полумордвинов был вынужден покинуть Петербург, то другой сморгонец, Сергиевский, вновь вернулся туда, не сумев устроиться в Одессе. Вследствие обыска и допросов из-за знакомства с участниками «Елизаветградского дела», в ходе которого он показался местному жандармскому полковнику Кнопю «простоватым, напуганным, мягким и убитым горем и стесненными обстоятельствами» человеком, увольнения из «Новороссийских ведомостей» в связи с сокращением расходов редакции и ухудшившегося здоровья он решил уехать из города¹⁵⁹. Не очень ясно, насколько целенаправленным было его возвращение в столицу, хотя история, рассказанная им впоследствии следствию,

могла быть подтверждена документально, и потому представляется правдоподобной. По пути на родину весной 1870 г. Сергиевский задержался на 4 месяца в Новороссийске, где воспользовался возможностью подработать, обучая детей местных мелких чиновников. Здесь он познакомился со студентом петербургского Земледельческого института Эдуардом Старком, собиравшим в Новороссийске насекомых по заданию профессора Бальена (Э.Э. Баллиона). Старк попросил Сергиевского съездить с ним в столицу, поскольку ему нужна была помощь в сопровождении в Москву сына местного генерала Пиленко. Сергиевский и Старк в итоге поселились в одной квартире, расположенной недалеко от института¹⁶⁰.

Сергиевский поступил в институт вольнослушателем. Несмотря на имевшуюся у него судимость, в аттестате, выданном департаментом таможенных сборов, а также в свидетельстве городской полиции Новороссийска, о причастности Сергиевского к «делу 4-го апреля 1866 года» не говорилось, отчего администрация института без задней мысли зачислила Сергиевского в слушатели¹⁶¹. Сергиевский сблизился с некоторыми саратовскими уроженцами, которые успели познакомиться со сморгонцами еще в первой половине 1860-х гг. Среди них можно назвать Г.А. Софинского, приехавшего в Петербург в августе 1868 г. и общавшегося с Жигмановским, Бобарыковым, Колачевским и, вероятно, многими другими известными нам персонажами; С.В. Разсудова (Рассудова), впоследствии признавшегося властям в знакомстве с Катин-Ярцевым и Воскресенским¹⁶². Должно быть, после своей неудачи в Одессе Сергиевский решил попробовать вновь устроиться в столице, но и здесь ему пришлось столкнуться с очередным политическим делом.

В конце 1870 г. III отделение узнало, что в Земледельческом институте происходят частые многочисленные сходки студентов, в ходе которых высказывались идеи пропаганды среди крестьян, создания революционных коммун, а некоторые из активных студентов, как подчеркивали агенты-доносчики, уже известны властям в связи с нечаевским делом (А.М. Попич, Натансон)¹⁶³. Следствие заинтересовалось тем фактом, что студенческим сходкам способствовала благосклонность профессоров А.Н. Энгельгардта и П.А. Лачинова. По сведениям III отделения, они «постоянно ведут со студентами разговоры о крайних социальных вопросах и систематически развивают в своих учениках идеи социализма и революции», «сами устраивают сходки, руководят на

них спорами» и даже «выхлопотали у директора института позволение устраивать студенческие вечера в большой зале»¹⁶⁴.

Среди сведений об участниках собраний были и упоминания поступившего в число слушателей Сергиевского. По мнению III отделения, само «присутствие там такой личности подало повод думать, что Сергиевский воспользуется случаем проповедовать между слушателями института вредные политические теории»¹⁶⁵. В виду этих подозрений Сергиевский был арестован и около месяца (с начала декабря 1870 г. по начало января 1871 г.) провел в заключении в Петропавловской крепости¹⁶⁶. Не найдя никаких доказательств причастности Сергиевского к собраниям в Земледельческом институте, следственная комиссия освободила его, но добавила, что его аттестат, не содержащий сведений о судимости, как и аналогичный формулярный список, должны были исправлены¹⁶⁷. Что было с Сергиевским дальше, неизвестно.

Когда осенью 1870 г. Сергиевский поступил слушателем в институт, его примеру захотел последовать Воскресенский. В 1869–1870 гг. он, судя по всему, не участвовал в революционном движении, будучи занятым службой в департаменте неокладных сборов. Как он говорил следствию, в это время он жил, «почти никуда не выходя, кроме службы», и общался лишь с некоторыми коллегами-чиновниками¹⁶⁸. В конце 1869 г. его привлекли к дознанию по «Елизаветградскому делу», поскольку арестованный Кунтушев рассказал следствию о «Сморгонской академии», а Сергиевский и Борисов, как выяснилось, встречались в 1868 г. на юге с Воскресенским; дело ограничилось лишь дачей показаний¹⁶⁹. Приехавший в августе 1870 г. в Петербург Сергиевский вскоре навестил приятеля и, должно быть, навел его на мысль поступить в Земледельческий институт. В октябре Воскресенский подал соответствующее прошение, но ему было отказано, поскольку его фамилия была в списке лиц, «которые без особого разрешения не принимаются». Воскресенский ходил на прием к декану Энгельгардту, но письменное обращение Энгельгардта к директору института Е.А. Петерсону не помогло¹⁷⁰.

В ходе разбора дела о собраниях в Земледельческом институте ряд студентов из числа упомянутых выше саратовских уроженцев говорили о своем знакомстве с Воскресенским; о нем же упомянул и Сергиевский¹⁷¹. К этому времени III отделение на основании ряда источников уже успело собрать некоторую информацию о «Сморгонской академии»¹⁷². Воскресенский на какое-то время

был арестован и допрошен, но его причастность к расследуемому делу была еще меньше, чем причастность Сергиевского, а свидетельство о существовании в 1867–1868 гг. сморгонской коммуны не было при этом признанием в руководстве тайным политическим обществом. Как справедливо писал Козьмин, следствие «мало интересовал кружок, прекративший свое существование уже около двух лет до того», и потому вскоре Воскресенский был отпущен¹⁷³. О его последующей судьбе известно лишь то, что в 1875 г. он уехал из Петербурга в г. Семипалатинск¹⁷⁴.

Сморгонец Н.П. Гончаров, исключенный из Технологического института в январе 1868 г., судя по характеристике III отделения, в 1870–1871 гг. общался с революционными молодежными кружками Петербурга и вообще был известен «своими революционными замыслами». Его товарищи, по словам полицейских чиновников, считали Гончарова «слишком умеренным, так как он решительно отвергает такие крайние средства, как, например, цареубийство»¹⁷⁵. Властям было известно и о его участии в «Сморгонской академии»¹⁷⁶, но к допросам его не привлекали – возможно потому, что Гончаров, сам того не подозревая, в доверительном общении с неким агентом III отделения рассказывал ему о настроениях молодежи и деятельности кружков.

Гончаров в начале 1871 г. сблизился с кружком чайковцев, а в апреле – мае самостоятельно предпринял издание периодического листка «Виселица»¹⁷⁷. 40 экземпляров четырех различных воззваний были им напечатаны с помощью шрифта, полученного от человека, имя которого он так и не раскрыл следствию, и разбросаны по почтовым ящикам и лестницам столицы. В «Виселице» Гончаров солидаризировался с Парижской коммуной и выражал уверенность в том, что вскоре революция придет и в Россию; также он гневно отзывался о М.Н. Каткове и писал о желании его скорейшего убийства. Следствие установило причастность Гончарова, а состоявшийся в феврале 1872 г. суд приговорил его к ссылке на каторгу на 6 лет и вечному поселению в Сибири¹⁷⁸. Приговор был впоследствии смягчен до лишения прав и привилегий и простой ссылке в Сибирь¹⁷⁹. Наблюдавший за судебным процессом студент Технологического института И.Е. Деникер, в будущем известный французский натуралист и антрополог, не понимал, «...были ли умственные способности Гончарова в нормальном состоянии в то время, когда он печатал эти прокламации. На суде он всё время угрюмо молчал». В Сибири же, как рассказывал Деникеру Лопатин, Гончаров «не хотел ни видаться,

ни говорить с другими ссыльными»¹⁸⁰. В 1879 г. Гончарова по ходатайству отца помиловали и причислили к иркутскому мещанскому сословию; в 1905 г. он вернулся в Европейскую Россию¹⁸¹.

Рассказ об И.И. Бочкареве был прерван на моменте следствия по его делу. Не добившись от арестованного сморгонца признания в существовании петербургского тайного общества, комиссия Ланского выслала его административным порядком на родину в Осташков в конце декабря 1868 г.¹⁸² Бочкарев, вероятно, не хотел порывать старые связи, о чем говорило его письмо московской знакомой Антоновой, написанное в апреле 1869 г.: впрочем, в нем он утверждал, что ему «не в чем было сознаваться», словно пытаясь убедить потенциальных читателей из III отделения в своей полной невиновности¹⁸³. Во время расследования нечаевского дела в 1870 г. Черкезов признался, что Бочкарев в 1868 г. привозил из-за границы нелегальные издания. Но тогда эти старые факты уже мало кого заинтересовали: прокурору ржевского окружного суда было поручено провести дознание на месте, и обыск ничего не дал. К тому же, по сведениям тверского губернского жандармского управления, в июне 1869 г. Бочкарев получил по почте печатное воззвание Бакунина и тут же сообщил об этом уездному исправнику, что не способствовало подозрениям в его неблагонадежности. По результатам дознания он отделался домашним арестом¹⁸⁴.

Судя по данным III отделения, впоследствии ни в каких противоправительственных действиях Бочкарева более не уличали. Скорее всего, жизнь на родине была для него скучной, особенно в сравнении с частыми поездками за границу в 1867–1868 гг. В июне 1872 г. он, находясь под надзором полиции, скрылся из Осташкова и через месяц был случайно встречен своим земляком в Москве. Земляк, служивший пожарным солдатом, арестовал Бочкарева, и тот на дознании в тверском губернском жандармском управлении объяснил, что совершил побег «вследствие овладевшей им тоски» и без всякой конкретной цели¹⁸⁵. За этот проступок в октябре 1872 г. он был сослан в г. Красный Яр Астраханской губернии, откуда смог возвратиться в Тверь только летом 1874 г.¹⁸⁶

В 1915 г. историк революционного движения Богучарский опубликовал краткий отчет о деятельности следственной комиссии Ланского, в котором было сказано и несколько слов о поездке Бочкарева в Швейцарию¹⁸⁷. Текст отчета не оставлял сомнений, что речь шла о задержанном подследственном лице; несмотря на

это, некоторые невнимательные современники неверно интерпретировали факты источника. Кадетский публицист А.С. Изгоев (А.С. Ланде) в небольшой заметке в газете «Речь», делясь своими впечатлениями от прочитанной публикации, назвал Бочкарева «тогдашним прообразом нынешнего Азефа», подумав, что эта история – пример полицейской провокации¹⁸⁸.

Один из лидеров партии кадетов, член Государственной думы Ф.И. Родичев в ответной публикации в той же газете назвал эту характеристику «вздорной и гнуснейшей ложью». Из нескольких абзацев его текста можно узнать о судьбе Бочкарева после его возвращения в Тверскую губернию – Родичев, судя по всему, был лично знаком с бывшим сморгонцем во время своей деятельности в тверском земстве и даже не догадывался о его революционном прошлом. Бочкарев в 1874 г. был приглашен на службу по страховому делу членом губернской земской управы П.А. Корсаковым и «до конца жизни остался в тесных отношениях с земскими кругами». Согласно статье Родичева, опубликованной в 1915 г., Бочкарев незадолго до того умер. Он жил очень скромно, «его знали за человека очень независимого, любившего действовать на свой салтык»; Родичев характеризовал Бочкарева как «достойнейшего и чистейшего сердцем», а его взгляды – как «гораздо более этические и религиозные, чем политические»¹⁸⁹.

Известно, что Бочкарев чуть ли не с религиозной страстью долгое время отстаивал право именовать себя в официальных документах не православным, а «непринадлежащим ни к какому вероисповеданию»; Л.Н. Толстой, несколько раз встречавшийся с Бочкаревым на рубеже веков, отмечал в дневнике, что Бочкарев в ходе разговоров горячо спорил против религиозных воззрений писателя. Однажды в Ясной Поляне Бочкарев познакомился с М. Горьким и имел спор и с ним на тему рабочих артелей, о которых Горький отзывался отрицательно¹⁹⁰. (Удивительно, насколько крепко в течение почти полувека идея артельного производства держалась в сознании шестидесятника Бочкарева.)

Также ранее не была прояснена судьба участников «Елизаветградского дела». В мае 1870 г. по распоряжению министра юстиции арестованные Троицкий, Кунтушев и Борисов были отправлены в Петербург, где находились под арестом в Петропавловской крепости¹⁹¹. В рамках нечаевского дела небольшой эпизод в Елизаветграде, причастность Нечаева к которому даже не была установлена, казался периферийным проис-

шествием. В итоге следствие, остановившись на пропагандистской версии поездки Троицкого и Кунтушева, в мае 1871 г. было прекращено «за отсутствием признаков какого-либо преступления»¹⁹². В.И. Кунтушев был отправлен под надзор полиции в Кострому, а затем в г. Чухлому Костромской губернии¹⁹³, и дальнейшая его судьба неизвестна.

Ф.А. Борисов оказался в ссылке в г. Ветлуге той же губернии; в 1873 г. он обратился с просьбой о разрешении ему переехать на родину в Саратовскую губернию¹⁹⁴. Просьба была удовлетворена, и Борисов у себя на родине устроился волостным писарем в деревню, чтобы жить рядом с крестьянами и помогать им. Впоследствии он и вовсе перестал ставить перед собой общественно значимые цели. В 1927 г. он сообщил журналу «Каторга и ссылка» сведения о своей жизни, легшие впоследствии в основу небольшой заметки-некролога. В 1928 г. он умер в г. Аткарске Саратовской губернии. Опубликовавшая заметку И. Ракитникова отметила, что Борисов к этому времени был «едва ли не последним представителем народников-шестидесятников»¹⁹⁵.

М.П. Троицкий после освобождения был выслан в Пензу; спустя несколько лет ему разрешили вернуться в Саратов, где он устроился на службу на железной дороге. С началом народовольческого террора, как писал И.И. Майнов, Троицкий «почувствовал вновь стремление отдаться революционному делу», добавляя, что в нем была сильна «якобинская закваска»; возможно, поэтому пропагандистское по своему характеру «хождение в народ» его в свое время не привлекло. По инициативе Троицкого в Саратове появилась народовольческая организация. В 1882 г. он был арестован, долгое время просидел в тюрьме, где сошел с ума, и в 1885 г. умер¹⁹⁶.

И.Л. Шраг после исключения из Петербургского университета был выслан на родину в Черниговскую губернию. Практически сразу, в августе 1869 г., Шраг обратился к губернатору с просьбой о дозволении поступить на государственную службу; после соответствующего разрешения министра внутренних дел – «под ответственностью того начальства, которое его примет» – бывший участник студенческих волнений получил место в губернской управе, а затем стал кандидатом права. В 1871 г. он пытался перевестись на службу в Киев, но киевский губернатор посчитал, что университетский город с большим количеством учащейся молодежи может оказать дурное влияние на якобы «бесхарактер-

ную личность» Шрага (характеристика III отделения, основанная на сомнительных агентурных данных, как можно заметить, имела серьезное значение для государственных чиновников). В 1873 г. полицейский надзор за Шрагом был снят, а в 1878 г. он, будучи помощником присяжного поверенного и имея необходимость посещать столицы судебных округов, получил разрешение проживать в университетских городах и столицах. В течение своей жизни Шраг выступал защитником на политических процессах, работал в земских органах, способствовал развитию украинского языка, культуры и национального движения. Он был среди членов I Государственной думы, подписавших знаменитое Выборгское воззвание, вследствие чего его лишили избирательных прав и на какое-то время отстранили от адвокатской деятельности. После революции Шраг стал членом Украинской Центральной рады и летом 1918 г. даже получил предложение гетмана возглавить кабинет министров, от которого он отказался, сославшись на возраст и болезнь¹⁹⁷.

Высланный на родину Н.Н. Катин-Ярцев, встретив в Саратове Кунтушева, с июля 1869 г. жил с ним на одной квартире. У них в гостях часто бывали Троицкий, Борисов и высланный из Петербурга студент Горизонтов, также на какое-то время поселившийся у Катин-Ярцева¹⁹⁸. В чем-то похожая на петербургскую коммуную жизнь, в ходе которой все эти лица часто бывали друг у друга в гостях и вели разговоры, вызывавшие подозрения полиции, вероятно, прекратилась, когда часть компании уехала в Одессу, а сам Катин-Ярцев в сентябре 1871 г. переехал в Покровскую слободу Самарской губернии (ныне г. Энгельс Саратовской области), где служил секретарем съезда мировых судей. В 1880-е гг. он был присяжным поверенным саратовской судебной палаты. В 1886 г. Катин-Ярцев переехал в Саратов, где умер от туберкулеза в 1892 г.¹⁹⁹

Еще один участник студенческого движения Е.Д. Жигмановский был выслан на родину в Новочеркасск. В 1870 г. он занимался делопроизводством в штабе Донского казачьего войска и, по словам наказного атамана генерал-адъютанта М.И. Черткова, проявлял раскаяние «в юношеских заблуждениях своих»; атаман даже просил министра народного просвещения разрешить Жигмановскому окончить курс в одном из русских университетов. Прошение было отклонено, поскольку Жигмановский принадлежал к первой категории (к «главным виновникам») студенческих

волнений²⁰⁰. В 1879 г. он ушел в отставку и благодаря покровительству Черткова смог начать выпуск местной газеты «Донской голос». Вскоре у издания начались конфликты с цензурой, и после его закрытия в 1883 г. бывший сморгонец переехал в г. Царицын Саратовской губернии, где издавал новые газеты – с 1885 г. «Волжско-донской листок», а с 1897 г., уже в качестве официального издателя-редактора, «Царицынский вестник»²⁰¹.

* * *

По свидетельству народовольца К.М. Терешковича, вспоминавшего революционные увлечения молодежи начала 1880-х гг., популярный интерес к оппозиционной и во многом революционной субкультуре нигилизма часто был неглубоким и недолговременным. «Надо отметить, что большинство, увлеченное вначале этой больше эффектной стороной движения, вскоре совершенно отступалось от него. Осталась довольно небольшая группа, внимание которой было устремлено в более серьезную сторону, и от Писарева с его культом естественных наук и индивидуалистической идеологии перешедшая к другим учителям и к другим широким общественным идеалам», – писал Терешкович²⁰².

Эти слова можно сказать и в отношении людей, живших во второй половине 1860-х гг. Дальнейшая судьба сморгонцев наглядно показывает, что большинство из них, сохраняя симпатию к революционному сообществу, оставались на его периферии (например, Воронцова, Орфанов) или же вовсе покидали его (Воскресенский, Сергиевский), нередко меняя политические взгляды (Шраг; вероятно, Колачевский и Жигмановский) или ограничивая свою революционность индивидуальными, в большей степени этическими воззрениями (Бочкарев). Тех же, кто выбрал участие в нечаевской аванюре или иные революционные предприятия, вряд ли можно объединить в единую группу; их общее прошлое в «Сморгонской академии» не повлияло на схожесть политического выбора.

Если условно соотнести примеры некоторых сморгонцев и близких им лиц с традиционно выделяемыми направлениями народничества, то здесь мы увидим и сторонника пропаганды в народе Борисова, и анархиста Черкезова, и участвовавшего в «Народной воле» «якобинца» Троицкого. Но эти отдельные примеры не были общим итогом деятельности «Сморгонской академии». На фоне разраставшегося революционного движения 1870-х гг.

небольшой петербургский кружок был почти забыт не только свидетелями и наблюдателями, но и самими участниками, чей клубок судеб, спутанный воедино в предыдущую эпоху, распался на множество отдельных нитей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 434. Ч. 1. Л. 238 об.

² Козьмин Б.П. Революционное подполье в эпоху «белого террора». – М., 1929. С. 139–140.

³ Засулич В.И. Воспоминания. – М., 1931. С. 20–21.

⁴ Ткаченко П.С. Учащаяся молодежь в революционном движении 60–70-х гг. XIX в. – М., 1978. С. 122–124; Сватиков С.Г. Студенческое движение 1869 года (Бакунин и Нечаев) // Наша страна. 1907. № 1. С. 183–184; Рудницкая Е.Л. Русская революционная мысль. Демократическая печать. 1864–1873. – М., 1984. С. 143.

⁵ Черкезов В. Значение Бакунина в интернациональном революционном движении // Бакунин М.А. Избранные сочинения. Т. 1. – Пб.; М., 1922. С. 26.

⁶ [Бакунин М.А.] Постановка революционных вопросов. Статья первая. Наука и народ // Народное дело. 1868. № 1. С. 23.

⁷ Чудновский С.Л. Из дальних лет. (Отрывки из воспоминаний) // Былое. 1907. № 9. С. 284.

⁸ Сватиков С.Г. Указ. соч. С. 184–186.

⁹ Нечаев и нечаевцы. Сборник документов / Подгот. к печати Б.П. Козьмин. М.; Л., 1931. С. 199; Сватиков С.Г. Указ. соч. С. 183.

¹⁰ См., например: Ралли З. Сергей Геннадьевич Нечаев. (Из моих воспоминаний) // Былое. 1906. № 7. С. 141.

¹¹ Сватиков С.Г. Указ. соч. С. 189; Нечаев и нечаевцы. С. 62.

¹² Гольденберг Л.Б. Воспоминания // Каторга и ссылка. 1924. № 3 (10). С. 100.

¹³ Грачев А. «Прикосновенный к делу...» // Глубинка. Литературно-художественно-публицистический альманах. Омск, 1998. № 3–4. С. 339.

¹⁴ См., например: Козьмин Б.П. С.Г. Нечаев и его противники в 1868–1869 гг. // Революционное движение 1860-х годов. – М., 1932. С. 176.

¹⁵ Там же. С. 182.

¹⁶ Нечаев и нечаевцы. С. 149–150.

¹⁷ Там же. С. 150.

¹⁸ Худолеев А.Н. Революционная теория П.Н. Ткачева в отечественной историографии постсоветского периода // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 357. С. 111.

¹⁹ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 430. Л. 56 об.

²⁰ Нечаев и нечаевцы. С. 74–75.

²¹ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 427. Л. 119.

²² Нечаев и нечаевцы. С. 95–96, 114–115.

²³ См., например: *Ралли З.* Сергей Геннадьевич Нечаев. С. 138; *Гольденберг Л.Б.* Указ. соч. С. 101–102; *Козьмин Б.П.* С.Г. Нечаев и его противники в 1868–1869 гг. С. 180–181.

²⁴ Нечаев и нечаевцы. С. 74–75.

²⁵ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 434. Ч. 2. Л. 194 об.

²⁶ Нечаев и нечаевцы. С. 85.

²⁷ См., например: Там же. С. 84–89; ГА РФ. Ф. 109. Оп. 154 (3 эксп., 1869 г.). Д. 112. Ч. 1. Л. 181 об.; *Никифоров Л.П.* Мои тюрьмы // *Голос минувшего*. 1914. № 5. С. 169–170.

²⁸ Нечаев и нечаевцы. С. 86; *Козьмин Б.П.* Революционное подполье в эпоху «белого террора». С. 23.

²⁹ Нечаев и нечаевцы. С. 72–73, 77–78, 84.

³⁰ *Грачев А.* Указ. соч. С. 339.

³¹ См., например: *Козьмин Б.П.* С.Г. Нечаев и его противники в 1868–1869 гг. С. 179, 190–196; *Ралли З.* Сергей Геннадьевич Нечаев. С. 141; *Антекман О.В.* Общество «Земля и воля» 70-х гг. по личным воспоминаниям. Пг., 1924. С. 68; Нечаев и нечаевцы. С. 85–86.

³² *Сватиков С.Г.* Указ. соч. С. 207.

³³ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 154 (3 эксп., 1869 г.). Д. 44. Ч. 1. Л. 10–10 об.

³⁴ *Козьмин Б.П.* Революционное подполье в эпоху «белого террора». С. 126.

³⁵ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 430. Л. 57.

³⁶ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 154 (3 эксп., 1869 г.). Д. 44. Ч. 1. Л. 30, 130; Там же. Ч. 3. Л. 182 об.; ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 430. Л. 54 об.

³⁷ См., например: *Козьмин Б.П.* Революционное подполье в эпоху «белого террора». С. 137; Деятели революционного движения в России: Биобиблиографический словарь. От предшественников декабристов до падения царизма. Т. 2. Вып. 1. – М., 1929. Стб. 294; «Виселица» – листовки о Парижской Коммуне (подпольная печать 70-х годов) // Литературное наследство. Т. 1. – М., 1931. С. 159.

³⁸ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 154 (3 эксп., 1869 г.). Д. 112. Ч. 1. Л. 15.

³⁹ Там же. Оп. 153 (3 эксп., 1868 г.). Д. 181. Л. 84–84 об., 94.

⁴⁰ Нечаев и нечаевцы. С. 130.

⁴¹ Там же. С. 201, 218.

⁴² ГА РФ. Ф. 109. Оп. 154 (3 эксп., 1869 г.). Д. 104. Ч. 1. Л. 6–6 об., 70.

⁴³ Там же. Л. 23 об.

⁴⁴ Там же. Л. 10–11.

⁴⁵ Там же. Л. 70–71.

⁴⁶ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 430. Л. 78; ГА РФ. Ф. 109. Оп. 154 (3 эксп., 1869 г.). Д. 104. Ч. 1. Л. 203–203 об.

⁴⁷ Там же. Л. 8, 171 об.; Нечаев и нечаевцы. С. 219.

⁴⁸ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 154 (3 эксп., 1869 г.). Д. 104. Ч. 1. Л. 8.

⁴⁹ Там же. Л. 7–8.

⁵⁰ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 430. Л. 26.

⁵¹ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 154 (3 эксп., 1869 г.). Д. 104. Ч. 1. Л. 25.

⁵² ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 430. Л. 25 об.

⁵³ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 154 (3 эксп., 1869 г.). Д. 104. Ч. 1. Л. 8 об., 25.

- ⁵⁴ Там же. Л. 1, 5.
⁵⁵ Там же. Л. 9–9 об., 72.
⁵⁶ Там же. Л. 92–93.
⁵⁷ Там же. Л. 76 об.
⁵⁸ Там же. Л. 21–21 об.
⁵⁹ Там же. Л. 76 об.
⁶⁰ Там же. Л. 16 об., 76 об.–77, 88–88 об.
⁶¹ Там же. Л. 88, 99 об.–100.
⁶² Там же. Л. 72 об.
⁶³ Там же. Л. 124.
⁶⁴ Там же. Л. 25, 29 об., 72 об.–73, 126.
⁶⁵ Там же. Л. 72 об., 147.
⁶⁶ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 430. Л. 1, 5, 27.
⁶⁷ Там же. Л. 31, 33 об., 37–37 об.
⁶⁸ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 154 (3 эксп., 1869 г.). Д. 104. Ч. 1. Л. 32 об.–33.
⁶⁹ Там же. Л. 167 об.–168, 184 об.–186.
⁷⁰ ГА РФ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 9. Л. 125–126, 136–136 об., 146 об.–147 об.
⁷¹ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 154 (3 эксп., 1869 г.). Д. 104. Ч. 1. Л. 191 об., 193, 197 об.
⁷² Там же. Ч. 2. Л. 1; Там же. Ч. 1. Л. 28 об.
⁷³ Там же. Ч. 1. Л. 18 об., 147; ГА РФ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 9. Л. 130 об.
⁷⁴ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 154 (3 эксп., 1869 г.). Д. 104. Ч. 1. Л. 124–124 об.
⁷⁵ Там же. Л. 73 об.
⁷⁶ Там же. Л. 17 об.–18.
⁷⁷ *Козьмин Б.П.* Революционное подполье в эпоху «белого террора».
- С. 131.
⁷⁸ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 154 (3 эксп., 1869 г.). Д. 104. Ч. 2. Л. 1.
⁷⁹ Там же. Ч. 1. Л. 125 об.
⁸⁰ Там же. Л. 72 об., 95 об., 124.
⁸¹ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 430. Л. 56 об.
⁸² Там же. Д. 434. Ч. 1. Л. 86 об.
⁸³ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 154 (3 эксп., 1869 г.). Д. 104. Ч. 1. Л. 124 об.–125.
⁸⁴ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 434. Ч. 1. Л. 87–87 об.
⁸⁵ *Ракитникова И.* Памяти Ф.А. Борисова // Каторга и ссылка. 1929. № 4 (53). С. 191.
⁸⁶ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 154 (3 эксп., 1869 г.). Д. 104. Ч. 1. Л. 126, 171 об.
⁸⁷ Там же. Л. 135 об.–136.
⁸⁸ Нечаев и нечаевцы. С. 53.
⁸⁹ *Ракитникова И.* Указ. соч. С. 191.
⁹⁰ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 154 (3 эксп., 1869 г.). Д. 104. Ч. 1. Л. 30 об., 148 об.–149, 183–183 об., 199–199 об.
⁹¹ Там же. Л. 214 об.–215 об.
⁹² *Ракитникова И.* Указ. соч. С. 191.
⁹³ ГА РФ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 10. Л. 257–258.
⁹⁴ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 154 (3 эксп., 1869 г.). Д. 104. Ч. 1. Л. 183 об.
⁹⁵ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 430. Л. 26; ГА РФ. Ф. 109. Оп. 154 (3 эксп., 1869 г.). Д. 104. Ч. 1. Л. 7–7 об.

- ⁹⁶ ГА РФ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 12. Л. 25.
- ⁹⁷ Нечаев и нечаевцы. С. 4.
- ⁹⁸ Там же. С. 55.
- ⁹⁹ Там же. С. 198, 207, 219; ГА РФ. Ф. 109. Оп. 154 (3 эксп., 1869 г.).
- Д. 115. Ч. 13. Л. 23.
- ¹⁰⁰ Нечаев и нечаевцы. С. 55.
- ¹⁰¹ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 154 (3 эксп., 1869 г.). Д. 104. Ч. 1. Л. 72.
- ¹⁰² Там же. Л. 172 об., 199.
- ¹⁰³ Там же. Л. 148 об.
- ¹⁰⁴ Там же. Л. 89, 199.
- ¹⁰⁵ Там же. Л. 213–213 об., 220 об.
- ¹⁰⁶ ГА РФ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 10. Л. 268.
- ¹⁰⁷ Там же. Л. 266 об.
- ¹⁰⁸ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 154 (3 эксп., 1869 г.). Д. 104. Ч. 2. Л. 19 об.; *Козьмин Б.П.* Революционное подполье в эпоху «белого террора». С. 148–149; *Гросул В.Я.* Российские революционеры в Юго-Восточной Европе (1859–1874 гг.). – Кишинев, 1973. С. 387.
- ¹⁰⁹ Нечаев и нечаевцы. С. 55.
- ¹¹⁰ *Ракитникова И.* Указ. соч. С. 191.
- ¹¹¹ *Гросул В.Я.* Российские революционеры в Юго-Восточной Европе. С. 391.
- ¹¹² Нечаев и нечаевцы. С. 28.
- ¹¹³ *Пинаев М.Т.* М.К. Эпидин – революционер, издатель и пропагандист наследия Н.Г. Чернышевского // Некоторые вопросы русской литературы. Ученые записки Волгоградского государственного педагогического института им. А.С. Серафимовича. Вып. 21. Волгоград, 1967. С. 40.
- ¹¹⁴ *Ланский Л.Р.* «Странное прощание». – «Россия с Сибирью»: Огарев, Н.А. Шевелев и женевская «молодая эмиграция»: (Загадочная история одного персонажа): Арх. – документ. исследование // Литературное наследство. Т. 99. Кн. 1. – М., 1997. С. 272.
- ¹¹⁵ Там же. С. 273, 276–277, 343–344.
- ¹¹⁶ Там же. С. 276–277.
- ¹¹⁷ *Ракитникова И.* Указ. соч. С. 191.
- ¹¹⁸ *Ралли З.* Сергей Геннадьевич Нечаев. С. 140–141.
- ¹¹⁹ См. подробнее мою небольшую статью: *Кириллов В.Л.* Об обстоятельствах исчезновения С.Г. Нечаева из Петербурга в начале 1869 г. и подписанном листе студенческой сходки на Фурштатской улице // Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени. Сборник материалов Шестой международной конференции молодых ученых и специалистов «Слю-2016». – М., 2016. С. 241–245.
- ¹²⁰ Нечаев и нечаевцы. С. 9.
- ¹²¹ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 154 (3 эксп., 1869 г.). Д. 112. Ч. 1. Л. 45, 49–49 об., 90 об.–91 об.; Нечаев и нечаевцы. С. 17, 206, 218.
- ¹²² См. подробнее: *Козьмин Б.П.* С.Г. Нечаев и его противники в 1868–1869 гг. С. 210, 215.
- ¹²³ Нечаев и нечаевцы. С. 129.

- ¹²⁴ Козьмин Б.П. С.Г. Нечаев и его противники в 1868–1869 гг. С. 212, 213.
- ¹²⁵ Нечаев и нечаевцы. С. 206.
- ¹²⁶ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 154 (3 эксп., 1869 г.). Д. 112. Ч. 1. Л. 90 об.
- ¹²⁷ Нечаев и нечаевцы. С. 50, 205–206.
- ¹²⁸ Козьмин Б.П. Революционное подполье в эпоху «белого террора». С. 127.
- ¹²⁹ Деятели революционного движения. Т. 1. Ч. 2. – М., 1928. Стб. 176.
- ¹³⁰ Никифоров Л.П. Указ. соч. С. 200.
- ¹³¹ Деятели революционного движения. Т. 1. Ч. 2. Стб. 271–272; Козьмин Б.П. Революционное подполье в эпоху «белого террора». С. 127.
- ¹³² Орфанов М.И. В дали (Из прошлого). Рассказы из вольной и невольной жизни. – М., 1883. С. 149–150.
- ¹³³ Физиков В.М. Материалы к научной биографии М.И. Орфанова // Фольклор и литература Сибири. Омск, 1980. С. 111–112.
- ¹³⁴ Там же. С. 116.
- ¹³⁵ Меламед Е.И. Орфанов Михаил Иванович // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 4. – М., 1999. С. 453.
- ¹³⁶ Государственные преступления в России в XIX веке / Под ред. Б. Базилевского (В. Богучарского). Т. 1. – СПб., 1906. С. 194.
- ¹³⁷ Там же. С. 204.
- ¹³⁸ Там же. С. 210; Деятели революционного движения. Т. 1. Ч. 2. Стб. 445–446.
- ¹³⁹ См. подробнее: Рябов П. Мыслитель-анархист Варлаам Черкезов: «наука человечности» против «науки партии» // Либертарная мысль. 2009. № 2. С. 28–29.
- ¹⁴⁰ Там же. С. 38.
- ¹⁴¹ Государственные преступления в России в XIX веке. Т. 1. С. 201.
- ¹⁴² Нечаев и нечаевцы. С. 205.
- ¹⁴³ Воскресенский в показаниях 1870 г. называл Коведяеву по девичьей фамилии (ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 434. Ч. 2. Л. 195 об.–196), Свешников, описывая сморгонскую коммуну, вспоминал обе фамилии (Свешников Н.И. Воспоминания пропавшего человека. – М., 1996. С. 80), а из следственных документов августа 1868 г. можно узнать о факте замужества Коведяевой (ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 424. Л. 93). Можно предположить, что Любовь Егоровна вышла замуж примерно в 1867–1868 гг., во время существования «Сморгонской академии».
- ¹⁴⁴ Деятели революционного движения. Т. 1. Ч. 2. Стб. 70–71.
- ¹⁴⁵ Евстигнеева Л.А. Роман Л.Ф. Нелидовой «На малой земле» как источник для биографии Слепцова // Литературное наследство. Т. 71. – М., 1963. С. 506.
- ¹⁴⁶ Государственные преступления в России в XIX веке. Т. 1. С. 215.
- ¹⁴⁷ Деятели революционного движения. Т. 1. Ч. 2. Стб. 70–71.
- ¹⁴⁸ Евстигнеева Л.А. Указ. соч. С. 508.
- ¹⁴⁹ Деятели революционного движения. Т. 1. Ч. 2. Стб. 70–71; Там же. Т. 2. Вып. 4. – М., 1932. Стб. 1681–1683.
- ¹⁵⁰ Цит. по: Семанова М.Л. Л.Ф. Нелидова о Слепцове // Литературное наследство. Т. 71. – М., 1963. С. 491.

- ¹⁵¹ Евстигнеева Л.А. Указ. соч. С. 508.
- ¹⁵² Государственные преступления в России в XIX веке. Т. 1. С. 213.
- ¹⁵³ Нечаев и нечаевцы. С. 18, 45, 198, 209.
- ¹⁵⁴ Там же. С. 45–46, 198.
- ¹⁵⁵ Государственные преступления в России в XIX веке. Т. 1. С. 222.
- ¹⁵⁶ Нечаев и нечаевцы. С. 179.
- ¹⁵⁷ Там же. С. 157, 194.
- ¹⁵⁸ См. подробнее: Рашковский А.Л. Вятский изобретатель А.А. Полумордвинов // Герценка: Вятские записки. Научно-популярный альманах. Вып. 7. Киров, 2004. С. 91–96; *Его же*. Изобретатель цветного телевидения и читатель Герценки. К юбилею библиотеки. Александр Аполлонович Полумордвинов. Трагическая судьба вятского гения // Вятский наблюдатель. Информационно-аналитический еженедельник. 01.10.2012. URL: <http://www.nabludatel.ru/new/2012/10/01/k-yubileyu-biblioteki-3> (дата обращения: 27.06.2016).
- ¹⁵⁹ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 154 (3 эксп., 1869 г.). Д. 104. Ч. 1. Л. 125; ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 434. Ч. 1. Л. 87 об.–88.
- ¹⁶⁰ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 434. Ч. 1. Л. 89–90 об.
- ¹⁶¹ Там же. Л. 126 об.–127.
- ¹⁶² Там же. Л. 51–55, 187, 190.
- ¹⁶³ Там же. Л. 1–3 об.
- ¹⁶⁴ Там же. Л. 5–5 об.
- ¹⁶⁵ Там же. Л. 1 об.
- ¹⁶⁶ Там же. Л. 66.; Там же. Ч. 2. Л. 233.
- ¹⁶⁷ Там же. Ч. 2. Л. 291–291 об.
- ¹⁶⁸ Там же. Л. 195.
- ¹⁶⁹ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 154 (3 эксп., 1869 г.). Д. 104. Ч. 1. Л. 162.
- ¹⁷⁰ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 434. Ч. 2. Л. 3 об., 130 об.–131, 196 об.
- ¹⁷¹ Там же. Ч. 1. Л. 55, 84, 190.
- ¹⁷² Там же. Л. 236–244 об.
- ¹⁷³ Козьмин Б.П. Революционное подполье в эпоху «белого террора». С. 141.
- ¹⁷⁴ Деятели революционного движения. Т. 1. Ч. 2. Стб. 71–72.
- ¹⁷⁵ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 434. Ч. 1. Л. 9; Козьмин Б.П. Революционное подполье в эпоху «белого террора». С. 147.
- ¹⁷⁶ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 434. Ч. 1. Л. 236 об.
- ¹⁷⁷ Деятели революционного движения. Т. 2. Вып. 1. Стб. 294–295; «Виселища» – листовки о Парижской Коммуне... С. 157–164.
- ¹⁷⁸ Государственные преступления в России в XIX веке. Т. 1. С. 227–229.
- ¹⁷⁹ Деятели революционного движения. Т. 2. Вып. 1. Стб. 294–295.
- ¹⁸⁰ Деникер И.Е. Воспоминания // Каторга и ссылка. 1924. № 4 (11). С. 34.
- ¹⁸¹ Деятели революционного движения. Т. 2. Вып. 1. Стб. 294–295.
- ¹⁸² ГА РФ. Ф. 109. Оп. 153 (3 эксп., 1868 г.). Д. 181. Л. 84–84 об., 94.
- ¹⁸³ Козьмин Б.П. Революционное подполье в эпоху «белого террора». С. 175–176.
- ¹⁸⁴ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 153 (3 эксп., 1868 г.). Д. 181. Л. 1006–1006 об.
- ¹⁸⁵ Там же. Л. 103–103 об.
- ¹⁸⁶ Там же. Л. 123, 138–139.

¹⁸⁷ Богучарский В.Я. Общественное движение 60-х годов под пером его казенных исследователей // Голос минувшего. 1915. № 4. С. 211–212.

¹⁸⁸ Изгоев А.С. Из прошлого. «Особая следственная комиссия» // Речь. 1915. 28 апр. С. 2.

¹⁸⁹ Родичев Ф. И.И. Бочкарев // Речь. 1915. 29 апр. С. 2–3.

¹⁹⁰ См. подробнее: Козьмин Б.П. Революционное подполье в эпоху «белого террора». С. 159–160.

¹⁹¹ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 154 (3 эксп., 1869 г.). Д. 104. Ч. 1. Л. 227.

¹⁹² Нечаев и нечаевцы. С. 55.

¹⁹³ Деятели революционного движения. Т. 1. Ч. 2. Стб. 196.

¹⁹⁴ Козьмин Б.П. Революционное подполье в эпоху «белого террора». С. 134.

¹⁹⁵ Рахитникова И. Указ. соч. С. 186, 188, 191–192.

¹⁹⁶ Козьмин Б.П. Революционное подполье в эпоху «белого террора». С. 153–154.

¹⁹⁷ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 154 (3 эксп., 1869 г.). Д. 44. Ч. 2. Л. 95, 96; Там же. Ч. 4. Л. 183; Там же. Ч. 5. Л. 121–121 об.; Там же. Ч. 6. Л. 137; Там же. Ч. 7. Л. 16–16 об., 19; Чмырь С.Г. Шраг Илья Людвигович // Государственная дума Российской империи. 1906–1917. Энциклопедия. – М., 2008. С. 706–707.

¹⁹⁸ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 154 (3 эксп., 1869 г.). Д. 104. Ч. 1. Л. 139 об.–140, 202 об.–205.

¹⁹⁹ Деятели революционного движения. Т. 1. Ч. 2. Стб. 161–162.

²⁰⁰ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 434. Ч. 1. Л. 243 об.–244 об.; ГА РФ. Ф. 109. Оп. 154 (3 эксп., 1869 г.). Д. 44. Ч. 3. Л. 74–75, 182 об.

²⁰¹ Шкода Р. Первый журналист Царицына // Царицын.РФ. Информационный портал. 08.07.2015. URL: <http://www.царицын.рф/article/articlestsaritsyn/490-pervyy-zhurnalist-caricyna.html> (дата обращения: 27.06.2016); Царицынский вестник // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 37а (74). – СПб., 1903. С. 804.

²⁰² Терешкович К. Московская революционная молодежь 80-х годов и С.В. Зубатов. – М., 1928. С. 4.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Один современный историк заметил, что при столкновении с накопившимися в историографии мифами и заблуждениями неизбежна серьезная критика работ предшественников, что нередко воспринимается как покушение на основы и даже личное хамство; надеюсь, после подробного разбора истории «Сморгонской академии» подобные обвинения в адрес автора книги не прозвучат. Что нового можно сказать о тайной террористической организации, игравшей роль связующего звена между каракозовцами и нечаевцами, если не ставить под сомнение эти самые формулировки, сложившиеся в результате «испорченного телефона»? Всего лишь поменять минусы на плюсы, а плюсы на минусы, как это нередко бывало в нашей истории?.. Ранее революционное движение было принято оценивать с точки зрения практической эффективности, вклада в безусловно положительное революционное дело; сейчас же в том сообществе часто ищут «бесовщину», пытаясь переложить на давно умерших деятелей ответственность за наше настоящее. Внимательное знакомство с историей «Сморгонской академии» показывает, что оба предвзятых и идеологических подхода с трудом применимы к реальным фактам.

Многие участники революционного подполья второй половины 1860-х гг. вообще плохо представляли себе, в чем должна заключаться практическая польза от их деятельности. Всплеск общественного движения периода крестьянской реформы уже прошел, представление о скорой народной революции себя не оправдало, массовое распространение различных прокламаций и оппозиционных журналов не повлияло на изменение политической ситуации, часть революционных деятелей оказалась под судом, в ссылке или в эмиграции. Социальные условия, порождавшие разночинную интеллигенцию, и более свободная в сравнении с николаевским царствованием общественная атмосфера пореформенной России были к тому времени уже необратимы, и потому растущее революционное сообщество не могло просто

раствориться и исчезнуть. Оно продолжало расти, как количественно, так и качественно, вылившись в итоге в массовое и пестрое народническое движение.

Однако между т. н. «революционерами-демократами» и собственно народниками за неимением должного опыта, возраста и актуальных идей революционная среда сохранялась лишь в рамках полусерьезных интеллектуальных коммун, кружков и обществ. Ишутинцы не случайно оказались в центре внимания в первой главе книги: их тайное общество является примером именно такого размытого и полусерьезного объединения, которое под конец своего существования поставило цель создания подпольной организации, но не смогло перерасти свои рамки из-за отсутствия единства, слабой организованности и, конечно, обрушившихся преследований после покушения Каракозова.

Многие их идеи и формы деятельности были воспроизведены в «Сморгонской академии», существовавшей с начала 1867 г. по весну 1869 г. в Петербурге. Вряд ли можно сказать, что сморгонцы были сознательными последователями ишутинцев; скорее всего, сходство этим двум обществам придавала сама жизнь, её схожие «катакомбные» условия для «отщепенцев»-разночинцев. «Сморгонская академия» была одновременно коммуной, жившей на одной снимаемой квартире, кружком, проводившим литературно-музыкальные вечера в столице, и тайным обществом, ставившим различные политические цели (освобождение Чернышевского, установление связей с молодежью и схожими революционными группами других городов, контакты с эмиграцией и Европейским революционным комитетом). Но тайной организацией она не была; сморгонцы не писали программных документов, не устанавливали иерархию, не определяли критерии членства в обществе. Они просто жили и стремились держаться своих и помогать своим.

В конце концов некоторые участники кружка перестали удовлетворяться малым и хотели смотреть дальше. Кто-то, напротив, предпочел устраиваться в жизни самостоятельно, уже не испытывая потребности в близкой социально-психологической общности. Деятельность «Сморгоны» стала опасной в условиях политических преследований властей на рубеже 1868–1869 гг. Всё это предопределило постепенный распад кружка. Участие сморгонцев в студенческих волнениях, нечаевском деле и последующих событиях революционного движения осталось почти незаметным.

Узкой политической направленности (бланкистской или иной) «Сморгонская академия» не имела. Вряд ли можно найти какое-то одно определение для всех разноплановых личностей этого общества, объединенных разве что общим революционным настроем, который был частью политической культуры разночинной интеллигенции того времени. Если и можно увидеть в их кружковой деятельности какой-то аналог пропагандистского направления народничества, то это пропаганда, отметим, была направлена исключительно на собственную социальную среду, что сближает сморгонцев скорее с предшествующими эпохами революционного движения, чем с народниками. Как писал Л.А. Тихомиров, подобных пропагандистов, которые ориентировались лишь на «среду студенчества и вообще так называемые “образованные” слои», участники «хождения в народ» в насмешку называли «образованниками»¹.

Плюрализм мнений можно наблюдать не только в «Сморгонской академии» в целом, но иногда и в отдельных личностях. В 1886 г. автор статьи в эмигрантской газете «Общее дело» (это мог быть Элпидин или Христофоров), говоря об эпохе шестидесятых годов, писал: «Все идеи политики, революции, федерализма, социализма, терроризма и бунтарства, которые впоследствии поделили революционеров на партии и специально разрабатывались отдельными кружками, в то время еще не были до такой степени дифференцированы и составляли достояние каждого революционера во всей своей совокупности»². Это наблюдение применимо и ко второй половине 1860-х гг.

Итак, «Сморгонская академия» не была политической организацией и не была способна реализовать даже те малые революционные замыслы, которые она ставила перед собой. Конечно, исследователей и читателей всегда будут привлекать более значимые и заметные деятели. Но, как справедливо замечала современная исследовательница Е.Н. Мухина, «...представление о любой эпохе неизбежно будет упрощенным, схематичным и в конечном счете – искаженным, если мы ограничимся изучением биографий только выдающихся людей. Сможем ли мы понять и оценить хотя бы их, если будем игнорировать их окружение и тем самым создавать вокруг них некое безвоздушное пространство?»³ И хотя история таинственного тайного общества, не раскрытого властями и практически не запомнившегося современникам, была бы интереснее, будь сморгонцы таинственными конспираторами и террористами, портрет обычных, «массовых»

революционеров важен для понимания путей и способов формирования революционного сообщества, мотивов революционного выбора менее известных людей. Возможно, реконструкция фактов и судеб сама по себе имеет гораздо больший потенциал для истории революционного движения, чем очередные попытки расставить оценки «героям» или «бесам» прошлого.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Тихомиров Л.А.* Что такое народничество? // Русское обозрение. 1892. № 12. С. 915.

² *Виленская Э.С.* Революционное подполье в России (60-е годы XIX в.). – М., 1965. С. 462.

³ *Мухина Е.Н.* «Человек толпы» // *Стогов Э.И.* Записки жандармского штаб-офицера эпохи Николая I. – М., 2003. С. 9.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Под литерой «Р».

Из истории русского революционного подполья 1860-х гг.

Вниманию читателей предлагается расследование небольшого эпизода из истории петербургского революционного сообщества периода т. н. «белого террора», который может служить небольшим дополнением к рассказу о тайном обществе «Сморгонская академия» – главный герой статьи, скрытый под буквой «Р», непосредственно общался со сморгонцами. Ранее в литературе уже высказывались предположения о том, кто скрывался за этой буквой; автору хотелось бы не только критично оценить эти предположения, но и выдвинуть собственную гипотезу. Статья с незначительными корректировками печатается по тексту первой публикации (Клио. 2014. № 8. С. 133–137).

* * *

Исследователи революционного движения России, описывая жизнь подполья 1860-х гг., нередко прибегали к обобщениям, выделению в молодом революционном сообществе нескольких основных групп и направлений. Личности второго плана оттенялись известными и хорошо изученными деятелями, такими как Чернышевский, Бакунин, Писарев, и порой воспринимались лишь как последователи тех или других знаменитостей; их собственные судьбы и воззрения оказывались на периферии внимания историков. Однако смешанность взглядов и представлений в антиправительственной среде, неопределенность воззрений множества «радикалов», «либералов» и «нигилистов» и их перетекание из одного лагеря в другой вынуждают обратить внимание именно на второстепенных общественных деятелей. Индивидуализация истории революционного движения, её изучение снизу (с «рядовых активистов», как говорят сегодня), а не сверху – задача, еще не решенная в современной историографии. Этим путем наше представление о революционном подполье обога-

тится новыми красками и выберется из сухих фраз о борьбе старой и молодой эмиграции, революционеров-демократов и радикалов, нечаевцев и «антинечаевцев» и т. п.

Для решения такой задачи важны истории не только малоизвестных фигур, но порой и неустановленных лиц. Одно такое лицо скрывалось за буквой «Р.» и привлекло к себе внимание в 1868 г., когда петербургская полиция арестовала дочь коллежского асессора Е.А. Солодовникову¹. Солодовникова уже была известна властям как «нигилистка». По этой причине в 1866 г., после покушения Каракозова на императора, была закрыта школа сельских учительниц, где Солодовникова работала распорядительницей. Эта школа «была в нравственном отношении чрезвычайно дурного направления, большая часть воспитанниц школы носили стриженные волосы, по обычаю так называемых нигилистов», – говорилось в докладе III отделения². Подозрения полиции оправдались: среди изъятой в её квартире корреспонденции были письма от известного политического эмигранта М.К. Элпидина, арестованного в 1863 г. по делу о «Казанском заговоре» и сбежавшего впоследствии из тюрьмы за рубеж³.

Элпидин в одном из своих писем к Солодовниковой и её товарищу В.Ф. Суфцинскому рассказывал историю приехавшего к нему в Женеву «экс-коммерсанта Бочкарева», имеющего отношение к «торговым делам Вос. и его К^о»⁴. Под этими формулировками скрывался петербургский революционный кружок «Сморгонская академия», куда в числе прочих входили осташковский мещанин И.И. Бочкарев и бывший участник московского ишутинского кружка Д.А. Воскресенский (упомянутый «Вос.»). Элпидин, однако, заподозрил в Бочкареве агента III отделения и писал своим петербургским адресатам: «Еще страннее мне показалось, что будто некий Р. (спросите моего управляющего) благосклонно относится к компании В.». В примечании Элпидин добавил: «Нужно заметить, что теперь Боч. стал благоразумнее – даже не произнес мне полную фамилию Р., а только первую букву»⁵.

Видимо, мнение «Р.» было для Элпидина авторитетным. Отметим, что этот человек был известен Элпидину, его «управляющему» (вероятно, петербургскому связному эмигранта, который рассылал его письма по городской почте) и кружку «Сморгонская академия». «Р.» интересовался или даже принимал участие в деятельности революционного подполья, иначе бы Бочкарев не стал упоминать его и принимать меры предосторожности, скрывая полную фамилию. Кто же это был? Солодовникова и Суфцинский убедили следствие, что письма Элпидина им приходили по ошибке, и никого из упомянутых в них лиц они не знают⁶. Арестованный Бочкарев после долгих допросов и очных ставок признался, что общался за границей с рус-

скими эмигрантами, но никакого революционного общества он якобы не представлял. На вопрос о сокращенных именах из текста письма он ответил, что «не говорил с Элпидиным ни о каких-либо лицах, фамилии которых начинались с означенных слогов и букв»⁷.

Этим и исчерпываются факты о личности «Р.», добытые следствием. Что же смогли узнать историки? Б.П. Козьмин, изучая следственное дело Бочкарева, предположил, что «Р.» следует читать как латинское «П.», сославшись на его фразу из показаний о том, что «под буквою “П.” всего ближе разуместь Петербург». По его мнению, Бочкарев автоматически прочитал эту букву как «П.», хоть и делал вид, что это не человек, а место⁸. Далее этот тезис историк подкрепил фактами из другого следственного дела того же времени – дела о череповецком мещанине И.Г. Розанове, который в течение нескольких месяцев жил в Женеве бок о бок с Элпидиным и его окружением. Арестованный по возвращении в Россию Розанов рассказывал как реальные факты из жизни эмиграции, так и разного рода небывлицы о существовании широкого революционного подполья в России, готового устроить масштабный террор против императорского дома⁹. По словам Розанова, Элпидин однажды спросил его, не знает ли он некоего «дельного парня» Плаксына, жившего в Петербурге. Бывший студент **Тимофей Родионович Плаксин** (р. ок. 1839), в прошлом участник студенческих волнений 1861 г., из-за этого навета был арестован и допрошен. Выяснилось, что в течение 1861–1868 гг. он состоял под надзором полиции, не единожды в его квартире производились обыски, тщательно просматривалась корреспонденция – но, как констатировало III отделение, за всё это время «ничего предосудительного относительно Плаксына не обнаружено»¹⁰. Необходимо отметить, что и сегодня в литературе нет данных о подпольной деятельности Плаксына.

Несмотря на это, Козьмин, учитывая шапочное знакомство Плаксына и близкого Элпидину эмигранта Н.Я. Николадзе, высказал мнение, что Плаксин и есть тот самый «Р.», который через Николадзе вступил в контакт с Элпидиным¹¹. Эта версия неверна. Во-первых, Козьмин не упомянул, как именно Розанов вспомнил о Плаксыне. Поначалу арестованный рассказал следователям, что женевские эмигранты Элпидин и Николадзе говорили ему про своего петербургского знакомого, фамилия которого оканчивалась на «-ский» или «-скин»¹². Затем Розанов «вспомнил», что встречал этого же «-скин», когда тот имел дело у судьи А.П. Баумгартена в 5-м мировом участке, где служил Розанов. Просмотрев предоставленные полицией бумаги участка, Розанов указал на фамилию Плаксына¹³. Совпадение? Скорее нет. Вероятно, желая показать лояльность властям, Розанов навел следствие на известную ему подозрительную

личность с антиправительственными взглядами, о которой он якобы слышал за границей.

Во-вторых, мысль Козьмина о прочтении «Р.» как латинской «П.» ошибочна. Обратившись к делу Бочкарева, становится очевидным, что «Р.» и «П.» в нем – это разные сокращения. «П.» упоминается Элпидиным в приводимых им словах Бочкарева о том, что ему «в П. говорили», будто Элпидин знаком с петербургским революционером И.А. Худяковым¹⁴. На просьбу следственной комиссии объяснить, что такое «П.», Бочкарев ответил: «Под буквою “П.” всего ближе разуметь Петербург, но дело-то в том, что из моих знакомых никто не знаком с Элпидиным»¹⁵. Публикуя текст письма, Козьмин расшифровал «П.» как «Петербург»¹⁶, но затем упустил из виду, что вопрос о «Р.» был задан Бочкареву в контексте другой цитаты. Так вот, на вопрос о «Р.» Бочкарев ответил: «Припоминая теперь своих знакомых, я не могу вспомнить ни одного, который бы имел фамилию на “Р.”»¹⁷.

Второе предположение о «Р.» высказал В.Я. Гросул. Он заметил, что для сокращения фамилий Элпидин в своем письме использовал кириллицу, поэтому вряд ли одна из них была бы озаглавлена латинской буквой¹⁸. В поисках революционных деятелей с фамилией на «Р.» историк остановился на фигуре **Павла Аполлоновича Ровинского** (1831–1916), известного слависта и этнографа второй половины XIX в. и деятеля первой «Земли и воли»¹⁹. К сожалению, эта гипотеза не получила должного обоснования, как и необходимой критики. Так, например, в современных словарях либо говорится, что после 1864 г. Ровинский отошел от активного участия в революционном движении²⁰, либо констатируется неясность его занятий в это время, без изложения версий²¹. Мог ли он быть в это время участником подполья?

В 1861 г. Ровинского, около года жившего в Чехии, за антиавстрийские высказывания выслали обратно в Россию. Здесь он попытался занять кафедру в Казанском университете, но из-за рапорта губернатора о его политической неблагонадежности научная деятельность Ровинского прервалась на много лет²². Как участник «Земли и воли» Ровинский в 1862–1863 гг. часто бывал в Поволжье, организуя местные кружки и обеспечивая координацию их действий с Петербургом²³. Как предполагал Г.Н. Вульфсон, поволжские представители землевольцев, включая Ровинского, могли принимать участие в издании прокламации «Долго давили вас, братцы»²⁴. Именно в связи с распространением этой прокламации в 1863 г. в Казани арестовали Элпидина²⁵. Таким образом, можно говорить о вероятном знакомстве Ровинского и Элпидина.

Ровинский был в близких отношениях и со многими столичными общественными и революционными деятелями (Н.Г. Чернышевским,

А.Н. Пыпиным, А.А. Слепцовым, А.А. Жуком, Л.Ф. Пантелеевым). Скорее всего, он входил в первую землевольческую ячейку («пятерку») Слепцова²⁶. Вместе с братьями Никольскими, Е.П. Печаткиным, Б.П. Шостаковичем, М.О. Марксом и другими (часть из них впоследствии привлекалась к суду по каракозовскому делу) Ровинский участвовал в деятельности т. н. «спасательного отряда» землевольцев, отвечавшего за организацию побегов русских и польских революционных деятелей (И.И. Кельсиева, Я. Домбровского и др.).²⁷ По свидетельству Пантелеева, именно Ровинский предложил устроить бегство Н.И. Утина через какой-нибудь южный порт России, и организацию этой операции он взял на себя²⁸. Утин в конце 1860-х гг. входил в эмигрантское окружение Элпидина, и потому последний мог знать о Ровинском и в связи с этой историей. Исследователи полагают, что после самоликвидации «Земли и воли» в 1864 г. «спасательный отряд» в том или ином виде продолжил свое существование²⁹, однако имя Ровинского среди участников революционного движения теряется.

Единственное его упоминание в следственных материалах середины 1860-х гг. можно найти в деле об анонимном доносе московскому жандармскому штаб-офицеру в апреле 1866 г. Автор сообщал, что в Москве существует «партия нигилистов» из русских и поляков, которая включает в себя и комитет «Земля и воля». Среди его участников названы А. П. (именно с такими инициалами) Ровинский и Шостакович, находившийся тогда под следствием по каракозовскому делу³⁰. Этот донос вроде бы подтверждает революционную деятельность Ровинского вплоть до 1866 г., но при этом содержит и сомнительные факты: так, среди членов подполья упомянут некий полковник Волховский, служащий где-то управляющим в имении³¹. Из революционеров с такой фамилией известен лишь Ф.В. Волховский, бывший в 1866 г. студентом Московского университета³². Но он не был ни полковником, ни управляющим. Отметим, что никаких последствий этот донос не имел, хотя к дознаниям после выстрела Каракозова привлекали и по менее серьезным причинам. Возможно, что доносчик, желая дать ход своему письму, добавил в него устаревшие факты и свои домыслы, и жандармам не удалось их подтвердить. Доверие Гросула к этому источнику³³ представляется ошибочным. Имя Ровинского вообще не всплыло ни в чьих показаниях по каракозовскому делу, и потому сомнительно, что он, как сказано в доносе, организовывал в Москве вечера для молодежи.

Но если подпольная деятельность Ровинского в середине 1860-х гг. – вопрос спорный, то его интерес к славянскому общественному движению в это время – доказанный факт. Таких же интересов придерживался Бочкарев, сказавший Элпидину о «Р.». Так,

в первой половине 1860-х гг. Ровинский сотрудничал с сербским публицистом Ж. Жуёвичем (известный земляк последнего, революционер С. Маркович, называл его «первым социалистом среди сербов»³⁴): они вместе организовали отдел «Славянские земли» в газете «Очерки»; в литературе высказано предположение, что Жуёвич даже мог быть членом землевольческой «пятерки» Ровинского³⁵. В феврале 1868 г. Ровинский уехал на полтора года в Сербию в качестве корреспондента «Санкт-Петербургских ведомостей». Во время жизни в Сербии он часто встречался с Жуёвичем, вернувшимся на родину в это же время, и они вместе с болгарским революционером Л. Каравеловым участвовали в молодежных собраниях в Белграде, где обсуждались различные политические темы³⁶. Сопоставив подобные факты, можно утверждать, что интерес Ровинского к славянам в 1866–1867 гг. не остыл, а значит, в их обществе он мог познакомиться и с Бочкаревым, хоть и нет прямых свидетельств контактов Ровинского со славянскими деятелями в это время.

Приведем еще один аргумент. Писатель М.И. Орфанов, который в 1860-е гг. был участником «Сморгонской академии», в своих автобиографических очерках рассказывал, как в 1870-е гг. в сибирском селении под названием Тунка он встретился с Ровинским, собиравшим в то время местный этнографический материал. Писатель отмечал, что, несмотря на их первую встречу, они с Ровинским «в этот же вечер относились друг к другу как старые знакомые»³⁷. Очерки предназначались для публикации, и потому в них нельзя было всего сказать ни по цензурным соображениям, ни из-за стиля повествования. Орфанов не упомянул о том, что именно во время этого непродолжительного и тесного знакомства Ровинский рассказал о своей попытке освобождения Чернышевского, о чем впоследствии от Орфанова узнал известный революционер-народник Г.А. Лопатин³⁸. Поручение освободить Чернышевского Ровинский получил от русской секции I Интернационала в 1869 г. в Швейцарии³⁹. Затея провалилась из-за повышенного контроля в месте ссылки Чернышевского, вызванного информацией о намерении Лопатина организовать аналогичный побег⁴⁰. Странная откровенность осторожного Ровинского по отношению к новому знакомому Орфанову (да и новому ли?) могла бы объясняться их общими воспоминаниями о петербургском подполье второй половины 1860-х гг.

Попробуем провести возможную реконструкцию контактов Ровинского и «Сморгонской академии». Проживая в 1867 г. в Петербурге, Ровинский продолжал, как и ранее, следить за славянским общественным движением. В кругах славянской молодежи и близких ей русских деятелей он встретился с Бочкаревым, вернувшимся к началу осени 1867 г. из Сербии, где он стал участником съезда ом-

ладинской скупщины⁴¹. В это же время Бочкарев – и, возможно, Ровинский тоже – познакомился в какой-то «славянской кухмистерской» (так называли столовые, организованные южнославянскими общинами) с В.Н. Черкезовым, одним из руководителей «Сморгонской академии»⁴². Сойдясь на почве общих интересов, Бочкарев поделился своими впечатлениями о Сербии, чем вдохновил Ровинского на совершение подобной поездки в следующем году, а Ровинский, поведав о своем революционном прошлом, «благосклонно отнесся» (фраза из письма Элпидина) к кружку сморгонцев. Узнав таким образом о знакомстве Элпидина и Ровинского, Бочкарев мог упомянуть об этом в Швейцарии. Так имя «Р.» попало в письмо.

Конечно, это всего лишь версия. Попробуем вместе с тем выдвинуть и другую, возможно, более удачную гипотезу о «Р.». Этим человеком мог быть **Иван Александрович Рождественский** (ок. 1840–1876), публицист и общественный деятель 1860–1870-х гг. В 1861 г. он, как и упомянутые ранее Плаксин и Николадзе, был арестован в связи со студенческими волнениями в Петербурге. Однако, в отличие от Плаксина, заключенный в Петропавловскую крепость студент Рождественский проявил активную гражданскую позицию: он написал обращенное к известному поэту и публицисту М.Л. Михайлову, также заключенному в крепости, стихотворение «Узнику» («Из стен тюрьмы, из стен неволи...»). Спустя десять лет оно оставалось популярным среди студенческой молодежи: как утверждало III отделение, во время сходов в петербургском Земледельческом институте в 1870 г. студенты пели песню на слова этого стихотворения⁴³.

Авторство Рождественского подтверждал упомянутый выше эмигрант Николадзе⁴⁴; Рождественский и другой студент, Л. Самарин, как он писал, «служили мне живою энциклопедией, более или менее полно отвечавшей на мои тогдашние запросы»⁴⁵. После выхода из крепости они сошлись еще ближе: Самарин и Рождественский, например, познакомили Николадзе с Е. Стопакевичем, старшим корректором «Современника»⁴⁶. Николадзе писал, что лишь в 1869 г., из-за публикации брошюры Рождественского «Литературное падение гг. Антоновича и Жуковского», он со своим старым знакомым «разошелся и с тех пор потерял его из виду»⁴⁷. С учетом того, что в 1864 г. Николадзе находился за границей, подобная формулировка позволяет говорить о возможной переписке жившего в Петербурге Рождественского с женовской колонией эмигрантов.

Рождественский, как и Ровинский, в первой половине 1860-х гг. не только был своим человеком в общественной среде столицы, но и принимал участие в деятельности «спасательного отряда» землевольцев. Так, например, поляк Т. Олтаржевский, определенный за

участие в восстании 1863 г. рядовым в пехотный полк и затем бежавший оттуда, в начале апреля 1864 г. скрывался несколько дней в Петербурге у П.М. Никольского и у Рождественского⁴⁸. Известно также, что Рождественский в середине 1860-х гг. занимался образованием работниц переплетной мастерской В.И. Печаткиной. Переплетчица А.А. Комарова вспоминала, как в мастерской часто «торчали два развивателя», одним из которых был «толстый, курчавый, некончивший курса студент Р-ский». Жизнь в переплетной, по её словам, «шла совершенно по Чернышевскому» (т. е. по образцу артелей, описанных в романе «Что делать?») ⁴⁹.

Осенью 1865 г. Рождественский был одним из инициаторов создания «Издательской артели». Позже, давая показания в следственной комиссии, Рождественский писал, что хотел лишь «устроить свое положение более обеспеченным», «иметь постоянную работу, не завися от частных издателей»⁵⁰. Однако в числе более чем 60 членов артели (П.Л. Лавров, Г.З. Елисеев, А.А. Кобылин, А.А. Черкесов, Н.Д. Ножин, Е.П. Печаткин и др.) встречались многие общественные и революционные деятели, причастные ранее к «Земле и воле» или участвовавшие в революционном движении впоследствии⁵¹. Среди этих лиц можно найти и будущую участницу «Сморгонской академии» Л.Е. Коведяеву⁵². Отношение большинства из них к литературе и издательскому делу не всегда было прямым. Учитывая также, что высокие взносы были фиктивными (согласно бумагам артели, в реальности большинство членов уплатило по несколько рублей⁵³), можно поставить вопрос о критериях приема в «Издательскую артель» и её реальных целях. В литературе справедливо высказывалась мысль, что «Издательская артель» могла быть прикрытием для какой-то подпольной деятельности⁵⁴.

Этим организаторским опытом интересовались члены московского ишутинского кружка: как показывал на следствии Рождественский, из Москвы к нему приезжал ишутинец О.А. Мотков, прося показать устав артели со словами, что «в Москве устраивается подобное же общество»⁵⁵. Между тем ничего не известно о планах ишутинцев по издательской деятельности, а значит, Мотков интересовался артелью как формой конспирации. Официально деятельность артели так и не была разрешена: петербургские власти и министерство внутренних дел не утвердили устав, а после выстрела Каракозова многие артельщики оказались под следствием. Рождественский содержался под арестом до 22 мая 1866 г., после чего был освобожден с возвращением всех его бумаг⁵⁶.

В 1867 г. в Петербурге появился кружок «Сморгонская академия», о прямых контактах Рождественского с которым свидетельствуют воспоминания книготорговца и писателя Н.И. Свешникова. Он рассказывал о студенческой кухмистерской по 3-й линии Васильевского

острова, где устраивались молодежные вечера «по подписке по 50 копеек с лица», на которых в числе других присутствовал Рождественский⁵⁷. Хотя Свешников не указывал, кто организовывал эти вечера, буквально на этих же страницах воспоминаний он описывал и коммуны сморгонцев⁵⁸. По сведениям III отделения, кухмистерскую по 3-й линии содержала смоленская мещанка Е.З. Козловская, часто посещавшая «Сморгонскую академию»⁵⁹. А её участник Воскресенский впоследствии показывал, как на вечерах у Козловской при входе отдавали по 50 копеек⁶⁰. Без сомнения, речь шла об одном и том же месте.

Добавим также еще одно доказательство связей Рождественского с эмиграцией, почерпнутое из дела III отделения о домашнем учителе Ф.Д. Гриднине⁶¹. В феврале 1870 г. он был арестован из-за переписки с Элпидиным, в которой сообщал эмигранту «о каком-то социальном деле, о производившихся в Петербурге арестах, о продаже сочинения Чернышевского “Что делать?”»⁶². Недели за две до ареста Гриднин вернулся из Женевы, куда, как он говорил своему приятелю Е.В. Коршу, он ездил «парламентером» к Элпидину от какого-то «кружка сотрудников запрещенного журнала “Русское слово”»⁶³. В воспоминаниях Корша, впрочем, можно найти ряд неточностей: например, он пишет, что Элпидину принадлежала часть Бахметьевского фонда; никакого кружка «Русского слова», вероятно, также не было. Тем не менее показания Гриднина о случайности его знакомства с Элпидиным представляются неискренними.

Гриднин и Рождественский были сотрудниками сатирического журнала «Искра». В том же феврале 1870 г. (по случайному совпадению, за несколько дней до ареста Гриднина) в «Санкт-Петербургских ведомостях» они публично заявили, что считают нынешнюю «Искру» «журналом, по крайней мере, излишним» и не желают разделять с её редактором В.С. Курочкиным «ответственности за её непригодность»⁶⁴. Причины их ухода из журнала не ясны, но можно говорить о близком знакомстве Гриднина и Рождественского. Не от последнего ли он получил координаты и информацию об Элпидине? Может, Рождественский и был инициатором поездки Гриднина в Женеву? К сожалению, имеющиеся источники не дают ответа на этот вопрос.

Одним словом, можно с уверенностью говорить, что, в отличие от Ровинского, Рождественский в 1860-е гг. был практически непрерывно связан с общественной средой Петербурга. Он был одним из немногих деятелей петербургского подполья, не получивших длительный срок тюремного заключения и не высланных из столицы; о нем знала группа женевских эмигрантов. Безусловно, «Сморгонская академия» стремилась к общению с такими людьми. Бочкарев, посланный сморгонцами за границу, не только упомянул о «Р.»,

но также в качестве доказательств своей связи с подпольем привез автографы Худякова и рекомендацию от Печаткина⁶⁵. (Печаткин, кстати, в 1866 г. привлекался к следствию как член «Издательской артели»⁶⁶, а Бочкарев называл его своим «близким знакомым»⁶⁷.) Все они, как и Рождественский, прошли через подпольную деятельность в середине 1860-х гг. Потому нахождение Рождественского в этом ряду представляется более вероятным, чем Ровинского.

Окончательный ответ на вопрос, кем же был «Р.», возможно, смогут дать будущие исследователи. И хотя рассмотренные выше версии остаются таковыми, поиск ответа послужил поводом заглянуть в историю русского революционного подполья 1860-х гг. Запутанное переплетение имен и судеб, текучесть состава революционного сообщества, косвенное отношение к деятельности подполья десятков лиц, которых сложно причислить к революционерам, — всё это может контрастировать с бытующим представлением о монолитной и однообразной «нигилистической» революционной среде. И не так важно, положительно или отрицательно относились историки прошлого к этому движению, — их нередко объединяют попытки обобщений, выведения кратких формулировок, строгой классификации на направления и идеологии. Должно быть, более живая и содержательная история революционного движения еще не написана?

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. подробнее: *Козьмин Б.П.* Революционное подполье в эпоху «белого террора». — М., 1929. С. 18–36.

² ГА РФ. Ф. 109. Оп. 153 (3 эксп., 1868 г.). Д. 181. Л. 23 об., 98–98 об.; ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 427. Л. 33.

³ Деятели революционного движения в России: Биобиблиографический словарь. От предшественников декабристов до падения царизма. Т. 1. Ч. 2. — М., 1928. Стб. 481–482.

⁴ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 427. Л. 253–254 об. Текст письма полностью опубликован Козьминым: *Козьмин Б.П.* Революционное подполье в эпоху «белого террора». С. 27–31.

⁵ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 427. Л. 254.

⁶ *Козьмин Б.П.* Революционное подполье в эпоху «белого террора». С. 31–33; ГА РФ. Ф. 109. Оп. 153 (3 эксп., 1868 г.). Д. 181. Л. 81; ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 427. Л. 29–29 об., 48.

⁷ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 427. Л. 178.

⁸ *Козьмин Б.П.* Революционное подполье в эпоху «белого террора». С. 115.

⁹ См. подробнее: Там же. С. 57–85.

¹⁰ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 153 (3 эксп., 1868 г.). Д. 161. Ч. 1. Л. 202–202 об.; ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 301. Л. 1, 4, 5–5 об.

- ¹¹ Козьмин Б.П. Революционное подполье в эпоху «белого террора». С. 116.
- ¹² ГА РФ. Ф. 109. Оп. 153 (3 эксп., 1868 г.). Д. 161. Ч. 1. Л. 177.
- ¹³ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 424. Л. 2.
- ¹⁴ Там же. Д. 427. Л. 253.
- ¹⁵ Там же. Л. 186.
- ¹⁶ Козьмин Б.П. Революционное подполье в эпоху «белого террора». С. 30.
- ¹⁷ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 427. Л. 178.
- ¹⁸ Гросул В.Я. Российские революционеры в Юго-Восточной Европе (1859–1874 гг.). – Кишинев, 1973. С. 305.
- ¹⁹ Там же. С. 306, 318–319.
- ²⁰ Хитрова Н.И. Ровинский Павел Аполлонович // Славяноведение в до-революционной России. Библиографический словарь. – М., 1979. С. 293.
- ²¹ Михайлов-Другопольский Е.В. Ровинский Павел Аполлонович // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 5. – М., 2007. С. 306.
- ²² Там же. С. 307.
- ²³ См., например: Пантелеев Л. К биографии П.А. Ровинского // Речь. 1916. 20 янв. С. 2.
- ²⁴ Вульфсон Г.Н. К истории казанской организации «Земля и воля» 60-х годов. (Новые материалы о П.А. Ровинском и И.Н. Умнове) // Труды общества истории, археологии и этнографии при Казанском государственном университете. Т. I (36). Казань, 1963. С. 107.
- ²⁵ Козьмин Б.П. Революционное подполье в эпоху «белого террора». С. 12.
- ²⁶ См., например: Михайлов Е.В. Письмо А.А. Слепцова П.А. Ровинскому от 3 (16) апреля 1905 г. // Революционная ситуация в России в 1959–1961 гг. Т. IV. – М., 1965. С. 426–431.
- ²⁷ См. подробнее: Баренбаум И.Е. К истории одного землевольческого отряда // Эпоха Чернышевского. Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. Сб. 7. – М., 1978. С. 21–37.
- ²⁸ Пантелеев Л. Указ. соч. С. 2.
- ²⁹ Баренбаум И.Е. К истории одного землевольческого отряда. С. 36–37.
- ³⁰ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 201. Л. 3–3 об. Текст письма опубликован здесь: Русско-польские революционные связи. Т. 2. – М., 1963. С. 569–571.
- ³¹ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 201. Л. 4.
- ³² Деятели революционного движения. Т. 2. Вып. 1. – М., 1929. Стб. 220–223.
- ³³ Гросул В.Я. Российские революционеры в Юго-Восточной Европе. С. 320–322.
- ³⁴ Маркович С. Избранные сочинения. – М., 1956. С. 853.
- ³⁵ Карасев В.Г. Сербский демократ Живоин Жуёвич. Публицистическая деятельность в России в 60-х годах XIX в. – М., 1974. С. 41, 101–103 и др.
- ³⁶ Там же. С. 9, 14, 292, 298–299 и др.
- ³⁷ Орфанов М.И. В дали (Из прошлого). Рассказы из вольной и невольной жизни. – М., 1883. С. 21.
- ³⁸ Письма Г.А. Лопатина к В.Г. Короленко (из неопубликованной переписки) // Советские архивы. 1972. № 3. С. 95.
- ³⁹ Михайлов-Другопольский Е.В. Указ. соч. С. 307.

⁴⁰ См. подробнее: *Чернышевская-Быстрова Н.* Одна из попыток освобождения Н.Г. Чернышевского // *Каторга и ссылка.* 1931. № 5 (78). С. 126–127.

⁴¹ См. подробнее: *Козьмин Б.П.* Революционное подполье в эпоху «белого террора». С. 37–56.

⁴² ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 427. Л. 132 об.

⁴³ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 155 (3 эксп., 1870 г.). Д. 120. Ч. 1. Л. 51.

⁴⁴ Из переписки Н.Я. Николадзе с русскими и зарубежными литературно-общественными деятелями. Тбилиси, 1980. С. 232.

⁴⁵ *Николадзе Н.* Воспоминания о шестидесятих годах. Очерк первый // *Каторга и ссылка.* 1927. № 4 (33). С. 44.

⁴⁶ *Его же.* Воспоминания о шестидесятих годах. Очерк первый. (Окончание) // *Каторга и ссылка.* 1927. № 5 (34). С. 35.

⁴⁷ Из переписки Н.Я. Николадзе... С. 224.

⁴⁸ Русско-польские революционные связи. Т. 2. С. 589.

⁴⁹ [*Комарова А.А.*] Одна из многих. Из записок нигилистки. – СПб., 1881. С. 61.

⁵⁰ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 246. Л. 7 об.

⁵¹ Личности 61 члена артели установила следственная комиссия при разборе бумаг А.Д. Путагы (ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 214. Л. 44–45 об.). Стоит добавить, что по другим источникам И.Е. Баренбаум включил в это число Н.Д. Ножина (*Баренбаум И.Е.* «Издательская артель» И.А. Рождественского и П.В. Михайлова и революционное подполье середины 60-х гг. XIX в. // *Федоровские чтения 1975. История революционной печати. Сборник научных трудов.* – М., 1977. С. 79–80). Возможно, были и неустановленные члены артели.

⁵² ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 214. Л. 45 об.

⁵³ *Виленская Э.С.* Революционное подполье в России (60-е годы XIX в.). – М., 1965. С. 366.

⁵⁴ Там же. С. 363.

⁵⁵ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 246. Л. 17.

⁵⁶ *Баренбаум И.Е.* «Издательская артель» И.А. Рождественского и П.В. Михайлова... С. 83–84.

⁵⁷ *Свешников Н.И.* Воспоминания пропавшего человека. – М., 1996. С. 81.

⁵⁸ Там же. С. 80.

⁵⁹ *Козьмин Б.П.* Революционное подполье в эпоху «белого террора». С. 127.

⁶⁰ Там же. С. 140.

⁶¹ См. подробнее: Там же. С. 176–179.

⁶² Нечаев и нечаевцы. Сборник документов / Подгот. к печати Б.П. Козьмин. – М.; Л., 1931. С. 27.

⁶³ *Корш Е.В.* Брызги памяти // *Исторический вестник.* 1911. № 10. С. 166, 168.

⁶⁴ Санкт-Петербургские ведомости. 1870. 4 февр. С. 1.

⁶⁵ *Козьмин Б.П.* Революционное подполье в эпоху «белого террора». С. 28–29, 35, 121–122.

⁶⁶ Деятели революционного движения. Т. 1. Ч. 2. Стб. 314–315.

⁶⁷ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 427. Л. 132 об.

Послесловие

РАСТУЩАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ СИЛА

Много лет спустя после событий, ставших объектом исследования этой монографии, Н.К. Михайловский с явным удовольствием вспоминал о том, как в 1860-х годах в русской литературе раздался шум и гром – разночинец пришел... Явление разночинца, впрочем, коснулось далеко не только литературы. Сей персонаж взбаламутил всю русскую общественную жизнь – в чем, я думаю, читатель, познакомившийся с содержательным и ярким исследованием В.Л. Кириллова, уже убедился. Разночинная интеллигенция – несомненно, узловое явление в пореформенной России и распутать этот узел нелегко... Прежде, чем перейти к оценке незаурядной и очень конкретной книги молодого автора, я позволю себе напомнить несколько общих сведений об этом удивительном социальном и духовном феномене – интеллигент-разночинец.

Само понятие «разночинец» появилось задолго до эпохи реформ, еще в XVIII веке. По Далю, разночинец – «человек неподатного сословия, но без личного дворянства и не приписанный ни к гильдии, ни к цеху», то есть существо вполне неприкаянное: из простонародья каким-то образом выбился, но ни к купечеству, ни к «благородному сословию» не прибился; подушной подати не платит, а как и чем жив будет – бог знает... Эту изначальную черту – неприкаянность, изгойство – стоит отметить, хотя бы потому, что она оказалась непреходящей и у героев книги В.Л. Кириллова просто бьет в глаза.

От низших сословий разночинца отличала, как правило, грамотность; от высших – бедность и полная социальная незащищенность. Чиновник самых низших рангов, ходатай по частным делам, домашний учитель – таков был его удел. Долгое время никто персонажа этого особо и не примечал, пока великие русские писатели не стали создавать один за другим памятные всем образы «униженных и оскорбленных» – Самсон Вырин, Акакий Акакиевич, Макар Деушкин... И сумели-таки вызвать к ним у читателя сочувствие и жалость.

Однако уже в николаевскую эпоху выяснилось, что у изгойства этого может быть совсем иная ипостась. В том своеобразном

сообществе, которое А.И. Герцен называл «образованным меньшинством» и в котором мы теперь видим зародыш русской интеллигенции, разночинец уже играет роль самую заметную и «униженным» совсем не выглядит... Здесь и В.Г. Белинский – сын уездного лекаря, и В.П. Боткин – сын купца-чаеоторговца; знаменитая «молодая профессура» Московского университета – почти вся из духовного сословия. Да и дворяне в этом кругу сомнительные – вроде Т.Н. Грановского, жившего исключительно на профессорское жалованье и о дворянстве своем никогда не поминавшего... Всё это были люди уже в высшей степени состоявшиеся: с самостоятельными суждениями и четкой жизненной позицией – роль их в русском общественном движении того времени невозможно переоценить. Буквально на глазах рождалась новая общественная сила.

Всё дело было, конечно, в образовании – в его уровне, качестве, в том, как оно усваивалось. Кого-то оно чуть подымало с колен, кому-то давало внешний лоск... Некоторых переплавляло полностью. Ведь, в сущности, образование, усвоенное глубоко, по-настоящему, заставляло иначе, критически, воспринимать окружающий мир – и, следовательно, жить иначе. Уже в предреформенной России появляются те, кого впоследствии один из главных идеологов народничества П.Л. Лавров определил как «критически мыслящие личности».

И всё же тогда, до реформы, это явление – разночинная интеллигенция – лишь зарождалась. Её представителей было еще очень мало; в жестко структурированной по сословному принципу Российской империи они производили впечатление, в своем роде, дикийнное – редкости, исключения из правил. Ситуация резко меняется после отмены крепостного права, когда страна вступает в новую стадию развития и то, что казалось устойчивым и стабильным, рушится буквально на глазах. И одним из признаков этого пришедшего в движение бытия стала постоянно растущая потребность в образованных людях. Промышленному производству нужны техники и инженеры; сельскому хозяйству – квалифицированные агрономы. Земству, создаваемому в стране с середины 1860-х годов, в огромных количествах нужны врачи, учителя, статистики. Все эти люди много читают – разрастается книгоиздательское дело, появляются десятки новых журналов и газет. Следовательно, нужны редакторы, сотрудники, корректоры. И весь этот грандиозный спрос встречает достойное предложение – тяга к знаниям в пореформенной России просто феноме-

нальная. То, что раньше было, скорее, исключением, теперь становится чуть ли не правилом. При этом многих выходцев из духовной, мещанской, купеческой среды уже ни в коем случае не удовлетворяет бурса или уездное училище. Их манит Университет... Или на худой конец Сельскохозяйственная академия.

Процесс образования разночинной интеллигенции приобретает лавинообразный характер: буквально на глазах эксклюзив, диковина превращается в социальное явление, возникает новая общность. И от того, какое место она займет, какую роль сыграет, зависело очень многое – сейчас, задним числом, мы знаем: зависело будущее России. А оно, как известно, оказалось печальным...

* * *

Всё вышеизложенное заставляет очень серьезно отнестись и к предмету исследования, избранному молодым автором, и к самому исследованию. При этом не стоит обманываться тем, что название книги, казалось бы, обуславливает достаточно узкие границы её содержания: всего лишь одно явление – терроризм (которого, к тому же, «не было»), на примере всего лишь одного общества – «Сморгонской академии». С первых же страниц В.Л. Кириллов дает понять, что его интересует нечто неизмеримо большее – духовный облик разночинца-радикала в целом. И надо сказать, что автор, показав незаурядное мастерство, сумел добиться своего: найдя нужный ракурс, он, как мне представляется, очень выразительно показал духовное состояние радикалов-шестидесятников – «от Каракозова до Нечаева».

Наряду со многими частными достоинствами исследования, я бы выделил два главных, определяющих, которые, кстати, далеко не всегда сопутствуют друг другу в нашей научной литературе. Во-первых, книга чрезвычайно фактурна: автор свободно, а нередко и виртуозно, использует богатейший материал, почерпнутый, в основном, из архивов. Книга насыщена людьми и событиями, рассказ о которых всегда имеет надежную фактическую основу. И в то же время это концептуальное исследование, в котором автор ставит и решает чрезвычайно важный вопрос принципиального характера.

Вопрос этот порожден историографией самого предмета исследования – о чем автор убедительно и остроумно пишет в самом начале своей книги, определив нынешнее состояние этой историографии как результат действия «испорченного телефона». Действительно, трудно не согласиться с тем, что замечательные

во многих отношениях и чрезвычайно значимые для своего времени работы Б.П. Козьмина для многих его продолжателей стали не столько точкой отсчета для дальнейшего исследования, сколько источником цитат и выводов общего характера. То, что для Козьмина было предположительным и вероятным, превратилось в безусловно верное; начало пути обернулось тупиком... Как убедительно показывает В.Л. Кириллов, одним из главных результатов этой метаморфозы стал сомнительный тезис об органическом пристрастии радикалов-шестидесятников к террору. В советские времена этот тезис был принят на «ура!», по принципу: чем радикальнее, тем лучше; в постсоветские – «ура!» столь же последовательно сменилось проклятиями, и самоотверженные борцы с деспотизмом, как по мановению волшебной палочки, превратились в «бесов». Мне представляется, что при массе локальных удач и достижений, преодоление этой ужасающей односторонности является главным, наиболее весомым результатом исследования В.Л. Кириллова.

Причем своей цели автор достигает очень по-деловому, избегая всякого пафоса и отвлеченных рассуждений – почти исключительно за счет первого отмеченного мною достоинства: великолепного знания материала и умения разумно его использовать. Он, собственно, «всего лишь» рисует поразительную по своей объемности панораму бытия шестидесятников, воспроизводя их биографии, выясняя их увлечения и пристрастия, рассказывая о конкретных событиях, происходящих в этой среде. И поскольку, повторюсь, всё это сделано умело, рассыпанная мозаика складывается в цельную картину... В.Л. Кириллов справедливо пишет о том, что среди персонажей его книги, практически, нет из ряда вон выходящих личностей – «героев»; во всех них гораздо больше общего, чем ярких индивидуальных черт – и всё же текст этот читать чрезвычайно интересно. Возможно потому, что он чудесным образом порождает ощущение живого целого.

В сущности, эта книга об удивительной, совершенно особой генерации людей, неспособных изжить подростковую ментальность. Резко критическое отношение к устоявшимся отношениям, семейным и общественным, неприятие внешнего, «взрослого» мира, стихийная тяга к справедливости – и к наиболее простым средствам в её достижении... И поразительная, неземная, взрывная энергетика. Через это проходят всегда и все – проходят – и успокаиваются, «взрослеют». У многих, если не у большинства шестидесятников, переходный возраст затягивался на всю жизнь

(и, кстати, какой же молодец автор, что не бросил своих героев, исчерпав тему «Сморгони», а довел их биографии до конца – в последнем разделе «Безвестные судьбы»!). Если мое утверждение покажется неубедительным, перечитайте все эти потрясающие истории, связанные со «славянской миссией» Бочкарева, «освобождением» Чернышевского, «Елизаветградским делом», и согласитесь: ничего подобного и помыслить нельзя не то, что в солидном обществе (о нем и речи нет) – в «солидном» подполье. Мальчишество во всех своих проявлениях...

Таких, чающих движения воды ребят, конечно же, нетрудно увлечь разговорами о «крайних мерах» – и о терроре, как самой крайней. Но В.Л. Кириллов очень уместно употребляет по этому поводу термин «квазирадикализм» – подавляющее большинство легко было увлечь именно «страшными» разговорами и только разговорами. И организаторы, и исполнители терактов в 1860-ые – личности совершенно особые, находящиеся за скобками решающего большинства. Их, собственно, и было-то всего двое – Каракозов в 1866-м и Нечаев в 1869-м. Не считать же террористами несчастных одурманенных нечаевцев – тех, кто держал студента Иванова, пока лидер стрелял ему в голову... У остальных же, если говорить о конкретных делах, на первом плане – пропаганда социализма, создание каких-то невероятных артелей, просветительские проекты и тому подобное.

Вопросы общего характера – о месте этой генерации в русской общественной жизни, в целом, об отношении к ней власти – остаются за рамками книги В.Л. Кириллова. Но эта содержательная работа заставляет подобные вопросы ставить и, во многом, может помочь в их решении. Ведь совершенно очевидно, что персонажи, с которыми мы познакомились, не были ни воплощением революционной царубийственной горячки, ни, собственно, воплощенным злом – то есть, не соответствовали историографическим стереотипам. Этому поколению, порожденному переменами, обязательно должно было найтись место в стране, пытающейся жить по-новому. Но такового места им не нашлось... Традиционное общество и, главное, власть восприняли их примерно так же, как и исследователи в более поздние времена – и это единение историков с жандармами представляется мне очень трогательным... С подростками, как известно, сотрудничать нелегко, но возможно; в этом деле необходима деликатность и стремление к взаимопониманию. Шестидесятники сразу же столкнулись с полным неприятием и безудержней травлей. Изгойство так и осталось их

характерной чертой. А между тем, по духу своему, разночинцы 1860-х, в отличие от родоначальников своих, уже не способны были покорно подчиняться; они стремились активно противостоять. Следовательно, их ждала борьба, в ходе которой «квазирадикализм» обречен был стать радикализмом без всяких оговорок.

* * *

Помянув в начале этого очерка воспоминания Н.К. Михайловского, я хотел бы закончить его пророчеством П.Л. Лаврова. Собственно, само название заимствовано мною у знаменитого идеолога: «Растущая общественная сила» – название одного из его «Исторических писем». В нем Петр Лаврович четко определяет путь, ведущий к вожделенной цели – революции. В начале, пишет он, появляются талантливые одиночки – те самые «критически мыслящие личности». Они неизбежно «обрастают» поклонниками – вокруг них складываются небольшие кружки единомышленников. Следующим шагом является организация более обширных сообществ, которые неизбежно будут расти и упорядочиваться – от них лежит прямой путь к созданию мощных подпольных партий, способных революционным путем изменить этот несправедливый мир. Всё это написано Лавровым в самой общей форме, без ссылки на какие бы то ни было конкретные факты и, на первый взгляд, выглядит весьма банально.

Но мы-то сейчас, на пороге юбилейного 2017 года можем уже эти общие соображения конкретизировать... Публикация «Исторических писем» в периодической печати началась в 1868-м – еще существует «Сморгонь» – и закончилась в 1869-м – году, ознаменованном созданием нечаевской «Народной расправы». При всей яркости и непохожести этих сообществ от них, согласитесь, в равной степени веет маргинальным духом; на великие дела они оба, в равной степени, были не способны. Но уже через 10 лет, в 1879 г. создается прекрасно организованная «Народная воля», потрясшая Россию убийством Александра II. Через 30 лет возникают массовые подпольные партии, которые растут и усиливаются с каждым годом – РСДРП в 1898 г., партия эсеров в 1901 г. А через полвека следует Великая революция, последствия которой мы до сих пор не можем преодолеть... Неужели другой путь России был заказан?

А.А. Левандовский

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Указатель составлен автором на основе различных словарей и справочников, а также изученных источников и литературы.

Азеф Евно Фишелевич (1869–1918), один из лидеров партии эсеров, провокатор – 181

Акакий Акакиевич (Башмачкин), центральный персонаж повести Н.В. Гоголя «Шинель» – 208

Аксельрод Павел Борисович (1850–1928), в 1870-е гг. народник, впоследствии социал-демократ, один из лидеров меньшевиков – 175

Александр II (1818–1881), российский император (1855–1881) – 15, 57, 58, 73, 154, 213

Александр Александрович (1845–1894), великий князь, впоследствии император Александр III (1881–1894) – 64

Александров Василий Максимович (р. ок. 1849), революционер (участник Вульфовской коммуны, кружка чайковцев и др.), эмигрант – 148

Александровская Варвара Владимировна (р. ок. 1833), революционерка, участница нечаевского дела – 175

Аметистов Евлампий Васильевич (р. ок. 1850), участник студенческих волнений 1868–1869 гг. и нечаевского дела – 148

Андреев В., в 1867 г. участник оmlадинской скупщины – 113

Антонов Николай, во второй половине 1860-х гг. студент Петербургского университета – 123

Антонова (в замуж. Волховская) Мария Осиповна (ок. 1848–1877), революционерка (участница кружка чайковцев и др.) – 17, 108, 111, 117, 124, 130, 170, 180

Антонович Максим Алексеевич (1835–1918), литературный критик, публицист – 202

Арапов Николай Устинович (1825–1884), московский обер-полицмейстер (1866–1876) – 88

Арсеньев Константин Константинович (1837–1919), юрист, публицист, общественный деятель – 132

Бакунин Александр Александрович (1821–1908), мировой судья в г. Торжке Тверской губ., земский деятель – 75

Бакунин Михаил Александрович (1814–1876), революционер, философ, публицист, идеолог народничества, анархизма – 7, 18, 109–111, 115, 124, 125, 147, 166, 180, 196

Баллион (также Бальен) Эрнест Эрнестович (1816–1901), энтомолог, профессор петербургского Земледельческого института – 177

Баллод Петр Давыдович (1839–1918), революционер, политический ссыльный – 13

Баренбаум Иосиф Евсеевич (1921–2006), советский и российский книговед, историк книги – 207

Баумгартен Александр Павлович, в 1860-е гг. мировой судья в Петербурге, впоследствии киевский вице-губернатор (1880–1894) – 198

Белевич-Станкевич Александр Васильевич (р. ок. 1845), в 1860-е гг. студент Московского университета – 88

Белинский Виссарион Григорьевич (1811–1848), литературный критик, публицист – 34, 209

Берви-Флеровский (наст. фам. Берви) Василий Васильевич (1829–1918), публицист, социолог, беллетрист – 103

Березовский Антон Иосифович (1847–1916), польский революционер, террорист – 58

Бобарыков Иван Иванович (р. 1844), артиллерийский поручик, участник «Сморгонской академии» – 89–91, 95, 96, 136, 145, 153, 175, 177

Бобарыкова Юлия Валентиновна (р. 1844), участница «Сморгонской академии» и нечаевского дела – 89, 90, 92, 95, 96, 100, 136, 145, 153, 173–176

Богучарский (наст. фам. Яковлев) Василий Яковлевич (1860/1861–1915), публицист, историк революционного движения в России – 9, 180

Бокова Вера Михайловна (р. 1955), российский историк – 80

Борисов Владимир, в середине 1860-х гг. студент Петровской земледельческой академии – 58

Борисов Феофан Алексеевич (ок. 1845–1928), участник ишутинского тайного общества и «Елизаветградского дела» – 10, 15, 19, 24, 25, 30, 32–34, 36, 43, 44, 47–55, 58, 60, 63, 64, 75, 85, 86, 104, 117, 118, 146, 155, 157, 158, 160–167, 178, 181–184

Боткин Василий Петрович (1811/1812–1869), очеркист, критик, переводчик – 209

Бочкарев Иван Иванович (1842–1915), осташковский мещанин, участник «Сморгонской академии» – 5, 9, 11–14, 16–18, 83, 94, 100, 107–119, 121–127, 129, 130, 139, 147, 152, 168, 180, 181, 184, 197–202, 204, 205, 212

Бочкарева Татьяна Фоминична, купеческая вдова, мать И.И. Бочкарева – 139

Брешко-Брешковская Екатерина Константиновна (1844–1934), деятель народного движения, публицист, мемуаристка – 39

Будницкий Олег Витальевич (р. 1954), российский историк – 21

Бурцева О.П., в 1860-е гг. московская телеграфистка – 108

Василевский (также Васильевский) Николай (р. ок. 1847), участник студенческих волнений 1868–1869 гг. – 147, 148

Ведерников Иван Васильевич, в 1860-е гг. участник петербургских революционных кружков – 119

Веселитский-Божидарович Гавриил Сергеевич (1841–1930), журналист, деятель прославянского движения – 113

Веттер Николай Иванович, в первой половине 1860-х гг. саратовский врач, участник кружка Христофорова – 34, 66

Викторов-Топоров (наст. фам. Топоров) Владимир Викторович (1878–1936), журналист, член партии кадетов – 58

Виленская Эмилия Самойловна (1909–1988), советский историк – 38, 40, 46, 48, 59, 75, 76, 93

Вознесенский Александр Васильевич (р. ок. 1844), участник ишутинского тайного общества – 44, 79

Волков Дмитрий, участник «Сморгонской академии» и студенческих волнений 1868–1869 гг. – 86, 95, 152

Воллан де (также Де-Воллан) Григорий Александрович (1847–1916), публицист, дипломат – 58, 59

Волховский Феликс Вадимович (1846–1914), революционер (участник «Рублевого общества», кружка чайковцев и др.), поэт, публицист – 108, 117, 151, 200

Вормс Николай Александрович (1845–1870), поэт, публицист, эмигрант – 89, 100

Воронцов – 174

Воронцова (урожд. Коведяева) Любовь Егоровна (р. 1846), участница «Сморгонской академии» – 88–91, 94, 98, 102, 173–175, 184, 203

Воскресенский Алексей Алексеевич, брат Д.А. Воскресенского, сельский учитель в Саратовской губ. – 23, 62, 63

Воскресенский Дмитрий Алексеевич (р. ок. 1843), участник ишутинского тайного общества, один из руководителей «Сморгонской академии» – 16, 22, 23, 30, 32–36, 43, 44, 47–53, 55, 60–64, 73, 81–84, 86, 89, 91–94, 99, 100, 104, 105, 117, 118, 124, 125, 145, 146, 150, 153, 160, 177–179, 184, 197, 204

Вульфсон Григорий Наумович (1920–2002), советский и российский историк – 199

Вырин Самсон, центральный персонаж повести А.С. Пушкина «Станционный смотритель» – 208

Гагарин, князь, возможно, подразумевался Гагарин Павел Павлович (1789–1872), председатель Комитета министров (1864–1872) – 145

Галицкая-Чечелева Елизавета Павловна, участница кружка Христофорова – 36, 43

Гарибальди Джузеппе (1807–1882), деятель итальянского национально-освободительного движения – 124

Гачинович Владимир (1890–1917), лидер и идеолог сербской революционной организации «Молодая Босния» – 110

Гейне Генрих (1797–1856), немецкий поэт, публицист – 99

Герасимов Алексей Михайлович (1814–1861), актер-любитель оставшковского театра – 108

Гернет Николай Александрович (р. ок. 1836; по другим данным, ок. 1848–1910), участник ишутинского тайного общества – 46, 79, 94

Герцен Александр Иванович (1812–1870), революционер, политический эмигрант, публицист – 7, 51, 58, 109, 110, 119, 124, 142, 175, 209

Гижицкий Евгений Казимирович, в 1860–1870-е гг. политический эмигрант, в первой половине 1870-х гг. публицист «Московских ведомостей» – 123

Гоголь Николай Васильевич (1809–1852), писатель – 31

Голицын Владимир Михайлович (1847–1932), московский вице-губернатор, московский городской голова – 57, 58

Гольденберг (Гетройтман) Лазарь Борисович (Лейзер Борухович; 1847–1916), революционер, деятель революционной эмиграции – 19, 24, 25, 82, 97–99, 117, 148

Гончаров Николай Петрович (р. ок. 1850), революционер, участник «Сморгонской академии» – 89, 96, 129, 152, 179, 180

Горбачевский Иван Иванович (1800–1869), декабрист, участник Общества соединенных славян – 109

Горизонтов Иван Парфенович (1847–1913), участник студенческих волнений 1868–1869 гг., впоследствии видный саратовский журналист – 31, 96, 183

Горький Максим (наст. имя и фам. Пешков Алексей Максимович; 1868–1936), писатель – 181

Гранин Даниил Александрович (р. 1919), писатель, общественный деятель – 74

Грановский Тимофей Николаевич (1813–1855), историк, литератор, общественный деятель – 209

Грач Николай Захарович, крестьянин д. Коптево Московской губ. – 43

Грачев А., в 1990-е гг. главный редактор альманаха «Глубинка» (Омск) – 25

Грибоедов Александр Сергеевич (1795–1829), драматург, поэт – 108

Гридин Федор Дмитриевич (ум. 1916), домашний учитель, привлекался к следствию по нечаевскому делу, впоследствии драматург, редактор – 204

Гринвуд Джеймс (1833–1929), британский писатель – 36

Гроссул-Толстой (также Гросул-Толстой) Петр Львович, публицист, редактор одесской газеты «Новороссийские ведомости» (1869–1872) – 161

Гросул Владислав Якимович (р. 1939), советский и российский историк – 16–18, 20, 21, 106, 111, 129, 166, 199, 200

Груич Еврем (также Ефрем; 1826/1827–1895), сербский политический деятель либерального направления, дипломат – 112

Груич Сава (также Савва; 1840–1913), сербский государственный и военный деятель – 83, 115

Губин Василий Иванович, в 1860–1870-е гг. адвокат, общественный деятель, член Славянского благотворительного общества – 59, 113

Даль Владимир Иванович (1801–1872), лексикограф, писатель, составитель знаменитого «Толкового словаря живого великорусского языка» – 208

Даринка Петрович (Петрович-Негош; 1838–1892), вдова убитого князя Черногории Данило I – 109

Дебогорий-Мокриевич Прохор Карпович (р. 1847), участник нечаевского дела, брат известного народника В. К. Дебогория-Мокриевича – 169

Девушкин Макар Алексеевич, центральный персонаж романа Ф.М. Достоевского «Бедные люди» – 208

Дементьева Александра Дмитриевна (1850–1922), участница петербургских революционных кружков, после 1873 г. жена П. Н. Ткачева – 100, 153

Деникер Иосиф Егорович (Жозеф; 1852–1918), русский инженер, впоследствии французский натуралист и антрополог – 179

Добролюбов Николай Александрович (1836–1861), литературный критик, публицист – 34, 58

Долгоруков Владимир Андреевич (1810–1891), московский генерал-губернатор (1865–1891) – 35

Долгушин Александр Васильевич (1848–1885), революционер, руководитель долгушинского кружка – 103

Домбровский Ярослав (1836–1871), польский революционер, один из военных деятелей Парижской коммуны – 200

Достоевский Федор Михайлович (1821–1881), писатель – 74

Европеус Александра Константиновна (1837–1895), писательница, переводчица, в 1865–1866 гг. содержала в Петербурге бесплатную школу – 77

Езерский Степан Венедиктович (р. ок. 1846), участник студенческих волнений 1868–1869 гг., представитель т. н. «умеренной партии» – 84, 100, 125, 130, 131, 150–152

Елисеев Григорий Захарович (1821–1891), публицист, редактор ряда петербургских периодических изданий, участник первой «Земли и воли» – 77, 97, 103–105, 203

Енишерлов Григорий Петрович (1850–1913), участник студенческих волнений 1868–1869 гг. – 168

Ермолов Петр Дмитриевич (1845–1908), участник ишутинского тайного общества – 34, 37, 40, 41, 44, 45, 48–53, 55, 59, 60, 62

Жандр Андрей Андреевич (1789–1873), драматург-переводчик, литературный критик – 108

Жеманов Семен Яковлевич (1836–1903), революционер (привлекался к следствию по делу о «Казанском заговоре»), деятель революционной эмиграции – 122

Жигмановский Евграф Дмитриевич (р. ок. 1847), участник «Сморгонской академии» и студенческих волнений 1868–1869 гг. – 86, 95, 152, 177, 183, 184

Жуёвич Живоин (1838–1870), сербский общественный деятель, публицист – 201

Жук Александр Антонович (ум. 1892), участник студенческих волнений 1861 г. и первой «Земли и воли» – 200

Жуковская Екатерина Ивановна (1841–1913), переводчица, участница Знаменской (Слепцовской) коммуны, жена Ю.Г. Жуковского – 101, 102

Жуковский Юлий Галактионович (1833–1907), публицист, экономист, историк общественной мысли – 77, 97, 202

Загibalов Максимилиан Николаевич (1843–1920), участник ишутинского тайного общества, впоследствии сибирский общественный деятель – 40, 41, 46, 48, 50, 52, 57, 171

Заичневский Петр Григорьевич (1842–1896), революционер, автор прокламации «Молодая Россия», один из идеологов русского бланкизма – 56

Зайкин Дмитрий Михайлович (р. ок. 1845), участник кружка Христофорова, двоюродный брат Д. А. Воскресенского – 32, 36, 43, 55

Замятнин Дмитрий Николаевич (1805–1881), министр юстиции (1862–1867) – 41

Засулич (в замуж. Успенская) Александра Ивановна (1847–1924), участница нечаевского дела, жена нечаевца П. Г. Успенского – 46

Засулич Вера Ивановна (1849–1919), деятель народнического движения, впоследствии социал-демократ – 19, 95, 146, 171

Засулич Е.И. – см. Никифорова Е.И.

Иванов Александр Иванович (р. 1843), участник ишутинского тайного общества – 26, 53

Иванов Дмитрий Львович (р. 1846), участник ишутинского тайного общества, впоследствии горный инженер, геолог – 40, 44, 45, 53–55, 60, 61

Иванов Иван Иванович (ок. 1846–1869), участник общества «Народная расправа», убит С.Г. Нечаевым – 7, 26, 212

Ивановы сестры, Александра Львовна (р. ок. 1844) и Екатерина Львовна (р. ок. 1842), организаторы артельной швейной мастерской в Москве – 42, 79, 95

Ивановский, в 1860-е гг. эмигрант, входил в круг М.К. Эллидина – 120, 122

Игнатьев Николай Павлович (1832–1908), русский посол в Стамбуле (1864–1877), министр внутренних дел (1881–1882) – 20

Изгоев Александр Самойлович (наст. имя и фам. Ланде Арон Соломонович; 1872–1935), публицист, веховец, один из лидеров партии кадетов – 181

Иисус Христос – 102

Иованович (также Йованович) Владимир (1833–1922), сербский государственный деятель, писатель – 109, 112

Исаков Владимир Алексеевич, современный российский историк – 38

Ишутин Николай Андреевич (1840–1879), революционер, создатель московского ишутинского тайного общества – 7, 23, 37–46, 49, 50, 53–55, 57, 59, 67, 78, 97, 102, 103, 119, 121, 134

Караваев Н.А. – см. Короваев Н.А.

Каравелов Любен (ок. 1834–1879), болгарский писатель, общественный деятель – 17, 201

Каракозов Дмитрий Владимирович (1840–1866), участник ишутинского тайного общества, террорист – 4, 7, 9–11, 16, 25, 37–41, 49, 53, 57, 59, 61, 62, 76–78, 84, 105, 113, 128, 129, 146, 168, 193, 197, 200, 203, 210, 212

Карасев Виктор Георгиевич (1922–1991), советский историк, славист – 114, 116

Катарошанец, псевдоним С.Г. Нечаева – 165

Катин-Ярцев Виктор Николаевич (1875–1928), сын Н.Н. Катин-Ярцева, врач, в 1890-е гг. деятель революционного движения – 25, 105, 148

Катин-Ярцев Николай Никитич (1847–1892), участник «Сморгонской академии» и студенческих волнений 1868–1869 гг. – 25, 32, 34, 86, 87, 104–106, 148, 151, 152, 155, 177, 183

Катков Михаил Никифорович (1818–1887), публицист, критик, в 1860–1880-е гг. представитель консервативной мысли – 58, 179

Катри, в 1860-е гг. хозяйка женевского пансиона – 121

Каутский Карл (1854–1938), один из лидеров и идеологов немецкого социал-демократического движения – 173

Кельсиев Василий Иванович (1835–1872), общественный деятель, меуарист, этнограф – 56, 88

Кельсиев Иван Иванович (ок. 1841–1864), брат В. И. Кельсиева, участник студенческих волнений 1861 г., политический ссыльный – 200

Кипиани Николай Дмитриевич (р. ок. 1848), участник студенческих волнений 1868–1869 гг. – 83, 84, 100, 123, 126, 134, 138, 151, 152

Кичин Константин Федорович (р. ок. 1844), участник ишутинского тайного общества – 50, 53, 60

Кишенский Николай Павлович (1850–1927), в конце 1860-х гг. мировой судья в Новоторжском уезде Тверской губ., впоследствии охотник, эксперт по гончим – 85

Клаковский – см. Колачевский А.Н.

Клевенский Митрофан Михайлович (1877–1939), советский историк революционного движения и общественной мысли – 22, 38, 103, 127

Клоч (также Клочь, Клочков) Константин, псевдоним автора анонимного доноса в «Елизаветградском деле» – 154, 156, 163

Кноблах Адольф Егорович (р. ок. 1810), комендант Нерчинской каторги, в нач. 1830-х гг. участник московского кружка Н.П. Сунгурова – 13

Кноп, в конце 1860-х гг. начальник одесского жандармского управления – 17, 156, 158, 159, 161, 164, 166, 176

Кобылин Александр Александрович (1840–1924), ординатор петербургского военного госпиталя, был близок к петербургским революционным кругам – 203

Коведяев Дмитрий Егорович (р. ок. 1850), участник «Сморгонской академии» и нечаевского дела, в т. ч. общества «Народная расправа» – 91, 173–175

Коведяев Егор Егорович (р. ок. 1847), кассир, подследственный по ряду политических дел, был близок к революционным кругам – 91

Коведяев Егор Николаевич, надворный советник, отец Д.Е., Е.Е. и Л.Е. Коведяевых – 90, 91

Коведяева Л.Е. – см. Воронцова Л.Е.

Козлинина Екатерина Ивановна, журналистка, мемуаристка – 25, 39, 41, 58

Козлов Алексей Александрович (1831–1901), философ, публицист, в 1850–1860-е гг. участник революционных кружков («вертепников» и др.) – 40

Козловская Евдокия Захаровна, участница «Сморгонской академии» – 92, 93, 95, 97, 99, 130, 145, 153, 204

Козловская Екатерина Захаровна, младшая сестра Евдокии Козловской – 93, 145

Козловский, предположительно, брат сестер Козловских – 93

Козьмин Борис Павлович (1883–1958), советский историк революционного движения и общественной мысли, литературовед – 8–16, 19, 21–23, 29, 38, 56, 80, 107, 108, 111, 120, 121, 123, 128–130, 140, 145, 179, 198, 199, 205, 211

Колачевская Анна Николаевна (р. ок. 1845), участница «Сморгонской академии», привлекалась к следствию по нечаевскому делу – 46, 95, 170

Колачевская Людмила Николаевна (р. ок. 1850), участница «Сморгонской академии» и нечаевского дела – 46, 95, 130, 170

Колачевский Андрей Николаевич (ок. 1848–1888), участник ишутинского тайного общества и «Сморгонской академии» – 23, 25, 46, 55, 63, 64, 73, 94, 95, 117, 136, 169, 170, 177, 184

Колосов Евгений Евгеньевич (1879–1937), историк, публицист, деятель революционного движения – 171

Комарова Александра Андреевна (р. 1842), в середине 1860-х гг. участница петербургских революционных кружков – 77, 203

- Кондратьев Андрей, мальчик из крестьянского сословия – 84
- Консидеран Виктор (1808–1893), французский социалист-утопист, последователь Ш. Фурье – 14, 121, 125
- Корево Игнатий Игнатьевич (р. 1841), участник ишутинского тайного общества – 38, 39, 59
- Короваев (также Караваев) Николай Алексеевич, во второй половине 1860-х гг. учитель Ришельевской гимназии в Одессе – 117, 118, 160, 161
- Короленко Владимир Галактионович (1853–1921), писатель, публицист, общественный деятель – 103
- Корсаков Павел Ассигкритович (1847–1908), земский деятель Тверской губ., журналист – 181
- Корш Евгений Валентинович (1852–1913), адвокат, издатель, на рубеже 1870–1880-х гг. был близок к революционным кругам – 204
- Коцебу Павел Евстафьевич (1801–1884), новороссийский и бессарабский генерал-губернатор (1862–1874) – 156
- Криль Александр Александрович (1843–1908), деятель революционного движения (участник «Издательской артели», «Красного креста Народной воли» и др.) – 77
- Кропоткин Петр Алексеевич (1842–1921), революционер, публицист, мемуарист, теоретик анархизма – 173
- Крушинский, в конце 1860-х гг. член одесской судебной палаты – 159
- Крылов – 97
- Кузнецов, псевдоним из николаевского доноса в «Елизаветградском деле» – 156, 167
- Кузнецов Алексей Кириллович (1845–1928), участник общества «Народная расправа», впоследствии сибирский краевед и общественный деятель – 172, 174, 176
- Куколь-Яснопольский Михаил Александрович, владелец петербургской типографии, был близок к революционным кругам – 36
- Кунтушев Василий Иванович (ок. 1846–1878), участник «Сморгонской академии» и «Елизаветградского дела» – 10, 32, 73, 85–87, 94, 99, 104–106, 128, 129, 155–160, 162–168, 178, 181–183
- Курочкин Василий Степанович (1831–1875), поэт, переводчик, журналист, участник первой «Земли и воли» – 204
- Кутузов П., в 1867 г. участник оmlадинской скупщины, предположительно, Голенищев-Кутузов Петр Аркадьевич (1845–1911), публицист, цензор – 113
- Кутыев Николай Яковлевич (р. ок. 1841), участник ишутинского тайного общества – 75
- Куш Ананий Львович, участник кружка Христофорова – 32
- Лавров Петр Лаврович (1823–1900), публицист, философ, социолог, один из идеологов народничества – 77, 110, 203, 209, 213
- Ланской Петр Петрович (1799–1877), председатель Следственной комиссии по делам о государственных преступлениях (1864–1871) – 22, 23, 72, 73, 109, 145, 154, 180
- Лапкин Федор Петрович (р. ок. 1847), участник кружка Христофорова и ишутинского тайного общества – 30–36, 43, 48, 50, 52–54, 61–63, 74

Лачинов Павел Александрович (1837–1891), русский ученый, профессор химии петербургского Земледельческого института – 177

Левин Шнейер Менделевич (1897–1969), советский историк – 16

Лемке Михаил Константинович (1872–1923), историк, публицист – 120

Ленин Владимир Ильич (1870–1924), деятель революционного движения, советский государственный деятель – 173

Лимпиди, в конце 1860-х гг. беглый преступник – 157

Линкольн Авраам (1809–1865), американский государственный деятель, президент США (1861–1865) – 61

Лихачев Дмитрий Сергеевич (1906–1999), советский и российский филолог, культуролог, общественный деятель – 74

Лихутин Владимир Никитич (ок. 1850–1871), участник студенческих волнений 1868–1869 гг. и нечаевского дела – 169

Лихутин Иван Никитич (р. ок. 1848), участник студенческих волнений 1868–1869 гг. нечаевского дела – 149, 153, 169

Лопатин Герман Александрович (1845–1918), деятель революционного движения, переводчик, публицист – 76, 91, 106–108, 120, 124, 172, 175, 179, 201

Луканин Юлий Александрович, привлекался к следствию по нечаевскому делу – 175

Луканина (урожд. Рыкачева, во 2-м браке Паевская) Аделаида Николаевна (1843–1909), привлекалась к следствию по нечаевскому делу, впоследствии писательница – 175

Лунин Виктор Игнатьевич (1843–1913), участник студенческих волнений 1868–1869 гг., впоследствии адвокат, член I Государственной думы – 149, 150

Майнов Иван Иванович (псевд. Волков Н.; 1861–1936), на рубеже 1870–1880-х гг. саратовский народоволец, впоследствии член партии эсеров, этнограф – 31, 182

Максимов Сергей Васильевич (1831–1901), этнограф, путешественник, автор очерков, мемуарист – 81

Малашенко Олег, современный белорусский журналист – 8

Маликов Александр Капитонович (1839–1904), был близок к ишутинскому тайному обществу и народничеству, в 1870-е гг. последователь учения о «богочеловечестве» – 103, 104

Малинин Орест Васильевич (р. ок. 1842), участник ишутинского тайного общества – 40, 42, 47, 53, 55, 61, 62

Мамышев Василий Семенович (р. ок. 1842), участник студенческих волнений 1861 г., затем судебный следователь в г. Звенигороде Московской губ. – 88, 90

Маркович Светозар (1846–1875), сербский общественный деятель, публицист, социалист – 83, 99, 113–116, 201

Маркс Максимилиан Осипович (р. ок. 1816), был близок польским революционным кругам и ишутинскому тайному обществу, впоследствии географ – 200

Мечников Лев Ильич (1838–1888), в 1860-е гг. деятель революционной эмиграции, впоследствии географ, историк, социолог – 120

Милль Джон Стюарт (1806–1873), британский философ, экономист, политический деятель – 31, 33, 116

Мирославский, знакомый В.И. Кунтушева, предположительно выпускник саратовской гимназии – 104

Михаил (Милое Иованович; 1826–1898), сербский митрополит – 109

Михаил Обренович III (1823–1868), сербский князь (1839–1842; 1860–1868) – 112

Михайлов А. – см. Шеллер А.К.

Михайлов Михаил Ларионович (также Илларионович; 1829–1865), поэт, публицист, революционный деятель – 7, 202

Михайлов Павел Васильевич (р. ок. 1844), инженер, был близок к петербургским революционным кругам – 77

Михайловский Николай Константинович (1842–1904), публицист, критик, общественный деятель – 208, 213

Можарова Александра Николаевна (псевд. А.М.; ок. 1847–1920), деятель народнического движения – 56

Мотков Осип Антонович (1846–1867), участник ишутинского тайного общества – 39, 42, 52, 53, 55, 77, 78, 103, 120, 203

Моткова Мария Антоновна (р. ок. 1849), сестра О.А. Моткова, участница швейной мастерской сестер Ивановых – 79, 94, 96

Муравьев Михаил Николаевич (1796–1866), председатель следственной комиссии по расследованию покушения Д.В. Каракозова – 22, 44, 59, 63, 76, 88, 100, 119

Мусатовский Павел Акимович (ок. 1836 – ок. 1878), учредитель школы в Москве, привлекался к следствию по каракозовскому делу – 44

Мухина Елена Николаевна, современный российский историк – 194

Натансон Марк Андреевич (1850–1919), деятель революционного движения (участник кружка чайковцев, народник, эсер) – 20, 148, 151, 177

Неведомские – 42

Негрескул Михаил Федорович (ок. 1843–1871), участник студенческих волнений 1868–1869 гг. – 170

Некрасов Николай Алексеевич (1821–1877/1878), поэт, писатель – 97

Нелидова (псевд.; в замуж. Маклакова) Лидия Филипповна (1851–1936), писательница – 174

Нессельроде Карл Васильевич (1780–1862), русский государственный деятель – 104

Неттлау Макс (1865–1944), немецкий анархист, историк анархизма – 115

Нечаев Сергей Геннадиевич (1847–1882), деятель революционного движения, создатель общества «Народная расправа» – 7–9, 11, 15–21, 25, 41, 55, 92, 98, 127, 130, 148–151, 153, 164–170, 172–175, 181, 210, 212

Никифоров Лев Павлович (1848–1917), участник студенческих волнений 1868–1869 гг., впоследствии близок к толстовству, член партии эсеров – 171

Никифоров Федор Афанасьевич (р. ок. 1842), участник ишутинского тайного общества – 78

Никифорова (урожд. Засулич) Екатерина Ивановна (р. ок. 1850), участница «Сморгонской академии» и нечаевского дела – 46, 95, 96, 171

Николадзе Николай (также Нико) Яковлевич (1843–1928), общественный деятель, публицист, литературный критик – 14, 103, 119–125, 198, 202

Николаев Николай Николаевич (р. 1846), участник нечаевского дела, в т. ч. общества «Народная расправа» – 164, 174–176

Николаев Петр Андреевич (р. ок. 1848), участник кружка Христофорова и «Сморгонской академии», впоследствии саратовский врач – 32, 87, 104, 155

Николаев Петр Федорович (1844–1910), участник ишутинского тайного общества, впоследствии публицист, социолог, критик, переводчик – 45, 49, 57, 59, 60, 131

Николаевский Борис Иванович (1887–1966), дореволюционный и советский политический деятель, историк революционного движения – 10

Николай I (1796–1855), российский император (1825–1855) – 24, 65

Николай Иванович – 166, 167

Николич, серб, был знаком с И.И. Бочкаревым, В.Н. Черкезовым, С. Марковичем – 115

Никольский Александр Маркелович (р. ок. 1840), был близок к петербургским революционным кругам, привлекался к следствию по каракозовскому делу – 92, 200

Никольский Павел Маркелович (р. ок. 1843), был близок к петербургским революционным кругам, привлекался к следствию по каракозовскому делу – 200, 203

Новосильцев Ардалион Николаевич (1816–1878), кубанский нефтедобытчик – 82, 94, 117

Ножин Николай Дмитриевич (1841–1866), участник петербургских революционных кружков – 77, 203, 207

Оболенский Леонид Егорович (1845–1906), привлекался к следствию по каракозовскому делу, впоследствии публицист, литературный критик, философ – 40, 103

Обреимов Василий Иванович (1843–1910), был близок к кружку чайковцев, впоследствии эмигрант, в нач. XX в. педагог, математик – 85, 135

Огарев Николай Платонович (1813–1877), революционный деятель, поэт, публицист – 18, 109, 119

Олтаржевский Тит (р. 1842), участник польского восстания 1863 г., привлекался к следствию по каракозовскому делу – 202

Оржеховский Игорь Вацлавич (1933–2002), советский и белорусский историк – 24

Орлов, в 1860-е гг. учитель саратовской семинарии – 160

Орлов Владимир Федорович (1843 – ок. 1898), участник студенческих волнений 1868–1869 гг., сторонник С. Г. Нечаева, впоследствии толстовец – 19, 98

Орлов Иван Николаевич (р. 1834), прокурор одесской судебной палаты (1868–1871), с 1877 г. сенатор – 164

Орлов Федор Александрович, в 1860-е гг. поэт-юморист – 98, 99

Орфано братья, Александр Герасимович (ок. 1834–1902) и Алексей Герасимович (1837–1891), в 1860-е гг. деятели революционного движения – 23, 88

Орфанов Михаил Иванович (1848–1884), участник «Сморгонской академии», прозаик, публицист – 23, 87–91, 96, 106, 107, 136, 171, 172, 184, 201

Островский Александр Николаевич (1823–1886), драматург – 31

Оуэн Роберт (1771–1858), английский философ, социалист – 32, 65

Павел, апостол – 102

Павленков Флорентий Федорович (1839–1900), общественный деятель, издатель, был близок к революционным кругам – 85, 135

Палашковский Сергей Егорович (1843–1910), в 1860-е гг. был близок к революционным кругам, впоследствии бакинский нефтепромышленник – 119

Пантелеев Лонгин Федорович (1840–1919), участник первой «Земли и воли», мемуарист, публицист, издатель – 200

Пашенко Михаил Иванович, в конце 1860-х гг. полицмейстер г. Елизаветграда Херсонской губ. – 154, 155

Пеньковский Иван Дмитриевич, в первой половине 1860-х гг. студент Казанского университета, привлекался к следствию по делу о «Казанском заговоре» – 73

Переяславцев Андрей Федорович (1825–1880), русский государственный деятель, в конце 1860-х гг. член следственной комиссии Ланского – 158

Песков, участник кружка Христофорова, возможно, Песков Николай Александрович (1838–1900), участник т. н. Куртинской панихиды 1861 г., чиновник саратовской контрольной палаты – 33

Петерсон Егор Андреевич (1810–1888), директор петербургского Земледельческого института (1864–1871) – 178

Петерсон Николай Павлович (1844–1919), был близок к ишутинскому тайному обществу, впоследствии публицист – 134

Петров, в первой половине 1860-х гг. саратовский врач, возможно, был участником кружка Христофорова – 33

Петровский Владимир Алексеевич, в 1860-е гг. саратовский семинарист, студент петербургской духовной академии – 62

Петровский Владимир Иванович, в середине 1860-х гг. студент Петровской земледельческой академии – 62

Печаткин Евгений Петрович (1838–1918), юрист, издатель, в 1860-е гг. был близок к петербургским революционным кругам – 14, 108, 123, 126, 200, 203, 205

Печаткина (урожд. Глушановская) Варвара Ивановна (1843–1918), в 1860-е гг. была близка к петербургским революционным кругам – 77, 108, 203

Печатов – см. Печаткин Е.П.

Пиленко Дмитрий Васильевич, генерал, во второй половине 1860-х гг. начальник Черноморского округа – 177

Писарев Дмитрий Иванович (1840–1868), литературный критик, публицист – 16, 85, 97, 99, 101, 131, 184, 196

Плаксин Тимофей Родионович (р. ок. 1839), участник студенческих волнений 1861 г. – 198, 202

Платунова А.К. – см. Полумордвинова А.К.

Плеханов Георгий Валентинович (1856–1918), деятель революционного движения, философ, критик, публицист – 173

Поглубко Константин Александрович (1936–1983), советский историк, болгарист – 18

Погодин Дмитрий Михайлович (1836–1890), историк, переводчик, сын историка М. П. Погодина – 101

Покровский Федор, в конце 1860-х гг. студент Медико-хирургической академии, участник студенческих волнений 1868–1869 гг. – 30

Полиевктов Александр, в нач. 1860-х гг. студент петербургской духовной академии, участник студенческих волнений 1861 г. – 30

Полиновский Владимир Михайлович (р. ок. 1839), в первой половине 1860-х гг. студент Казанского университета, привлекался к следствию по делу о «Казанском заговоре» – 30

Полонский Онуфрий, в 1864 г. привлекался к следствию по делу о тайной типографии в Мариенгаузене – 30

Полумордвинов Александр Аполлонович (1874–1941), инженер, изобретатель, сын А.П. Полумордвинова – 176

Полумордвинов Аполлон Петрович (1845 – ок. 1874), участник ишутинского тайного общества и «Сморгонской академии» – 30, 32, 34–36, 43–45, 47, 48, 50, 51, 53–55, 60, 61, 64, 67, 85, 104, 146, 176

Полумордвинова (урожд. Платунова) Александра Константиновна (1852–1929), врач и общественный деятель г. Слободского Вятской губ. – 85, 176

Попич Абрам (также Авраам) Маркович (р. ок. 1851), привлекался к следствию по нечаевскому делу и делу о студенческих волнениях в Земледельческом институте – 177

Попов Яков Осипович, в конце 1860-х гг. бывший студент, знакомый Е.Е. Коведяева – 91

Постников, судебный пристав – 90

Пржецавский, в конце 1860-х гг. товарищ прокурора одесской судебной палаты – 19, 156, 159

Прудон Пьер Жозеф (1809–1865), французский философ, социалист, теоретик анархизма – 33, 51

Прыжов Иван Гаврилович (1827–1885), публицист, историк, фольклорист, участник общества «Народная расправа» – 174, 176

Путята Александр Дмитриевич (1828–1899), деятель революционного движения (участник первой «Земли и воли»), впоследствии математик, астроном, педагог – 77, 207

Пучатин – см. Печаткин Е.П.

Пыпин Александр Николаевич (1833–1904), историк литературы и общественной мысли – 200

Радзивиллы, литовский княжеский род, крупные земельные магнаты – 81

Разсудов (также Рассудов) Семен Вениаминович (р. ок. 1849), в нач. 1870-х гг. студент петербургского Земледельческого института, привлекался к следствию по политическим делам – 177

Ракитникова (в замуж. Альтовская) Инна Ивановна (1870–1965), деятель революционного движения, член партии эсеров, сотрудничала с Обществом политкаторжан – 24, 25, 165, 182

Ралли (также Арборе-Ралли, Арборе) Земфирий Константинович (также Замфир; 1848–1933), в 1870-е гг. деятель революционной эмиграции, анархист, впоследствии румынский общественный и политический деятель – 61, 150, 151, 168

Раскольников Родион Романович, центральный персонаж романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» – 74

Ренан Жозеф Эрнест (1823–1892), французский философ, историк религии – 97

Ровинский Павел Аполлонович (1831–1916), деятель революционного движения, этнограф, публицист – 106, 107, 199–202, 204, 205

Родичев Федор Измайлович (1854–1933), русский политический деятель, один из лидеров партии кадетов, член Государственной думы – 181

Рождественский Иван Александрович (ок. 1840–1876), участник революционного движения, прозаик, публицист, переводчик – 77, 96, 97, 99, 202–205

Розанов Иван Глебович, в конце 1860-х гг. был близок к кругу М.К. Элпидина, член I Интернационала – 12, 14, 120–122, 125, 126, 129, 198

Росницкий Платон Иванович, участник «Сморгонской академии» – 87

Ростопчина Евдокия Петровна (1811–1858), поэтесса, прозаик, драматург, хозяйка московского литературного салона – 101

Рудницкая Евгения Львовна (р. 1920), советский и российский историк революционного движения и общественной мысли – 20, 21

Рылеев Кондратий Федорович (1795–1826), декабрист, поэт – 97

Сажин Михаил Петрович (1845–1934), деятель народнического движения и революционной эмиграции, анархист – 100

Самарин Лев (р. ок. 1841), участник студенческих волнений 1861 г. – 202

Сватиков Сергей Григорьевич (1880–1942), историк, общественный деятель – 35

Свечин Иван Васильевич, генерал, в середине 1860-х гг. проживал или владел имением в Самарской губ. – 60

Свешников Николай Иванович (1839–1899), мемуарист, очеркист, книготорговец – 24, 64, 74, 85, 89–91, 98, 99, 130, 136, 203, 204

Северцев (также Северцов) Николай Алексеевич (1827–1885), участник московского кружка «вертепников», зоолог, путешественник – 101

Секавин Петр, в середине 1860-х гг. студент Петровской земледельческой академии – 104

Сергиевский Алексей Егорович (р. 1846), участник ишутинского тайного общества и «Сморгонской академии» – 30, 32, 34–36, 43, 44, 47, 49–53, 55, 59–61, 63, 64, 72, 73, 75, 81, 82, 84, 85, 89, 93, 94, 117, 118, 129, 136, 146, 157, 160, 161, 176–179, 184

Сердюков, жандармский капитан – 156

Серебренников Семен Иванович, в конце 1860-х гг. был близок к петербургским революционным кругам, владелец типографии, в 1870-е гг. деятель эмиграции – 73, 99, 100, 130, 153

Серебряный Яков Маркович, в 1866 г. защитник Д.А. Воскресенского на каракозовском процессе – 73

Серно-Соловьевич Александр Александрович (1838–1869), общественный деятель, публицист, деятель революционной эмиграции – 120

Серов Александр Николаевич (1820–1871), композитор, музыкальный критик – 100

Серова Валентина Семеновна (1846–1924), жена А.Н. Серова, композитор, музыкальный критик, общественный деятель – 100, 101

Скабичевский Александр Михайлович (1838–1910/1911), литературный критик, публицист, историк литературы – 100

Скворцов Василий, в первой половине 1860-х гг. саратовский гимназист, во второй половине 1860-х гг. студент Петровской академии – 34

Скерлич Иован (1877–1914), сербский историк литературы, критик, общественный деятель – 114

Слепцов Александр Александрович (1836–1906), общественный деятель, публицист, участник первой «Земли и воли» – 200

Слепцов Василий Алексеевич (1836–1878), писатель, публицист, организатор петербургской Знаменской коммуны – 90, 174

Смирнов, полковник, в конце 1860-х гг. инспектор петербургской Медико-хирургической академии – 148

Собещанский Николай Францевич (р. ок. 1847), приходской учитель г. Григориополя Херсонской губ., привлекался к следствию по нечаевскому делу – 15, 165

Соболев Василий Иванович (р. 1844), участник ишутинского тайного общества и «Сморгонской академии» – 52, 54, 55, 59–61, 63, 64, 67, 85, 97

Соколов, в середине 1860-х гг. священник в с. Петровско-Разумовское Московской губ. – 43

Соколовская, помещица Херсонской губ. – 158, 160, 161

Соколовский, во второй половине 1860-х гг. студент, а затем учитель херсонской гимназии – 118, 161

Солодовникова (в замуж. Суфшинская) Екатерина Александровна (р. ок. 1846), педагог, публицист, в 1860-е гг. была близка к петербургским революционным кругам – 100, 101, 125, 138, 151, 197

Софинский Григорий Алексеевич (р. ок. 1842), деятель революционного движения (привлекался к следствию по делу о беспорядках в Земледельческом институте, участник «хождения в народ») – 95, 96, 137, 177

Спиридов (также Свиридов) Петр Александрович, в 1860-е гг. был близок к революционным кругам, эмигрант – 17, 41, 42, 97

Сталин Иосиф Виссарионович (1878–1953), деятель революционного движения, советский государственный деятель – 173

Старк Эдуард, в нач. 1870-х гг. студент петербургского Земледельческого института – 177

Стасов Дмитрий Васильевич (1828–1918), адвокат, общественный деятель – 38

Стахевич Сергей Григорьевич (1843–1918), участник первой «Земли и воли», политический ссыльный – 13

Стеклов Юрий Михайлович (1873–1941), деятель революционного движения, историк революционного движения и общественной мысли – 10

Стопакевич Е., в первой половине 1860-х гг. корректор журнала «Современник», был близок к революционным кругам – 202

Страковский, в середине 1860-х гг. студент Московского университета – 59, 60

Странден Николай Павлович (ок. 1844–1903), участник ишутинского тайного общества – 31, 34, 35, 40, 41, 44, 45, 47–51, 60, 61, 78, 103

Суворин Алексей Сергеевич (1834–1912), журналист, издатель, писатель – 87

Суворов Александр Аркадьевич (1804–1882), петербургский военный генерал-губернатор (1861–1866) – 58

Суфшинский Василий Филиппович (р. ок. 1845), в 1860-е гг. был близок к петербургским революционным кругам, впоследствии адвокат, в 1880-е гг. участвовал в подготовке к публикации дневников Н.Н. Миклухо-Маклая – 100, 125, 197

Сушицкий Владимир Афанасьевич (1900–1944), советский историк, библиограф, краевед – 7

Тверитинов Алексей Николаевич (р. 1846), деятель народнического движения и революционной эмиграции – 174

Тейльс де (также Де-Тейльс) Алексей (ок.1844–1875), участник студенческих волнений 1868–1869 гг. и нечаевского дела – 175

Терешкович Константин Миронович (1868–1951), деятель революционного движения (участник «Народной воли») – 184

Тетюшинова Глафира (также Клара) Ивановна, в 1870-е гг. привлекалась к следствию по ряду политических дел – 85, 135

Тимофеева, участница «Сморгонской академии» – 94, 98

Тихомиров Лев Александрович (1852–1923), общественный деятель, в 1870–1880-е гг. народовец, впоследствии представитель консервативной мысли – 194

Тихоцкий Виктор Александрович (1850–1929), участник долгушинского кружка – 103

Ткачев Петр Никитич (1844–1886), один из идеологов революционного народничества, публицист, литературный критик – 16, 20, 21, 81, 95, 99, 100, 108, 130, 131, 149, 151, 153

Ткаченко Петр Семенович (1913–1997), советский и российский историк – 18–20

Толстая Л.Н., графиня, в 1860-е гг. была близка ишутинскому тайному обществу – 54, 97

Толстой Лев Николаевич (1828–1910), писатель – 181

Томилова Елизавета Христиановна (р. ок. 1839), деятель революционного движения (нечаевского дела, народовольческих кружков) – 169, 170

Троицкий Михаил Петрович (1846–1885), деятель революционного движения (участник «Елизаветградского дела», «Народной воли» и др.) – 15, 17, 19, 32, 33, 155–158, 160–168, 181–184

Троицкий Николай Алексеевич (1931–2014), советский и российский историк – 21, 23, 103

Труневский – 155

Умнов Виктор (р. ок. 1841), в первой половине 1860-х гг. участник кружка Христофорова – 32, 33

Унковский Алексей Михайлович (1828/1829–1893/1894), общественный деятель, юрист, во второй половине 1860-х гг. петербургский адвокат – 169

Успенский Глеб Иванович (1843–1902), писатель, деятель народнического движения – 98

Успенский Петр Гаврилович (ок. 1847–1881), участник нечаевского дела, в т. ч. общества «Народная расправа» – 165, 166, 170, 176

Утин Николай Исаакович (1845–1883), участник первой «Земли и воли», деятель революционной эмиграции – 14, 111, 122–124, 200

Фалецкий Аркадий Николаевич (ок. 1832–1889), в 1860–1870-е гг. был близок к революционным кругам, в т. ч. эмиграции – 100

Фалин Николай Иванович (р. 1843), участник ишутинского тайного общества – 44

Фардякова, искаженное от фамилии Фортакова (см. также Козловская Евдокия) – 92–94, 145

Федосеев Виктор Александрович (1843 – ок. 1896), участник ишутинского тайного общества – 63, 78

Физиков Вадим Михайлович, советский и российский историк, литературовед – 87, 107, 171, 172

Филиппов Рудольф Васильевич (1926–2001), советский и российский историк – 38

Философов, петербургский студент, муж Екатерины Козловской – 93, 145

Фольк, псевдоним М.К. Эллидина – 122, 125

Фортаков Автоном Иванович, в 1860-е гг. деятель революционного движения, привлекался к следствию по каракозовскому делу – 92, 93

Фортаков Андрей Иванович (р. ок. 1840), в 1860-е гг. деятель революционного движения, привлекался к следствию по каракозовскому делу – 92

Хитровский, в первой половине 1860-х гг. профессор саратовской семинарии – 34

Хомяков Алексей Степанович (1804–1860), философ, публицист, общественный деятель, представитель славянофильской мысли – 131

Христофоров Александр Христофорович (1838–1913), деятель революционного движения (первой «Земли и воли»), деятель эмиграции – 31–36, 51, 64, 66, 82, 86, 87, 97, 104, 194

Худолеев Алексей Николаевич, современный российский историк – 149

Худяков Иван Александрович (1842–1876), участник петербургских революционных кружков – 13–15, 17, 40, 42, 45, 57, 76, 78, 84, 92, 103, 104, 108, 119–121, 123, 125, 199, 205

Чарушин Николай Аполлонович (1851/1852–1937), деятель народнического движения, в нач. XX в. участвовал в легальной политической деятельности – 85

Чемодуров Яков Яковлевич (1823–1888), русский государственный деятель, сенатор, на рубеже 1860–1870-х гг. руководил следствием по нечаевскому делу – 159, 163

Черевин Петр Александрович (1837–1896), русский военный деятель, член следственной комиссии Муравьева – 59

Черкезов Варлаам Николаевич (также Джан Асланович; 1846–1925), деятель революционного движения и эмиграции, участник «Сморгонской академии», в 1870-е гг. и после анархист – 10, 16, 17, 22, 44–48, 54, 55, 63, 64, 68, 83, 84, 89, 92, 94, 97, 100, 115, 120, 124, 126, 131, 134, 146, 149–151, 172–176, 180, 184, 202

Черкесов Александр Александрович (1839–1908), в 1860-е гг. был близок к петербургским революционным кругам, впоследствии адвокат, мировой судья – 77, 97, 203

Чернышевский Николай Гаврилович (1828–1889), писатель, публицист, деятель революционного движения – 5, 7, 10–13, 15, 16, 19, 25, 31, 52, 58, 64, 77, 82, 84–86, 90, 91, 99, 102–107, 110, 115, 119, 120, 124, 125, 128, 131, 157, 159, 168, 171, 172, 193, 196, 199, 201, 203, 204, 212

Чертков Михаил Иванович (1829–1905), русский военный деятель, на рубеже 1860–1870-х гг. наказной атаман Донского казачьего войска – 183, 184

Чехов Антон Павлович (1860–1904), писатель, драматург – 175

Чубаров Сергей Федорович (ок. 1845–1879), деятель народнического движения – 100

Чудновский Соломон Лазаревич (1849–1912), деятель народнического движения, впоследствии этнограф, экономист – 147

Чуйко Владимир Викторович (1839–1899), литературный и художественный критик, переводчик, в 1860-е гг. был близок к революционным кругам – 98

Шаганов Вячеслав Николаевич (1839–1902), участник ишутинского тайного общества – 45, 49, 50, 54, 59, 60, 171

Шахматов Александр Алексеевич (1827–1871), с 1868 г. сенатор и старший председатель одесской судебной палаты – 159

Шахматов Борис Михайлович (р. 1935), советский и российский историк русской общественной мысли и философии – 21

Шведвенгер Василий – 98, 99

Шевелев Николай Александрович (р. ок. 1826), на рубеже 1860–1870-х гг. был близок к кругу М.К. Элпидина – 166, 167

Шеллер Александр Константинович (псевд. Михайлов А.; 1838–1900), писатель, в нач. 1860-х гг. основатель школы для бедных в Петербурге – 97

Шереметев, помещик Нижегородской губернии – 54

Шилов Алексей Алексеевич (1881–1942), советский историк революционного движения – 10, 35

Шлавостович А., в 1868 г. студент петербургского Технологического института – 152

Шостакович Болеслав Петрович (1845–1919), деятель русского и польского революционного движения, на рубеже XIX–XX вв. иркутский общественный деятель – 200

Шраг Илья Людвигович (1847–1919), участник «Сморгонской академии», впоследствии адвокат, черниговский и украинский общественный деятель – 93, 94, 145, 151, 152, 182–184

Щербакова Екатерина Игоревна (р. 1968), современный российский историк – 21, 38, 51

Щербатов Федор Михайлович (р. ок. 1847), участник «Сморгонской академии» – 87, 136

Элпидин Михаил Константинович (1835–1908), деятель революционной эмиграции – 12–14, 17, 18, 82, 100, 102, 103, 119–127, 129, 142, 161, 162, 164, 166, 167, 194, 197–200, 202, 204

Энгельгардт Александр Николаевич (1832–1893), публицист, общественный деятель, агрохимик, в 1860-е – нач. 1870-х гг. профессор петербургского Земледельческого института – 177, 178

Юрасов Дмитрий Алексеевич (1842–1918), участник ишутинского тайного общества – 40, 42, 44, 49, 50, 62, 134

Яковлев Василий Васильевич (1832–1912), в 1860-е гг. мировой судья в Петербурге и владелец столичного книжного магазина – 77

Ялпидин, искаженное от фамилии М.К. Элпидина – 156, 157, 160, 167

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Архивные источники

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ):

Ф. 95. Следственная комиссия 1862 г. по делам о распространении революционных воззваний и пропаганде.

Оп. 1. – Д. 424; 427; 430; 434. Ч. 1–2.

Оп. 2. – Д. 353; 354.

Ф. 109. III отделение Собственной его императорского величества канцелярии.

Оп. 153 (3 эксп., 1868 г.). – Д. 161. Ч. 1–2; 181.

Оп. 154 (3 эксп., 1869 г.). – Д. 44. Ч. 1–7; 104. Ч. 1–2; 112. Ч. 1–3.

Ф. 124. Уголовные отделения первого департамента министерства юстиции.

Оп. 1. – Д. 9; 10; 12.

Ф. 272. Следственная комиссия о покушении на жизнь его императорского величества 4 апреля 1866 г.

Оп. 1. – Д. 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 20.

Опубликованные источники

[Бакунин М.А.] Постановка революционных вопросов. Статья первая. Наука и народ // Народное дело. 1868. № 1. С. 12–24.

Богучарский В.Я. Общественное движение 60-х годов под пером его казенных исследователей // Голос минувшего. 1915. № 4. С. 193–220.

Воллан де Г.А. Очерки прошлого // Голос минувшего. 1914. № 2. С. 170–190.

[Гижицкий Е.В.] Русские эмигранты // Московские ведомости. 1873. 18 янв. С. 3.

Голицын В.М. Московский университет в 60-х годах // Голос минувшего. 1917. № 11–12. С. 173–240.

Гольденберг Л.Б. Воспоминания // Каторга и ссылка. 1924. № 3 (10). С. 89–105.

Государственные преступления в России в XIX веке. Сборник извлеченных из официальных изданий правительственных сообщений / Под ред. Б. Базилевского (В. Богучарского). Т. 1. – СПб.: Русская скоропечатня, 1906.

Грачев А. «Прикосновенный к делу...» // Глубинка. Литературно-художественно-публицистический альманах. Омск, 1998. № 3–4. С. 320–350.

Жуковская Е.И. Записки. – М.: Аграф, 2001.

Засулич В.И. Воспоминания. – М.: Издательство политкаторжан, 1931.

Из переписки Н.Я. Николадзе с русскими и зарубежными литературно-общественными деятелями / Под ред. Г.Д. Джавахишвили. – Тбилиси: Издательство Тбилисского университета, 1980.

Изгоев А.С. Из прошлого. «Особая следственная комиссия» // Речь. 1915. 28 апр. С. 2.

Козлинина Е.И. За полвека. 1862–1912 гг. Воспоминания, очерки и характеристики. – М.: Н. Бердоносков, Ф. Пригорин и К°, 1913.

[Комарова А.А.] Одна из многих. Из записок нигилистки. – СПб.: Типография Эд. Метцига, 1881.

Лопатин Г.А. Воспоминания об И.А. Худякове // Герман Александрович Лопатин (1845–1918). Автобиография. Показания и письма. Статьи и стихотворения. Библиография. – Пг.: Госиздат, 1922.

Маркович С. Избранные сочинения. – М.: Госполитиздат, 1956.

[Маркович С.] Политическое и экономическое положение рабочего класса в Сербии // Народное дело. 1870. № 3. С. 3–4.

Нечаев и нечаевцы. Сборник документов / Подгот. к печати Б.П. Козьмин. – М.; Л.: Соцэкгиз, 1931.

Никифоров Л.П. Мои тюрьмы // Голос минувшего. 1914. № 5. С. 168–201.

Орфанов М.И. В дали (Из прошлого). Рассказы из вольной и невольной жизни. – М.: И.Н. Кушнерев и К°, 1883.

Письма Г.А. Лопатина к В.Г. Короленко (из неопубликованной переписки) // Советские архивы. 1972. № 3. С. 94–97.

Письма М.А. Мотковой к Н.А. Гернету (1867–69 гг.) // Каторга и ссылка. 1933. № 4–5 (101–102). С. 95–111.

Покушение Каракозова. Стенографический отчет по делу Д. Каракозова, И. Худякова, Н. Ишутина и др. / Подгот. к печати М.М. Клевенский, К.Г. Котельников. В 2 т. Т. 1. – М.: Издательство Централархива РСФСР, 1928; Т. 2. – М.; Л.: Госиздат, 1930.

Покушение Каракозова 4 апреля 1866 г. // Красный архив. 1926. № 4 (17). С. 91–137.

Ракитникова И. Памяти Ф.А. Борисова // Каторга и ссылка. 1929. № 4 (53). С. 186–192.

Ралли З. Сергей Геннадьевич Нечаев. (Из моих воспоминаний) // Былое. 1906. № 7. С. 136–146.

Родичев Ф. И.И. Бочкарев // Речь. 1915. 29 апр. С. 2–3.

Свешников Н.И. Воспоминания пропадающего человека. – М.: Новое литературное обозрение, 1996.

Серова В.С. Александр Николаевич Серов. Праздники и будни в нашей совместной жизни. Главы XII–XIII // Русская мысль. 1913. № 4. С. 6–26.

Худяков И.А. Записки каракозовца. М.; Л.: Молодая гвардия, 1930.

Черкезов В. Значение Бакунина в интернациональном революционном движении // Бакунин М.А. Избранные сочинения. 2-е изд. Т. 1. – Пб.; М.: Голос труда, 1922. С. 3–43.

Чудновский С.Л. Из дальних лет. (Отрывки из воспоминаний) // Былое. 1907. № 9. С. 278–295.

Литература

Баренбаум И.Е. «Издательская артель» И.А. Рождественского и П.В. Михайлова и революционное подполье середины 60-х гг. XIX в. // Федоровские чтения 1975. История революционной печати. Сборник научных трудов. – М.: Наука, 1977. С. 77–87.

Викторов-Топоров В. Светозар Маркович (страница из истории общественных движений в Сербии) // Голос минувшего. 1913. № 3. С. 30–51.

Виленская Э.С. Революционное подполье в России (60-е годы XIX в.). – М.: Наука, 1965.

Волков Н. (Майнов И.И.) Из жизни саратовских кружков // Былое (загр.). Вып. II. – Ростов н/Д, 1906. С. 5–21.

Гросул В.Я. Международные связи российской политической эмиграции во 2-й половине XIX века. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001.

Гросул В.Я. Российские революционеры в Юго-Восточной Европе (1859–1874 гг.). – Кишинев: Штиинца, 1973.

Евстигнеева Л.А. Роман Л.Ф. Нелидовой «На малой земле» как источник для биографии Слепцова // Литературное наследство. Т. 71: Василий Слепцов: Известные страницы. – М.: Издательство АН СССР, 1963. С. 495–512.

Карасев В. Два новых автографа Светозара Марковича // Славяне. 1956. № 9. С. 38.

Карасев В.Г. Светозар Маркович // *Маркович С.* Избранные сочинения. – М.: Госполитиздат, 1956. С. 5–42.

Клевенский М. «Вертепники» // Каторга и ссылка. 1928. № 10 (47). С. 18–43.

Клевенский М.М. Ишутинский кружок и покушение Каракозова. – М.: Издательство политкаторжан, 1927.

Козьмин Б.П. Из истории революционной мысли в России. – М.: Издательство АН СССР, 1961.

Козьмин Б.П. По страницам книг и журналов. Любен Каравелов и Светозар Маркович и их связи с русскими революционерами // Каторга и ссылка. 1933. № 4–5 (101–102). С. 145–155.

Козьмин Б.П. Революционное подполье в эпоху «белого террора». – М.: Издательство политкаторжан, 1929.

Козьмин Б.П. С.Г. Нечаев и его противники в 1868–1869 гг. // Революционное движение 1860-х годов. – М.: Издательство политкаторжан, 1932. С. 168–226.

Ланский Л.Р. «Странное прощание». – «Россия с Сибирью»: Огарев, Н.А. Шевелев и женевская «молодая эмиграция»: (Загадочная история одного персонажа): Арх. – документ. исследование // Литературное наследство. Т. 99: Герцен и Огарев в кругу родных и друзей. Кн. 1. – М.: Наука, 1997. С. 251–349.

[*Лемке М.К.* Дело Розанова] // *Герцен А.И.* Полное собрание сочинений и писем / Под ред. М.К. Лемке. Т. 20. – М.; Пг.: Госиздат, 1923. С. 277–288.

Малашенко О. Восставшие из «Ада» // Белорусская деловая газета. 2003. 8 сент. С. 17.

Николаевский Б. Варлаам Николаевич Черкезов (1846–1925) // Каторга и ссылка. 1926. № 4 (25). С. 222–232.

Пинаев М.Т. М.К. Элпидин – революционер, издатель и пропагандист наследия Н.Г. Чернышевского // Некоторые вопросы русской литературы. Ученые записки Волгоградского государственного педагогического института им. А.С. Серафимовича. Вып. 21. – Волгоград: Газ. «Волгогр. правда», 1967. С. 3–79.

Пушкаревич К.А. Светозар Маркович в Петербурге (Материалы к биографии) // Труды Института славяноведения Академии наук СССР. Вып. I. – Л., 1932. С. 345–349.

Рудницкая Е.Л. Русская революционная мысль. Демократическая печать. 1864–1873. – М.: Наука, 1984.

Рудницкая Е.Л. Русский бланкизм: Петр Ткачев. – М.: Наука, 1992.

Рябов П. Мыслитель-анархист Варлаам Черкезов: «наука человечности» против «науки партии» // Либертарная мысль. 2009. № 2. С. 27–38.

Сватиков С.Г. Студенческое движение 1869 года (Бакунин и Нечаев) // Наша страна. 1907. № 1. С. 165–249.

Стеклов Ю. Вокруг процесса Н.Г. Чернышевского. (Обзор новых документов) // Красная новь. 1927. № 4. С. 129–154.

Стеклов Ю. Вокруг ссылки Н.Г. Чернышевского // Каторга и ссылка. 1927. № 4 (33). С. 186–197.

Сушицкий В. Из истории революционной деятельности А.Х. Христофорова в Саратове. (Организация рабочих товариществ) // Каторга и ссылка. 1924. № 6 (13). С. 84–94.

Ткаченко П.С. Учащаяся молодежь в революционном движении 60–70-х гг. XIX в. – М.: Мысль, 1978.

Троцкий Н.А. Восемь попыток освобождения Н.Г. Чернышевского // Вопросы истории. 1978. № 7. С. 122–141.

Физиков В.М. Материалы к научной биографии М.И. Орфанова // Фольклор и литература Сибири. – Омск: ОмГПИ, 1980. С. 105–116.

Филиппов Р.В. Революционная народническая организация Н.А. Ишутина – И.А. Худякова (1863–1866). – Петрозаводск: Карельское книжное издательство, 1964.

Шилов А.А. Каракозов и покушение 4 апреля 1866 года. – Пг.: Госиздат, 1919.

Щербакова Е.И. «Отщепенцы». Путь к терроризму (60–80-е гг. XIX века). – М.: Новый Хронограф; АИРО-XXI, 2008.

Издания АИРО в 2015–2016 гг.

2015

Русский мир и русское образование в условиях глобализации культуры. Перечитывая философско-педагогическую антропологию Е.П. Белозерцева. К 75-летию профессора Е.П. Белозерцева. Монография / Под ред. И.Е. Булатникова, А.В. Репринцева. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 368 с. + 40 с. ил.

Фрезинский Борис. Троцкий. Каменев. Бухарин. Избранные страницы жизни, работы и судьбы. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 384 с.

Национальный вопрос в истории России. Сб. ст. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 320 с.

А.А. Баев. Отлучение от науки. Академик Александр Александрович Баев. Архивно-следственные документы 1937–1954 гг. и многое другое. (Серия «АИРО – Первая публикация» под редакцией Г.А. Бордюгова). – М.: АИРО-XXI, 2015. – 352 с. : ил.

Юлия Нельская-Сидур. «Время, когда не пишут дневников и писем...» Хроника одного подвала. Дневники 1968–1973 / Составление, подготовка текста, вступительная статья и комментарии Владимира Воловникова. – М.: АИРО-XXI; СПб.: Алетей, 2015. – 1080 с.

Г.А. Куренков. От конспирации к секретности. Защита партийно-государственной тайны в РКП (б)–ВКП (б). 1918–1941 гг. (Серия «АИРО – монография»). – М.: АИРО-XXI, 2015. – 252 с.

Всесоюзная торговая палата. 1939–1945 гг. / Под редакцией Президента ТПП РФ С.Н. Катырина. – М.: ТПП РФ; АИРО-XXI, 2015. – 504 с. (с иллюстрациями).

Великой Победе – 70 лет. Сб. ст. – М.: АИРО-XXI. 2015. – 320 с.

А.В. Долгоятов. Эти тихие уездные города. О социально-экономическом развитии малых городов Московской губернии во второй половине XIX – начале XX века. (Серия «АИРО – Первая монография»). – М.: АИРО-XXI, 2015. – 232 с.

Любите край Кумылженский, что нам судьбою дан. Книга вторая. Серия «АИРО – Российская провинция». – М.: АИРО-XXI, 2015. – 528 с.

В.А. Сомов. Первое советское поколение: испытание войной. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 176 с. + илл. – (АИРО – Монография).

В.В. Барабаш, Г.А. Бордюгов, Е.А. Котеленец. Государственная пропаганда и информационные войны. Учебное пособие. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 400 с.: ил.

О.Ю. Голечкова. Бюрократ его величества в отставке: А.А. Половцов и его круг в конце XIX – начале XX века / Послесловие – Дмитрий Андреев. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 192 с. – (Серия «АИРО – Первая монография» под ред. Г.А. Бордюгова).

Победа-70: реконструкция юбилея; под ред. Геннадия Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 624 с. с иллюстрациями.

Б.В. Соколов. Моя книга о Владимире Сорокине. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 336 с.

И.Н. Гребенкин. Долг и выбор: русский офицер в годы мировой войны и революции. 1914–1918 гг. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 528 с. + илл. – (АИРО – Монография).

Н.А. Четырина. «Для науки кукольного мастерства»: художественные промыслы в документах ратуши Сергиевского посада (1796–1864 гг.). (Серия «АИРО – монография»). – М.: АИРО-XXI, 2015. – 304 с.

Е.В. Суровцева. Баден под Веной и его окрестности. Историко-культурологический путеводитель с приложением воспоминаний барона Ф.Ф. Торнау. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 248 с.

- Олег Каннес.* «Воинственная» наука: проработка прошлого диктатур в германской и российской историографиях второй половины XX века – (Серия «АИРО – первая публикация в России» под ред. Г.А. Бордюгова) – М.: АИРО-XXI, 2015. – 352 с.
- Марк Юнге.* Революционеры на пенсии. Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1921–1935. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 640 с.
- Большевистский порядок в Грузии. В 2-х томах. Том 1: Большой террор в маленькой кавказской республике; составители Марк Юнге, Бернд Бонвеч. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 640 с.
- Большевистский порядок в Грузии. В 2-х томах. Том 2: Документы и статистика; составители Марк Юнге, Бернд Бонвеч. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 656 с.
- О.Г. Герасимова.* «Оттепель», «заморозки» и студенты Московского университета / Послесловие – Дмитрий Андреев. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 608 с. – (Серия «АИРО – Первая монография» под ред. Г.А. Бордюгова).
- Япония 2015. Ежегодник. – М.: «АИРО-XXI», 2015. – 352 с.
- Япония: консервативный поворот. / Рук. проекта Э. В. Молодякова. – М., АИРО-XXI. 2015. – 288 с.
- Современное российское японоведение: оглядываясь на путь длиною в четверть века / под редакцией проф. Д.В. Стрельцова. – М., АИРО-XXI. 2015 – 448 с.
- Федор Крюков.* На Дону. В родных местах. М.: «АИРО-XXI». 2016 г. – 384 с.
- От «Кровавого воскресенья» к третьеиюньской монархии. Материалы научно-практической конференции. – М.: АИРО-XXI. 2015. – 220 с.
- «Атаманщина» и «партизанщина» в Гражданской войне: идеология, военное участие, кадры. Сборник статей и материалов / Под ред. А.В. Посадского. – М.: АИРО-XXI. 2015. – 856 с. + 20 с. илл.

2016

- Научно-педагогические школы России в контексте Русского мира и образования. Коллективная монография / Под ред. Е.П. Белозерцева. – М.: АИРО-XXI, 2016. – 592 с. – ISBN 978-5-91022-342-8.
- Неизвестный Примаков. Документы. – М.: Издательство ТПП РФ; Издательство «Российская газета»; АИРО-XXI, 2016. – 560 с.
- Неизвестный Примаков. Воспоминания. – М.: Издательство ТПП РФ; Издательство «Российская газета»; АИРО-XXI, 2016. – 488 с.; цв. илл.
- Н.И. Дедков, Г.А. Бордюгов, Е.И. Щербакова и др.* История для экономистов. Интегрированный учебный комплекс для студентов экономических специальностей вузов Российской Федерации / Под общей редакцией А.Д. Некипелова и С.Н. Катырина. Том первый. М.: АИРО-XXI, 2016, – 928 с.
- Ю.Е. Бычков.* Ощущение своего времени. Страницы одной не рядовой биографии. – М.: АИРО-XXI, 2016. – 304 с. Илл.
- Е.М. Примаков.* Собрание сочинений. В 10-ти томах. Том 1: Анатомия ближневосточного конфликта. Восток после краха колониальной системы. – М.: Издательство ТПП РФ; Издательство «Российская газета», 2016. – 656 с.
- Е.М. Примаков.* Собрание сочинений. В 10-ти томах. Том 2: История одного сговора: ближневосточная политика США в 70-е – начале 80-х годов. Война, которой могло не быть. – М.: Издательство ТПП РФ; Издательство «Российская газета», 2016. – 608 с.
- Е.М. Примаков.* Собрание сочинений. В 10-ти томах. Том 3: Годы в большой политике. – М.: Издательство ТПП РФ; Издательство «Российская газета», 2016. – 592 с.
- Е.М. Примаков.* Собрание сочинений. В 10-ти томах. Том 4: Восемь месяцев плюс... Мир после 11 сентября. – М.: Издательство ТПП РФ; Издательство «Российская газета», 2016. – 544 с.

- Е.М. Примаков.* Собрание сочинений. В 10-ти томах. Том 5: Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX – начало XXI века). – М.: Издательство ТПП РФ; Издательство «Российская газета», 2016. – 608 с.
- Е.М. Примаков.* Собрание сочинений. В 10-ти томах. Том 6: Минное поле политики. Мир без России? – М.: Издательство ТПП РФ; Издательство «Российская газета», 2016. – 800 с.
- Е.М. Примаков.* Собрание сочинений. В 10-ти томах. Том 7: Мысли вслух. Россия: надежды и тревоги. – М.: Издательство ТПП РФ; Издательство «Российская газета», 2016. – 416 с.
- Е.М. Примаков.* Собрание сочинений. В 10-ти томах. Том 8: Вызовы и альтернативы многополярного мира: роль России. – М.: Издательство ТПП РФ; Издательство «Российская газета», 2016. – 320 с.
- Е.М. Примаков.* Собрание сочинений. В 10-ти томах. Том 9: Избранные доклады, выступления, интервью и эссе. – М.: Издательство ТПП РФ; Издательство «Российская газета», 2016. – 592 с.
- Е.М. Примаков.* Собрание сочинений. В 10-ти томах. Том 10: Биобиблиография Е.М. Примакова. – М.: Издательство ТПП РФ; Издательство «Российская газета», 2016. – 336 с.; цв. илл.
- А.В. Венков.* «Дело Сенина» или операция «Трест» на Верхнем Дону. – М.: АИРО–XXI, 2016. – 196 с.
- А.Д. Цыганок.* Война в Сирии и ее последствия для Ближнего Востока, Кавказа и Центральной Азии: русский взгляд. – М.: АИРО–XXI, 2016. – 400 с.
- Нечаев И.А.* «Я знаю, что время не ждет у порога...». Стихи. Письма. Воспоминания / Серия «АИРО – первая публикация» под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО–XXI, 2016, – 184 с.
- Время декана. К 80-летию Тамары Ивановны Карповой. – М.: АИРО–XXI, 2016. – 320 с.
- О.А. Чагадаева.* «Сухой закон» в Российской империи в годы Первой мировой войны (по материалам Петрограда и Москвы) / Послесловие – Александр Шевырев. – М.: АИРО–XXI, 2016. – 256 с. – (Серия «АИРО – Первая монография» под ред. Г.А. Бордюгова).
- С.С. Войтиков.* Узда для Троцкого. Красные вожди в годы Гражданской войны. – М.: АИРО–XXI, 2016. – 432 с.

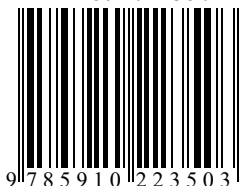
С этими и другими изданиями
вы можете подробнее ознакомиться на нашем сайте
www.airo-xxi.ru

Виктор Леонидович КИРИЛЛОВ
РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ТЕРРОРИЗМ,
которого не было:
Тайное общество «Сморгонская академия»
в русском революционном движении 1860-х гг.

Компьютерная вёрстка и техническое редактирование – С.П. Щербина

I S B N 5 9 1 0 2 2 3 5 0 - X

Налоговая льгота –
Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 – книги, брошюры

Научно-исследовательский центр АИРО-XXI
E-mail: andmak@airo-xxi.ru
www.airo-xxi.ru

Подписано в печать с оригинал-макета 20.10.2016
Формат 60×90/16. Усл. изд. л. 15.0
Тираж 500 экз. Зак.